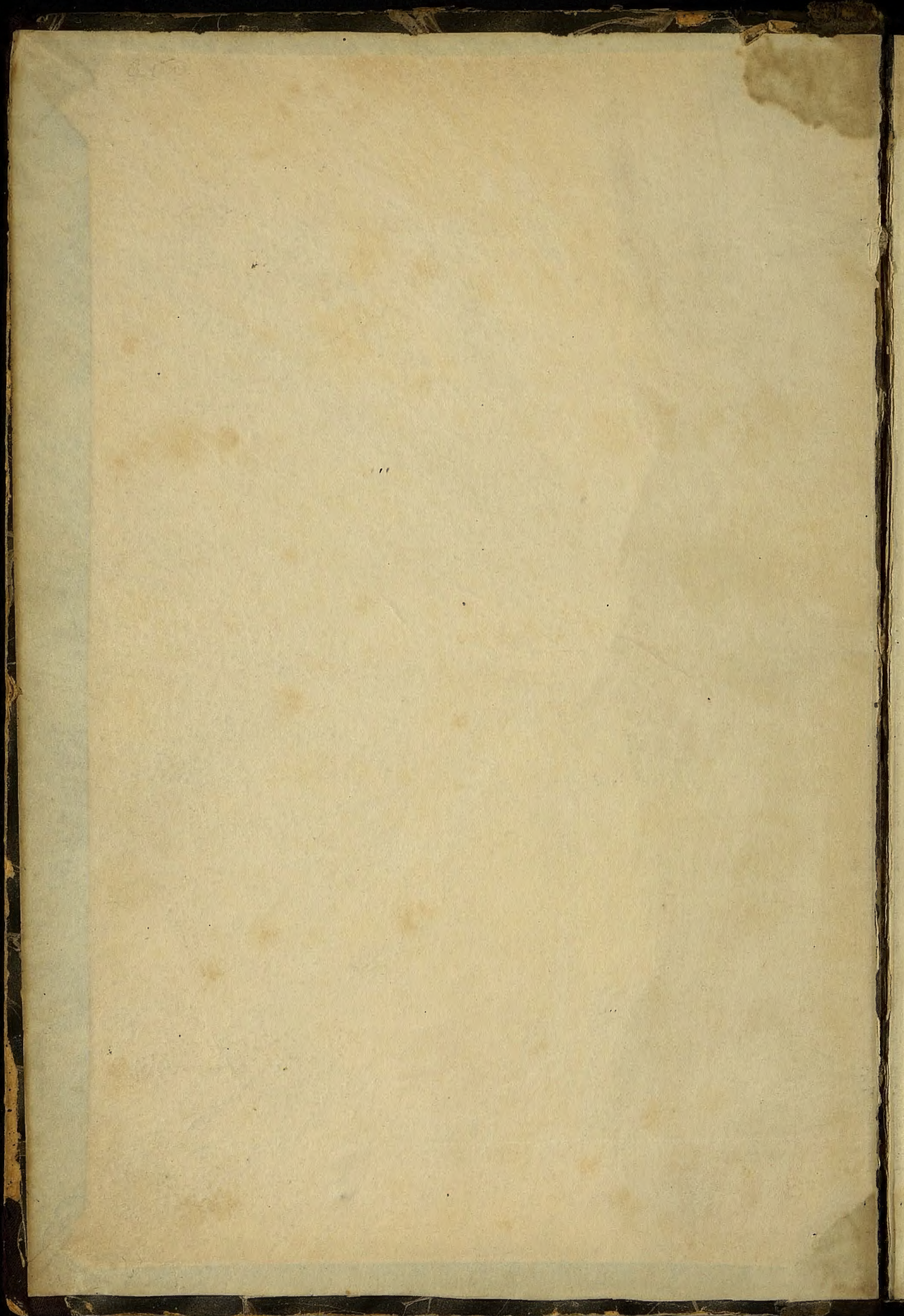

Л Е К Ц І И

П О

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКѢ РУССКАГО ЯЗЫКА,

читанныя в 1906/7 акад. году ординарным профессором ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета

Р. Ф. Б Р А Н Д Т О М.

Ч а с т ь II

М О Р Ф О Л О Г І Я.

Склоненіе.

Общія замѣчанія. Утрата двоины. В русском склонении, как отступленіе от праславянскаго, прежде всего надо отмѣтить утрату категоріи двойнаго числа, которая, въ старинном языкѣ существовала. Колосов в „Очеркѣ исторіи звуков и форм русскаго языка с XI-XVI столѣтіе" отмѣчает, что в грамотах конца XIII в. эта категорія выдерживается еще довольно правильно, хотя уже в Милятином ев. 1215 г. находим „обоѣ кънигы" вм. „обои кънизѣ". По словам Соболевскаго („Лекціи по исторіи русскаго языка"), двойное число существовало до XIV ст. включительно, но перестало употребляться правильно, т. е., иными словами, в XIV ст. формы были еще в большом ходу, но уже без древняго значенія. Современная русская рѣчь сохраняет только нѣкоторые слѣды этой формы въ видѣ употребленія, можно сказать, по внѣшнему виду, роднаго падежа одиннаго числа при числовках 2, 3, 4, а также при оба-ѣ, (хотя на счет послѣдняго надо будет оговориться): два, три, четыре, оба стола, два, три, четыре, оба села; двѣ, три, четыре руки. На счет обѣ слѣдует отмѣтить, что оно по большей части соединяется со множиной: напр. обѣ руки, обѣ ноги (Бусл. § 90); Выросли большія обѣ сёстры, сдѣлались невѣсты (Авенаріус. Дѣтск. сказ., Морозко), хотя у него же: Знай за обѣ щеки уплетает (Цыган-косарь), по обѣ руки (Даль). Двойныя формы отличаются здѣсь, как и вообще в словах азоваго склоненія, от множинных только удареніем, почему Миклошич, не обратив вниманія на удареніе, даже утверждал, что в ж. р. двоина вполнѣ замѣнилась множиной. Настоящую двоину мы видим в еровом склон. (два стола), а также и в мягком различи азоваго: двѣ змѣи. Эти формы имѣли вліяніе на другія склон. - по образцуероваго скл. в оновом, взамѣнъ форм на Ѣ и на И, появились формы на А (два копья), равныя одинному

роднику. Такая замѣна легко могла произойти вслѣдствіи исконной близости онового и ероваго склоненія какое-нибудь село въ большинствѣ падежей совпадало по окончаніям со словом рабъ; копиіѣ со словом врабии и они могли пріобрѣсти сходныя окончанія и для дв. числа. Вліяніем же мягкаго различія азоваго склоненія могут быть обясняемы формы на и, того же склоненія, в каком-нибудь двѣ жены, вм. двѣ женѣ, хотя здѣсь можно также видѣть и вліяніе множины. Несомнѣнную подстановку, на мѣсто двойной формы одиннаго родника можно указать въ Онежских былинах: Прошло тут времечка три году (247) ровно три часу (310); Собирает-то он силы равно три полку. Буслаев значит не дурно выразился, что при чисел 2, 3, 4 мы употребляем дв. числ., которое „обыкновенно смѣшивается с род. пад. один ч." Старѣйшие примѣры на вторично-двоинныя окончанія даютъ: два села (Дух. Новгор. Климента XIII в.), двѣ чары и т. под. нач. XIV в. (Соб. 189). Объединив по управленію 3 и 4 с 2 и оба, гдѣ естественно ожидать двоиных форм, русскій яз. создал в наз. пад. новую грамм. категорію - ограниченное число или малину. Объединеніе это находит себѣ оправданіе в том, что числа 3 и 4 издавна походили на два и Оба тѣм, что они прикладки, а не предметницы, какъ 5, 6 и т. д. Встарину еще въ XV в. числови три и четыре соединялись с числом множ, в народѣ и теперь слышится: три годы, три рубли, а по этому образцу также - два рубли. В нѣкоторых случаях современный яз. сохранил и ятевую двоину: такова форма двѣ, которая, правда, перестала употребляться в среднем р. и осталась исключительно за женским. Как древнія формы сред. рода дв. числа, сохранившіяся до сих пор, слѣдует отмѣтить брылѣ (губы) и мудѣ, (одинот ч. мудо). Буслаев в исторической грамматикѣ приводит пословицу XVII в., в которой является дв. ч. от слова крило: „воробей сидит на тынѣ, надѣется на крылѣ". Форма крылѣ встрѣчается у нѣкоторых писателей, напр. у Жуковскаго в стихотвореніи "Элизіум"; „Не прикована к землѣ Развила она крылѣ"; у Баратынскаго - „Наслаждайся, все проходит": „И веселью, и печали на измѣн-

чивой земле Боги праведные дали Одинакія крыле". - Остатками двойнаго числа, являются также формы очи, уши, плечи, колени. Однако формы эти мало характерны, потому-что окончаніе и вполне обычно во множ. ч. в муж. и женск. роде, а иногда встречается и въ среднемъ, напр. окошки. Из указанных форм форма колени является преемницей древней формы колене; можетъ быть, тут следует видеть просто неправильную орфографію, хотя вероятно, в такомъ случае произношеніе колебалось бы между И и е, так что орфографію следуетъ признать правильной и думать, что форма двойн. ч. применилось к форме множ. Тоже самое относится и к числовке двести, из ДЪВЕ СЪТЕ. Отметим здесь, что при двести встречается редкая областная разновидность дваста, переиначенная таким же образом, как остальныя слова онового склоненія (срав. два окна вм. дъве окне). Дваста приводится Миклошичем из сказок Сахарова (сказка "Семь Симеонов"); - и "дваста без единаго" из народных песен Олонецкой губерніи, изданных Студитским. Двоинное е в соответственном измененіи не редкость у Малорус. и Белорус: дві невісті, дві нозі, дві аптеці; и белор. две, тры, бядзе. В противоположность ятевой двоине азовая у Малорус. и Белор. составляетъ редкость: господствуетъ множина, напр. два дворы.

Двоинныя косьвенники встречаются гораздо реже. Так местный падеж сохранился в наречіи воочію; однако это наречіе книжное, и оно, надо думать, заимствовано из церковнаго языка. Впрочемъ вочью встречается и в народной поэзіи: „один у меня былъ светъ вочью"; подобным же образом встречаем выраженіе за очью: „В глаза лестью льстят, за очью поедом съесть хотят" (Сах, 147 Свад.п.). Отметим безпредложное очью: „Кобылица молодая очью бешенно сверкая (Ерш.Кон.горб.)", видно сошедшее за одинный творник. В областной речи Владимир.губ. отмечена также форма дву, от числов два, в выраженіи „без дву тридцать", а также в таких выраженіях, как двуместный, двуродный (Двою-древняя местоименная форма, дву перена-

чено, еще в стариму, на именной лад). Не слѣдует забывать, что ни первая часть приведенных сложёнок, ни нарѣчія не представляютъ настоящей падежной формы. Скорѣе это можно сказать про такія областныя выраженія, как без дву тридцать (Бусл.), Он живет промеж дву на голи́ (Даль). Нарѣчіе смолоду, которое Миклошич понимает, как род. падеж дв. ч.; Акад. Я.К.Грот в своих замѣчаніях на морфологію Миклошича (Фил. Зап. за 1869г.) считает таким же нарѣчіем какъ сдуру, отроду, т.е. видит тут один. число. Давально-творное - МА (с разновидностью МЯ) встрѣтится нам впослѣдствіи; отмѣтим здѣсь только Малорус. и Бѣлор. МА: очи́ма (древн.), вторичн. плечи́ма и нѣк. друг. Мы видѣли в назывном падежѣ, а также и в вин., по скольку он равен назывному, существованіе ограниченнаго числа. Но оно может быть образовано и в других падежах, а именно, когда множина отличается от однины по акцентовкѣ или по основѣ, напр. у Жуковскаго: „Двух ко́локолов звон" (Дорогой шла дѣвица") Также можно различать ко́локолам, ко́локолами, ко́локолах и колокола́м - а́ми - а́х. Из примѣров устной рѣчи можно привести: С двумя цвѣтами; Бур с двумя зу́бами; Я увидѣл двух татаринов; На двух братов пришлось по стольку-то. Также в ср. и в жен. род. возможно - двум села́м, сестра́м. Однако здѣсь нужно быть особенно осторожным при наблюденіи, так как села́м, сестра́м и т.п. слышатся и во множинѣ: По села́м, городам, По торговым людям (Кольц.) Всѣм сестра́м по серьгам.

КАТЕГОРІЯ РОДА. Что касается категоріи рода, то, кромѣ перехода нѣкоторых отдѣльных слов из одного рода в другой (о чем рѣчь будет ниже), отмѣтим болѣе крупное явленіе: полную утрату этой категоріи во множинѣ. Уже в праславянском и в староцерковном языкѣ иныя окончанія принадлежали двум или даже всѣм трем родам. В русском же яз. теперь не осталось ни одного характернаго окончанія; даже множинный родник на ОВ, преимущественно присвоенный муж. роду, заходит в сред-

нiй, а иногда даже в жен. Так как во множ.ч. рода не существует, то школьное правило, как опредѣлять род существительных, употребляющихся только во множ. ч., по моей терминологiи множинниц, для живой рѣчи совершенно безцѣльно. Вдобавок мы скорѣй всего можем затрудниться именно тѣм, придать ли предметницѣ в род. падежѣ окончанiе ОФ или ЕЙ, или же оставить ее безсуфикса. Так, можем затрудняться, говорить ли от слова кандалы - кандалов или кандал (в Слов.II Отд. значится: кандалы,-ов с.ж.мн.); от слов же обои, побои встрѣчается обой, побой, вм. обоев, побоев (напр. „Чтоб напрасных побой не принять" Недоросл.II,4) - это не то архаизм, не то сбой на безсуффиксность азоваго склон. Очевидное несуществованiе рода во множ.ч. оставалось незамѣченным по той причинѣ, что наши школьные грамматисты находятся под сильным давленiем лженаучнаго правописанiя.

ОБЩIЯ ЗАМѢЧАНIЯ О ПОДЕЖАХ. Из падежей прежде всего обращает на себя вниманiе винильник. У одушевленных ероваго склоненiя в одинном числѣ, во всѣх новославянских языках, он замѣняется родным. Формы бога, друга, брата, кромѣ род.падежа, означают и винил. Такое употребленiе одиннаго родника было весьма обычно уже в староцеркови. хотя там сохраняется еще старинный винильник,- совпадавшiй съ назыв. Естественно думать, что это употребленiе было намѣчено уже в праславянском языкѣ. В новославянских яз. эта замѣна получила большее распространенiе. Особенно же она распространилась в русском яз., переходя и во множное число, без различiя рода, тогда как у других славян множ.ч. или сохраняет древнюю форму винил падежа, или же пользуется родным, вмѣсто винил. только в муж.родѣ у названiй лиц. Этому же правилу обыкновенно слѣдует Малор. и Бѣлорусская рѣчь. Там мы имѣем: панiв, - бу но волй, валй, хотя встрѣчается и волiв, валоу. Нѣкоторыя отступленiя от общаго закона в великорусской рѣчи объясняются отчасти, как архаизмы, отчасти

употребленіем по смыслу или колебаніем между тѣм и другим пониманіем слова. Как областной сибирскій архаизм отмѣчены Далем винильники: 1) Стригу овцы, пасу коровы - вмѣсто овец, коров. Подобный же архаизм представляет: ставить пьявки, идти в гости, отдать в солдаты, произвести в офицеры, принять в студенты и т.п. Как былинные архаизмы отмѣтим выраженія: сохатые (лосей), щуки, караси повыловил (Кирша Данилов). Иного рода особенность представляют такія выраженія, как винильник 2) идола от слова идол. Идол предмет неодушевленный, - но идол есть языческій бог, почему может быть принимаем за одушевленный; подобным же образом Крылов образовал винил. оракула: „В оракула всѣ вѣрят слѣпо". „Всѣ смотрѣли на него, как на оракула" (кот. Мурлыка). „Она смотрѣла на него, как на оракула" (Дост. „Бѣсы"). Странное противорѣчіе со словом идол составляют однозначущія с ним слова кумир и истукан, гдѣ винил. равен назывн. „Галл десницей разяренной низвергнулъ ветхій свой кумиръ". (Пушк. Напол.); „Тяготѣющій над царствами кумир" (Клеветникам Россіи); „Хотѣло б сердце у нея Себѣ избрать кумир единый" (Барат. „Цыганка"). Впрочем от слова кумир встрѣчается винил. кумира: „Как воспѣвать теперь народнаго кумира?" (Стихи неизвѣстнаго автора про ген. Скобелева). Легко объясняется - олицетвореніем - что „царь грибной сталъ звать грибов, а не грибы на войну"; или - Лапать знай лаптя, сапог - сапога. „Послали небеса жестоких сих бичей". С другой стороны: „Читать апостол"; „путешествіе на юпитер" (В.Гаршин); Просмотрѣл „Благонамѣренный" (В.А.Тепляков, Герб. 2 изд. 327). Также мы не можем не признать правильным винильник „тѣней", употребленных Державинымъ в стихотвореніи „Цирцея": „Очарованье злобы в преисподней всѣх встревожило тѣней". 3) Форму, образованную по смыслу, представляет также выраженіе, встрѣчающееся в одной народной пѣснѣ: „Благославляет своего чада милаго" вм. свое чадо милое, потому что „чадо" здѣсь

обозначает мущину (ср. в греч. яз. согласованіе κατα σύνεσιν, напр. τὸ μειράκιον ἐστι καλὸς, а не καλὸν).

ЗВУКОВЫЯ ОСОБЕННОСТИ В СКЛОНЕНІИ. Обратимся тепер к нѣкоторым проявляющимся в склоненіи фонетическим особенностям. Такова вставка гласных между согласными. Вставочные гласные суть О и Е. (Здѣсь, конечно, слѣдует помнить, что основные О и Е, смотря по акцентовкѣ, могутъ проявляться в разных видах: вмѣсто безударнаго О слышится неявственное А, вмѣсто безударнаго Е-И; Е, имѣя на себѣ удареніе, может являться как JO, как Ӓ или Є). Вставка гласных, конечно, есть ничто иное, как подражаніе самородной бѣглости О и Е, развившихся из Ъ и Ь. Вставочное О мы имѣем, напр., в словѣ АГОН, основная форма котораго ОГНЬ: О вставлено здѣсь как при род. станка, дав. станку, твор. станком, нав. был станок, так к род огна, дав. огну, твор. огном образовали огон вмѣсто ОГН. Подобную же вставку мы видим в прикладках ДОЛЪК из ДЛЪГЪ, ПОЛЪН, рядом с полн, из ПЛЬНЪ. Вставочное Е мы находим и в словѣ В'ЄТЪР, основная форма ВѢТРЪ. Форма вѣтр не раз встрѣчается в поэзіи, даже и в народной: „Мои радости буйный вѣтр унес"; но, кажется, она искусственная, книжная. Такую же вставку представляет прикладка ТОПЪЛ, основная фонема ТЕПЛЪ, и ЧОРЬН, основная фонема ЧРЬНЪ. Кромѣ назыв. падежа один. ч. ероваго склоненія у предметниц и принадлежащих сюда безчленных прикладок встрѣчаем вставку в множинном родникѣ оноваго и азоваго склоненій, напр. КАПЕЛЬ, ЗЕМЕЛЬ вм. КАПЛЬ, ЗЄМЛЬ; вёсел, сестёр вм. ВЄСЛЪ, СЄСТРЪ; также тюрем, отъ слова тюрьма, довольно новаго заимствованія из нѣмецкаго языка (Thurm). В иных же словах напрасно говорят о вставкѣ гласнаго, вмѣсто того, чтоб говорить о проясненіи глухого. Так, слово угъл в староцерк. является в видѣ ѪГЪЛЪ, т. е. представляет Ъ; и для слова УЗЪЛ основной формой надо считать ѪЗЬЛЪ. Подобнымъ же образом слово свекор слѣдует выводить из СВЄКЪРЪ, - срв. греч. ἑκυρός, санскр. çvaçuras, лит. szeszuras,

где Ъ находит себѣ соотвѣтствіе в Й. Напрасно также Миклошич говорит о вставкѣ в словѣ котёл, основной вид котораго бил КОТЬЛЪ; сам Миклошич сопоставляет это слово с гот. katils. Точно также Ь содержали слова КОЗЁЛ, при основном КОЗЬЛЪ; свѣтел, при СВѢТЬЛЪ (начертаніе с Ь - или Ъ - перед л господствует в старoцерковных памятниках) и др. Раздѣленіе затруднительных согласных групп в русском языкѣ, особенно литературном, выдерживается не вполнѣ строго. Так, от слова усадьба встрѣчается не только усадьб, но и какофоническое усадьб; от слова вѣдьма употребляется (довольно таки уродливое) вѣдм: Жук. пишетъ „Я за вѣдьм, за привидѣнья" (Воейкову). Особенно часто замѣчается отсутствіе вставки в соединеніи согласных с плавными (Р и Л), и являются такія фонемы игр, икр, искр, игл, подл (краткая форма прикладка подлый), но рядомъ существуетъ также ИГЪР, ИКОР, ИСКОР, ИГОЛ, ПОДЕЛ (И прост и подел вкупѣ. Барат. „Какъ ревностно ты сам себя дурачишь"). Изъ этихъ фонем, по крайней мѣрѣ, одну - ИГОЛ, надо считать органической: по-староцерк. читаем ИГЪ ЛЪНѢ ОУШИ (ИГЪЛА не встрѣчается); тѣмъ не менѣе написаніе ИГЛ господствуетъ, и мы встрѣчаем его даже у Пушкина (Евгеній Онѣгин, II): „Ея изнѣженные пальцы не знали игл;" У болѣе ранних стихотворцев (у Ломоносова, Державина) мы встрѣчаем также ребр, сестр, ядр. На подобных формах стоит нѣсколько остановиться. Мнѣ кажется, что разница между формами ИГЛ и ИГОЛ, ИКР и ИКОР и т.д. только орѳографическая: мы все равно произносим здѣсь слоговие р и л (или, иначе говоря, произносим перед р и л минимальный гласный). Правда, произносятъ иногда эти форми и в одинъ слог, но я сомнѣваюсь, существует ли такое произношеніе в народѣ, скорѣе оно - искусственное, книжное; народ, кажется, от слов игра, икра образовал бы игор, икор, игол, - или игрòв, икрòв, иглòв.

СМЯГЧЕНІЕ. В староцерковных и праславянских склоненіях при соединеніи согласных задне-небных с узкими окончаніями происходило превращеніе въ сви-

стящіе и шипящіе; к слову РЖКА дав.- мѣстн. был РЖЦѢ, к НОГА дав.- мѣст. НОЗѢ (вторичная фонема НОДЗѢ); мѣстный падеж к слову ДОУХЪ был ДОУСѢ, а зовный ДОУШЕ; к мѣстоименью ТАКЪ-ІИ множ. назывник был ТАЦИИ. В русском языкѣ это смягченіе утрачено, мы образуем формы рукѣ, ногѣ, духѣ, такіе, с мягкими к,г,х. Не может быть, конечно, и рѣчи о том, чтобы здѣсь ц,з,с перешли обратно в тѣ звуки, из которых развились; слѣдует думать, что небные возстановлены по примѣру других слов, не представлявших превращаемых согласных: как слово ЖЕНА представляло и в дав.- мѣстн. ЖЕНѢ - тот же звук Н только мягкій, как слово вода имѣло дав.- мѣстн. ВОДѢ с мягким Д, так и к назывникам РУКА, НОГА образовали дав.- мѣстн. рукѣ, ногѣ и т.д.- Внесенія в склоненіе мягких гортанных было подготовлено фонетическим превращеніем древних слогов, староцерковных и праславянских КЪІ, ГЪІ, ХЪІ в КИ́, ГИ́, ХИ́. Дѣло в том, что трудно предположить, чтобы в языкѣ, вовсе не знавшем мягких гортанных, т.е. средненебных, такіе звуки могли появиться в замѣн свистящих.- Утрата смягченія, не есть черта общерусская, а только великорусская - у Малорус. и Бѣлоруссов до сих пор сохраняется; Малоруссы говорят, напр., на ріці (на рѣкѣ), при дорóзі, в мусі; также и по бѣлорусски будет на рацѣ вм. нашего на рѣкѣ, при дорóзи, на стрѣси (стрѣха - крыша). Есть извѣстія, хотя на этот счет показанія нѣсколько сбивчивы, что смягченіе встрѣчается и в областной великорусской рѣчи. Даль сообщает, что Ельчане (г. Елец, Орловской губ.) соблюдают до сих пор это смягченіе, которое кажется сосѣдям смѣшным и вызвало присловіе: „У нас в Ельцѣ, на Соснѣ-рѣцѣ курица вутенка вывела"; и в других южновеликорусских мѣстах отмѣчены: На дорóзя Щигры́ (Курск.губ.), двѣ, три, четыре сосé, Путивль (Курск.губ.), на порóзи, в кабацé (Новосильскій уѣзд, Тульск.губ.). Хронологическія данныя насчет занимающаго нас вопроса оказываются, как обыкновенно, неточными и сомнительными. Кольсов утвержда-

что смягченіе перевелось в XV ст., хотя сам говорил о преобладаніи на письмѣ еще и в то время смягченных форм. Но вмѣстѣ с тѣм он указывал случаи написанія букв К,Г,Х перед знаками узких гласных и ранѣе XV в. Соболевскій же говорит, что в XIV в., особенно на сѣверѣ, такія окончанія уже не рѣдкость. Изрѣдка же они встрѣчаются и в болѣе ранних памятниках: в Изборскѣ (Кормч.1284 г.). Смоленскѣ (Грам.1230), Морьскѣи (Изб. 1076 г.), человѣчьскѣи (Изб.73,) по дъскѣ (Житіе св.Кондрата), воскѣ (XIII слов.Григ.Бог. рабоу своему Дъмькѣ (д.б.Демьяну) запись Минеи 1096 г. (Пасхѣ Остр., как слово иностранное в счет не идет), какое-нибудь человѣки (Вкладная Варлаама Хутынскаго XII в.) м.б. есть вин.в. воли назив.) Отмѣтим, что в старѣйших примѣрах почти всегда имѣется СК вм. СЦ или СТ. Напр. приводятъ форму - человѣчьскѣи, в Изб. 1076 г.- морьскѣи. Таким образом в первые вѣка примѣры несмягченности весьма рѣдки: и пожалуй, можно думать, что именно они отражали дѣйствительное употребленіе: возможно, что древнія формы продолжали господствовать на письмѣ, хотя отходили на заднiй план в живой рѣчи. С другой стороны должно быть в XV ст. замѣчалось колебаніе. Соболевскій утверждает даже что оно не вовсе перевелось в XVI и даже XVII в.: дѣйствительно: „во дьяцѣхъ" (Улож.ц.Ал.Михаил.1649 г.), а особенно „в пирозѣх" (Домострой) едва ли можно считать искусственными, книжными формами. Мы отмѣтили уже, что смягченіе и до сих пор господствует у Бѣлоруссов и Малоруссов, точно также оно господствует и у других славян. Однако языки, сохраняющіе смягченіе, все-таки не раз уклоняются отъ него, прибѣгая к подстановкѣ других окончаній, не требующих смягченія. Так в зовн.п. ероваго склоненія, (не считаю нужным добавлять, что в зов.пад., един.ч., так как множный зовник во всѣх языках сходен с назывником), вмѣсто Е охотно придают слову окончаніе - У; только имена лиц по-малорусски сохранили - Е, так что образуют человіче! враже! душе! но у не личных господствует

- У: вовк - вовку., от неличнаго и вмѣстѣ с тѣм не-одушевленнаго сніh образуют сніку! Подобным же образом уклоняются и от превращенія свистящих в шипящіе; слово стрілець, как личное, образует по старинному стрільче, слово князь - княже!, но отъ слова колодязь производят колодязю., от місяць - місяцю,; хотя, впрочем, это слово имѣет также древнюю форму місяче, очевидно вслѣдствіе олицетворенія. Окончаніе У усвоили себѣ также зовники нѣкоторых одушевленных, именно, слова на - КО: напр., батьку. В мѣстном падежѣ этого же склоненія окончаніе - І, равное древнему ѣ, употребляется рѣдко и также замѣняется окончаніем - У. Существуют, правда, формы, в родѣ чоловіці, вражі, дусі, но господствуют чоловіку, врагу, духу. Подобным же образом и Бѣлоруссы нерѣдко уклоняются от смягченія, а равно и другіе Славяне, знающіе смягченіе. В чешском и польском, напр., мы встрѣчаем мѣстные падежи от слов человѣк, враг, дух в видѣ człowieku (пол.) člověku (чеш.) wrogu (пол.) vrchu (чеш.) и duchu (пол.и чеш.).

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНІЕ. Общія замѣчанія. Утрата укосреднего и согласнаго склоненія. Именных склоненій в староцерковном языкѣ было 6; (См. лекціи профессора по староцерковному языку). Современный же русскій язык совершенно утратил уковое и согласное. На счет гласности основ надо оговориться. Говоря о согласных основах мы становимся на историческую точку зрѣнія, потому что в живой рѣчи всѣ основы согласныя: только с праязычной точки зрѣнія мы можем сказать, что КАМЕN -(КАМЫ -ЕNЕ) есть согласная основа, а ЖЕNА, СЕЛО, РАБЪ - гласныя. Древнія согласныя основы в русском языкѣ, как и во всѣх новославянских языках, могут считаться окончательно утраченными.

УТРАТА ЗОВНАГО ПАДЕЖА. В русской рѣчи, кромѣ утраты уковаго и согласнаго склоненій, слѣдует отмѣтить также утрату зовнаго падежа. Сохранился он только у Малоруссов и Бѣлоруссов. В великорусской же рѣчи он, по замѣчанію Колосова, кажется, сохранялся до XIV в. В настоящее время он вовсе не слышится в великорусс-

ком народѣ и даже в пѣснях составляет рѣдкость; Колосов приводит из пѣсен формы „сестрице" вм. сестрица; Иванушку-Добровичу; в былинѣ про Микулу Селяниновича поется: „Ой же ты ратаю, ратаюшко"; и еще в одной пѣснѣ: „Потерять тебѣ, сыну, буйну голову". Я.К.Грот в статьѣ о Морфологіи Миклошича (Фил.Зап. 1869 г. вып.I) утверждает, что „сыну" в послѣднем примѣрѣ надо считать падежом дав.; по моему, однако, Миклошич прав, когда толкует этот падеж, как зов.: не подлежит сомнѣнію, что первоначально это был падеж зов. и развѣ только теперь" он может казаться народному сознанію давальн, да и то едва ли. Также в Причит. сѣв.кр. находим: „голубко, сестринушко", хотя также и „лебедка, сестрица". По Соб. наз.возобладал уже в XIV в., хотя отдѣльные зовники продолжали господствовать. В малорус. и бѣлорус. они в полном ходу и лишь изрѣдка замѣняются назывником. Книжная же рѣчь знает нѣкоторые зов. падежи, но это заимствованія из церковнаго языка. Таковы - Господи, Боже, Іисусе Христе, отче, старче, владыко. Особенно книжным характером отличается послѣднее. По фонетикѣ русскаго литературнаго языка, при аканьѣ, владыко должно было бы совпасть с назыв. владыка; различать их можно только на письмѣ или искусственном оканьѣ, идущем из церковнаго языка. Владыко, равно как отче, старче - формы церковныя, хотя послѣдняя встрѣчается и в литературной рѣчи, напр. у Пушкина: „Чего тебѣ надобно старче" (сказ.о золот. рыб.), а Господи, Боже, Іисусе Христе прочно утвердились в литературной рѣчи. Однако,вмѣсто Господи, Боже,встрѣчаются иногда в роли зовнаго и назывника. Алексѣй Толстой в стихотвореніи „Іоанн Дамаскин" говорит: „Прими усопшаго раба, Господь, в небесныя селенья"; у него же в другом стихотвореній („Я задремал, главу понуря"): „Дохни, Господь, живящей бурей На душу сонную мою"; также у Пушкина: „Благослови, Господь, своих рабов" (Бор.Год.). На назывник Бог в роли зовника может служить примѣром выраженіе „Бог мой", которое встрѣчается в просторѣчіи и читается

у Пушкина въ Евг.Онѣг., пѣсня II, строка 12: „И запишит она (Бог мой.): Приди в чертог ко мнѣ златой..." Еще замѣтим, что в еровом, оновом и азовом склоненiи почти совпали различiя мягкое с твердым, а иные падежи совпали во всѣх склоненiях.

ЕРОВОЕ СКЛОНЕНIЕ. В еровом склоненiи, за исключенiем назывника и родника множины, твердое различiе совпадает с мягким. Уже в староцерковном и праславянском в нѣкоторых падежах не было разницы. В настоящее время можно говорить о такой разницѣ только на письмѣ, вслѣдствiе несовершенства нашей орфографiи. Падежная форма слов мягкаго различiя, если их написать фонетически, оказываются тождественными с твердыми: наз. карóл' безсуффиксный, как и стол, фонема кърал'á, - л'ý,- л'óм;- л'áм - л'áми,- л'áх кончаются на а, у,ом,ам,ами,ах,как и стола,- лу и т.д. (Мѣстник корол'á и стола одинаков и при обычном письмѣ); дѣйствительная разница есть только в двух множных падежах наз. и родном: столы́, но кърал'и́, столоф, но кърал'éй. Назывники одиннаго числа этого склоненiя, какъ твердаго, так и мягкаго различiя не имѣют флексiи, а приставляют то, что для живого языка есть основа склоненiя. Невполнѣ совпадает наз. падеж с основой в тѣх случаях, гдѣ темовой согласный, стоя в изглашенiи, должен измѣниться: в изглашенiи русскiй язык, как и большинство языков, не терпит голосовых (звонких) согласныхъ, а превращает их в безголосные (глухiе). Таким образом слово annus представляет основу год -, а назывник будет ГОТ тоже самое относится и ко всѣм словам с голосовой согласный в исходѣ: раб,- лов,- друг,- назывники их - рап, лоф, друк; таково же: руп', жураф' или руп, жур-аф (осн. рубл. журавл'). Произношенiе и на рублѣ, журавлѣ или руп л', журáфл' слѣдует признать искусственным. У таких слов можно говорить о наращенiи в косвенных падежах, в том смыслѣ, как мы говорим о нем у согласных основ вродѣ небо - неб-ес-а. Относительно Г замѣчу здѣсь, что в исходѣ оно не всегда превращается в К, а иногда в Х; в Х превращается Г протяжимое: так, основа б-оh- представляет

назыв. бох. В южновеликорусской рѣчи, гдѣ господствует Г протяжимое, будет также и друх. Не всегда однако в еровом скл. назывник лишен окончанія. В нѣкоторых случаях он имѣет окончаніе - О. Напр. в названіи лошадей по мастям: Сѣрко́, Воронко́; а также в сѣверновеликорусских уменьшительным, Ванько́, Сашко́, Пашко́, братко́. в малорусской мы имѣем Днiпро́ (Днѣпр), Петро́. В сѣверновеликорусской и малорусской рѣчи, как окающих, мы можем встрѣтить О и при отсутствіи ударенія, напр. ба́тюшко, ба́тько. Окончаніе О в этом падежѣ иногда является и в других славянских языках: так по-сербски есть ласкальныя имена в родѣ Пе́ро к простому Петар, во́јно (муж.). Для указанных форм естественно и желательно было-бы принять древнее происхожденіе: фонетически их удобно было бы сопоставить с древнѣйшим окончаніем - OS и возводить их к самому праязыку. Но затрудненіе в том, что эти формы не засвидѣтельствованы рано; отсутствіе их в староцерк. языкѣ не может не смущать нас. К тому же в русском языкѣ можно бы легко допустить, что звук О в извѣстных сочетаніях развился фонетически из Ъ. перед группой согласных Ъ мог проясняться, а затѣм, по примѣру косвенников, получить удареніе. Быть может, он даже и появился в подражаніе косвенникам с наконечным удареніем, как Днiпра́,- у́, стрмясь и в наз. акцентовать окончаніе (таково создали вновь), причемъ естественно было выбрать в окончаніе звук О, как обычный бѣглый гласный. Но по-сербки О не происходит из Ъ и в сербском языкѣ бѣглый гласный есть А; и для формы на О в еровом склоненіи там трудно подобрать другое объясненіе, как возведеніе их к древнѣйшим на - OS. Однако лучше всего, вмѣстѣ с Соболевским, видѣть здѣсь формы склоненія оноваго, т.е. первоначально сред.род. Примѣр даютъ Онеж.б.: татарченко малое (1096.) Срв. сред.род. ласкательных имен у Нѣмцев: der Sohn, das Söhnlein; die Tochter дочь, das Töchterlein, и у греков ὁ ὄνυξ (ноготь), τὸ ὀνύχιον; ἡ τράπεζα - τὸ τραπέζιον. Еще, в новгородских граматах XII-XIV в., иногда встрѣчаем окон-

чанIе Е, напр. во Вкладной грамотѣ препод. Варлаама Хутынскому монастырю читаемъ ВЪДАЛЄ ВАРЛАМЄ, так что существит. и элевое причастiе имѣют окончанiе Е. Подобным же образом в одной грамотѣ читается СМЄNЄ ИМАЛЄ; вмѣсто ПОСАДNИКЪ - ПОСАДNИКЄ; вмѣсто ДОЖДЬ - ДОЖДЄ. В былинах также имѣем: „Садке, воронке, Петре". Из этих форм ДОЖДЄ могла бы считаться фонетической: Є можно выводить из Ь, предположив, что Ь проясняется перед сложной согласной группой, начинавшей слѣдующее слово; но для такихъ форм, как ВАРЛАМЄ, СМЄNЄ едвали возможно другое объясненiе, как предложенное Соболевским (Р.Фил.Вѣстн.VI т.), именно, что это зовный падеж в роли назывнаго. Легко, кажется, допустить, что в то время, когда зов. начали замѣнять назывником, зовн. мог иногда в свою очередь становиться на мѣсто назывника. Такая замѣна дѣйствительно встрѣчается в языках, не утратившихъ зов.падежа: в сербских народных пяснях мы нерѣдко, ради размѣра, находим зовник на мѣстѣ назыв.: напр. „Нетко бieши Страхиниħу бане", „Вино пиjе краљевиħу Марко"; это встрѣчается и в русском языкѣ, в малорусском нарѣчiи: „Плаче, плаче молодый козаче". Для таких же форм, как ПОСАДNИКЄ, которыя не могут, конечно, прямо быть древними зовниками, надо допустить, что онѣ усвоили окончанiе Є от других слов, или переняли К из других падежей. Что касается элевых причастiй ВЪДАЛЄ и ИМАЛЄ, то для них, кажется, надо предположить другое чтенiе, указанное Ф.Ѳ.Фортунатовым на диспутѣ Соболевскаго: именно, ВЪДАЛЄ, ИМАЛЄ равны ВЪДАЛЪ ѤСТЬ, ИМАЛЪ ѤСТЬ.

ОБРАТИМСЯ ТЕПЕРЬ К ПАДЕЖУ РОДНОМУ. Родн., кромѣ окончанiя А, представляет также У, напр.: От крѣпкаго СНУ он пробуждается (Он. б.354). Это окончанiе идет из укового склоненiя. То обстоятельство, что слова, издавна принадлежавшiя уковому склоненiю, не представляют этого окончанiя: что, напр. СЫН, ВОЛ

никогда не имѣют род. на У, что говорят сполагоря, а не сполугоря, не может служить возраженіем. Смѣшеніе уковаго склоненія с еровым произошло давно и разграниченіе их форм в русском и других новославянских языках могло состояться совсѣм на новых основаніях. Теперь великорусская рѣчь употребляет родники на У, преимущественно как количественные, напр. охапка хворосту, фунт сахару, чашка чаю; однако это употребленіе неисключительное: нерѣдко и помимо этого являются род. на У, напр., из дому, из лѣсу, без году недѣлю. Трудно сказать, в каких именно случаях это бывает, можно дать только отрицательное правило, что род. на У чужд одушевленным именам. Бо́льшее еще распространеніе, чѣм в великорусском нарѣчіи получил этот род въ малорусском, гдѣ прямо даютъ правило, что неодушевленные предметы имѣют род. на У; впрочем оказывается достаточное количество исключеній и, может быть, при болѣе точном наблюденіи окажется в малорусском приблизительно тоже самое, что и в великорусском простонародном. Несомнѣнно, большее распространеніе, чѣм в русском языкѣ, получило окончаніе род. на У в чешском и польском, хотя и тут из правила, что только одушевленные принимают А, а неодушевленные У, оказывается значительное число исключеній. Кромѣ окончаній на А и У, в мягком различіи встрѣчаем еще одно окончаніе - И; а именно, слово путь имѣет его постоянно, а слово день его допускает: в просторѣчіи весьма обычны выраженія: третѐводни, третьяго дни и до полудни. Пути и дни суть остатки ижеваго склоненія: слово путь принадлежало туда издавна, а слово день, представлявшее первоначально согласную основу, рано стало заходить в ижевое: по староцерковному ДЬNЬ, род. ДЬNЄ, но, как вторичная форма также и ДЬNИ. В старинном русском языкѣ такой род. на И образовали и другія слова с согласной основой, впослѣдствіи рѣшительно перешедшія в мягкое различіе ероваго склоненія, напр. каменъ, камени, корень - корени.

ПАДЕЖ ДАВАЛЬНЫЙ в великорусской рѣчи имѣет только одно окончанiе У; в старину, однако, мы встрѣчаем также, сохранившееся до сих пор у Малоруссов, окончанiе-ОВИ с разновидностью - ЕВИ: пробстови, купцѣви, вѣсцеви (Новг.гр.) Купец и вѣсец (вѣсщик, взвѣшиватель) - слова обиходныя, а пробст, благочинный - латинонѣмецкое. Таким словам едвали могли придать книжноискусственное окончанiе; напротив того какое-нибудь богови могло быть живьем выхвачено из церковных книг. Ови, подобно родники на У, идет изуковаго склоненiя; употребляется оно по преимуществу у названiй одушевленных предметов. Подобным же образом это окончанiе составляет правило у одушевленных в языкѣ чешском, напр. bratrovi; по-малорус. образуют напр. батькові, ковалеві или же ковалёві (от коваль - кузнец). Окончанiя - ові,- еві,- ёві требуют еще нѣкотораго разъясненiя. Очевидно, как мягкая разновидность к-ові, должно было возникнуть - еві, и форма ковалеві есть правильное отраженiе древнѣйшаго КОВАЛѢВИ, а ковалёві - новотворка по образцу твердаго различiя: по примѣру батьк - ови образовано ковал' - ови. Еще вызывает на объясненiя мягкость слога ви: - в соотвѣтствiе древнѣйшему ВИ по-малорусски слѣдует ожидать слога средняго - ковалёви. Миклошич в этом случаѣ предполагает влiянiе на малорусскiй выговор великорусскаго языка; но это предположенiе довольно странное. Можно предположить влiянiе выговора на всю систему языка, но влiянiе в одном только случаѣ допустить трудно. Тѣм страннѣе для такого окончанiя, какого нѣт в великорусском языкѣ. Притом мягкiй выговор слышится и в Галицiи, в сторонѣ от великорусскаго влiянiя; там впрочем есть-ОВИ, -ЕВИ со средним И.- Отмѣтим еще, что ОВИ по-малорусски иногда заходит и в мѣстный падеж, так что говорят - О БАТЬКОВИ; так и по-чешски можно сказать о bratrovi вм. о bratru. Естественно толковать это так, что мягкое І идет из азоваго склоненiя, т.е. явилось в подраженiе тамошнему умягчительному И, произошедшему органически из древняго ѣ; воді равно ВОДѢ, так что

этимологическое правописанiе было бы ОВѢ с Ѣ. Как остаток окончанiя - ови отмѣтим нарѣчiя ДОЛОЙ и ДОМОЙ в бѣлорусском ДОМОЎ, ДОЛОЎ (в малор. домiв, долив), из древнѣйших ДОМОВИ, ДОЛОВИ, которыя фонетически могли дать ДОМОВЪ, ДОЛОВЪ, а затѣм ДОМОЙ, ДОЛОЙ; что мы не говорим, подобным же образом, МОРКОЙ вм. МОРКОВЬ, ГОТОЙ вм. ГОТОВЬ, можно оправдать влiянiем ближайше родственных форм Моркови, готовить и т.д. Не считаю, таким образом, нужным принимать объясненiе Шлейхера, возобновленное не так давно Соболевским, Буличем и Карским, и выводить эти нарѣчiя из предполагаемых мѣстников на ОВЬ, = первоначальному ЕѴI, что неудобно по их значенiю.

В ПАДЕЖѢ ТВОРНОМ мы находим окончанiе ОМ. Древнее праславянское окончанiе было двоякое: ЪМЬ и ОМЬ в твердом различiи и - ЬМЬ и ЄМЬ в мягком. Ближайшим образом МЬ по-русски должно было дать М мягкiй, но губные в изглашенiи склонны к отверденiю и таким образом мог получиться М твердый; вспомним выговор ГОЛУП из основного ГОЛѪБЬ, САМ, рядом с СЄМ, из основного СЄДМЬ. Малорусское нарѣчiе представляет окончанiя - ОМ и ЕМ в великорусском же - ЕМ существует только на письмѣ, так как без ударенiя оно произносится глухо, а под ударенiем является тот же самый гласный, что и в твердом различiи, т.е. О: напр., рабо́м, кърало́м. Великорусскiя окончанiя, значит, суть ОМ и фонетическiй варiант его ЕМ, общiя обоим различiям. В малорусской рѣчи вмѣсто ЕМ встрѣчается ОМ, зашедшее в мягкое различiе из твердаго: как при дав. ковалеви стоит ковалёвi, так и при твор. ковалем - ковалём; также и великорусское - ОМ в мягком различiи не слѣдует объяснять фонетически. Потебня из-за этих форм предположил, что М в твор. падежѣ отвердѣл весьма рано, так что перед отвердѣвшим М произошло расширенiе; так думает Шахматов. Но естественнѣй думать, что КЪРАЛОМ, ЦАРОМ суть формы подражательныя, явившiяся по примѣру твердаго различiя. Сам Потебня замѣчает, что в южновеликорусском говорѣ существует форма КАНЁМ;

впрочем он не указывает, откуда берет эту форму, и сам высказывается нерѣшительно; но существует ли она или нѣт, ее слѣдует признать, как форму самородную, вытѣсненную впослѣдствіи формой твердаго различія. Наше окончаніе представляет еще один вопрос, безразличный для великорусскаго нарѣчія, но имѣющій значеніе для малорусскаго. Великорус. ОМ можно выводить как из ОМЬ, так и из ЪМЬ, но малорусское - ОМ обязательно возводить к окончанію ЪМЬ, а - ЕМ к - ЬМЬ, потому что исконные О и Е, очутясь в замкнутом слогѣ, подлежали сжатію: вмѣсто ОМЬ и ЄМЬ было ІМ, т.е. не говорили бы потóм, конéм, а говорили бы потім, конім. В виду такого показанія малорусскаго языка можно предположить, что и великорусское ОМ восходит именно к окончанію ЪМЬ, т.е., по моему пониманію, в общерусском языкѣ было ОМ с Ŏ, а не с Ō, или же, быть может, не с краткостью, а со звуком О чистым, не склонным к У; если бы тут было исконное О, то было бы Ō, или же О, склонное к У. Необходимость выводить малорусское ОМ из ЪМЬ была отмѣчена Потебней, который, однако, впал в ошибку, предположив, что вообще праславянскому языку слѣдует приписывать только окончанія ЪМЬ и ЬМЬ, и что в них не было окончаній - ОМЬ и ЄМЬ. Дѣйствительно, заодно с малорусским нарѣчіем в пользу глухой огласовки свидѣтельствуют чешскій и польскій язык, гдѣ творный представляет звук Е напр. bratrem, bratem: из основного О - Е произойти не могло. Но если таким образом сѣверозападные Славяне заодно с малорусскими указывают на окончанія ЪМЬ и ЬМЬ, за то югозападные Сербы и Словенцы свидѣтельствують об ОМЬ и ЄМЬ: сербское братом и словенское bratom, также творник мягкаго различія КОНЕМ и КОНЈЕМ могут восходить только к основной формѣ с чистым гласным, потому что глухой по-сербски переходит в А, а по-словенски сохраняется в видѣ глухого (на письмѣ Е) или проясняется в А, Е. ОМ сохранилось и у Болгар (почти вовсе утративших падежныя формы) в застывших творниках, нарѣчіях,

вродѣ бѣжишкòм, бѣгом, мимоходом. Таким образом, если с одной стороны сѣверозападные Славяне предполагают окончанія ЪМЬ и ЬМЬ, а югозападные - ОМЬ и ЄМЬ, то мы должны приписывать праславянскому языку как тѣ, так и другія окончанія.

ВЪ ПАДЕЖѢ МѢСТНОМ, в соотвѣтствіе древнему Ѣ, имѣем окончаніе Ӓ, которое особенно ясно звучит под удареніем, напр. на стола́; (при отсутствіи ударенія слышится тоже Ӓ, так как конечный открытый слог, как извѣстно, не отличается особенно глухим произношеніем. Таким образом мѣстный падеж от слова свѣт может представлять звук Ӓ) на свєта. Однако в таких случаях чуть ли не чаще слышится И: на свєти. Соотвѣтственно этому в народном великорусском говорѣ является здѣсь А с предшествующей мягкостью или тоже И: на свєта или на свєти. Мнѣ кажется, что окончаніе И не слѣдует выводить фонетически из Ӓ. Естественнѣй предполагать, что в этом случаѣ произошел обмѣн окончаній между твердым и мягким различіем: как твердое различіе передавало свои окончанія мягкому, так и мягкое дало твердому свое И. Но кромѣ окончаній Ӓ и Й мы видим еще окончаніе У́, идущее из уковаго склоненія, напр. в лѣсу̀, на берегу̀, на балу̀. Причем нерѣдко архаичное и болѣе книжное Ӓ также встрѣчается, напр. „В темном лѣсѣ" Нар.п., „В ужасном лѣсѣ жизни нѣт" (Ж., Ив.жур.; на балѣ (еще у Лермонтова) „Да, я тебѣ на балѣ подал яд" (Маскарад,) „Были вы вчера на балѣ у графа" (Стран.челов.)

Окончаніе У свойственно исключительно названіям неодушевленных предметов; кромѣ того в значительном большинствѣ случаев оно является у слов с накоренным удареніем в других падежах, вслѣдствіе чего мѣстный на У отличается от дат. на У: дат. имѣет удареніе на корнѣ, мѣстный на окончаніи. Подобное же наконечное акцентованье, вм. начальнаго, представляют относящіяся сюда производныя имена: на острову̀, на откупу̀ (иначе: на о̀стровѣ, на о̀ткупѣ). Есть, впрочем, отдѣльныя слова, в ко-

торых мѣстный на У совпадает с дав., напр. на лбу, во рту - лбу, рту мѣстный падеж, равный дав. лбу, рту. (Иногда в народной рѣчи встрѣчаются мѣстные на У, выражаясь термином греческой грамматики, баритонные, напр. на ду́бчику, на кра́йчику (Сказанія Русскаго народа Сахарова т.III, Русскія народныя пѣсни)) Насчет мѣстнаго с окончаніем У слѣдует еще замѣтить, что он употребляется исключительно в соединеніи с предлогами на, в; другіе предлоги такого мѣстнаго при себѣ не имѣют, напр. въ лѣсу, но о лѣсѣ; на берегу, но при берегѣ, в свѣту, в горну. На тракту; напр. Много видѣл на тракту генераловъ строгих (Некр. „Генерал Топ") По своему вещественному значенію, этот мѣстник неупотребителен в выраженіях переносных, и говорится „не в лѣсѣ дѣло", (Островскій „Лѣсъ"), „в Вишневом садѣ" (Чехова), хотя Щедрин написал раз „не в носу дѣло" и в анекдотѣ, о перевранном телеграфом привѣтствіи актеру, допускают выраженіе „судя по роли в лѣсу" (из чего вышло „сидя пороли з.л.") С другой стороны есть единичные примѣры с предлогом О: „о том приключившемся бою" (Петровскія Вѣдомости N-3 ст.10 б.), заботы о семейном домашнем быту (Никитин, „Дневник семинариста"), „кто жгучею тоскою томился по краю родном" (Тютчев „Нѣт дня, чтобы душа не ныла"); таково-же: „то ся есмя спирали о землѣ, о недѣли; о межах, о лѣсу" (вот мы спорили о землѣ, об общей, о границах, о лѣсѣ) Разъѣзжая грамота 1509, Срезн. Словарь, Недѣль (гдѣ впрочем нѣт ударений), также „о его... гневу" Москв. грам. 1566 г. Изв.Вт.Отд.2,X,2,185). Этот мѣстный на У есть, значит мѣстник в собственном смыслѣ, мы сказали бы „находильный" или „пребывальный" падеж. Окончаніе У в мѣстном падежѣ нерѣдко во избѣжаніе смягченія употребляется у Малороссов, только там он не имѣет отличной от других падежей акцентовки. В малорусском нарѣчіи стоит еще обратить вниманіе на окончаніе мѣстнаго падежа в мягком различіи. Здѣсь, как и в нѣкото-

рых других падежах, является двойственность: согласный, предшествующій окончанію, то мягкій, то средній, напр. КІНЬ - мѣстный - КОНИ или КОНІ. Первую из этих форм должно считать самородной, фонетическим отраженіем основного КОНЙ - N мягкій должен был отвердѣть; форма же КОНІ, равна великорусскому конѣ и заимствовало свое І из твердаго различія.

В НАЗЫВНИКѢ МНОЖНАГО числа окончаніе для твердаго различія есть Ы, напр. СТАЛЫ, для мягкаго - И - корови, кони. Миклошич говорит, что в этом случаѣ русскій язык замѣнил назывн. падеж винильным. Дѣйствительно СТОЛЫ в староцерковном языкѣ есть падеж. вин., но можно ли думать, чтоб вин. падеж могли просто подставить на мѣсто назыв? Мыслимое-ли дѣло, чтоб теперь кто-нибуд сказал вмѣсто сестра пришла - сестру пришла? А точно так, по взгляду Миклошича, поступил бы тот, кто первый сказал СТОЛЫ СТОЯТЬ СТОЛИ СТОЯТЬ. Кажется, надо принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: окончанія И и Ы фонетически близки и отчасти даже помѣнялись ролями, когда возникли „пророцы, ножи, торгашы" и вин. „пророки, враги, духи"; И могло показаться неумѣстным в твердом различіи, гдѣ почти всѣ окончанія представляют широкій гласный; кромѣ того, в один. ч. у неодушевленных предметов существует, сохранившееся от древности, равенство падежей - назыв. и винил.; так как винил. стол был вмѣстѣ с тѣм и наз., то и винил. столы мог стать также и назыв. Как остаток древняго наз. на И можно указать три существительных - холоп, холопи, сосѣд-сосѣди и черт-черти. Однако эти формы, сохранившись, породили за то новые косвенники: все склоненіе множнаго числа перешло в мягкое различіе: холопей, сосѣдей, чертей и т.д. Соб. видит здѣсь формы ижеваго склоненія, однако без достаточнаго основанія; но Н.Петр.Некрасов, говорящій (Изв.ІІ Отд.Ак.Н,Х) о вліяніи слова люди, д.б. прав - здѣсь могло быть вліяніе, а именно охранительное. Окончаніе И не вовсе исключает у этих слов окончаніе Ы.

вмѣсто холопи употребляется и холопы, - ОВ. Востоков и Буслаев приводят также форму сосѣды, - ОВ; мы читаем ее, напр. у Ломоносова: „Тогда нестройные сосѣды О чаялись своей побѣды" (Ода на день восш. на престол Елисав. 1748 г.); или в другой одѣ (Петру Феодор. на восш. на прест): „Пребудешь знатнѣйшій въ сосѣдах". У Пушкина также встрѣчается: „Сосѣды и сосѣдами". Евг. Он. Будде (Ж.М.Н.П. 1898, III, 171) отмѣчает, что для Ломоносова это родная форма. Буслаев приводит еще комари́, - е́й вм. комары́, - о́в; но это слово и в один. числѣ встрѣчается с мягким окончаніем: „Комарь с дуба свалился", „Про комаря вспоминают" (Сахаров „Русскія народныя пѣсни" ч. II). Кромѣ указанных предметниц есть также один прикладок, который в просторѣчіи нерѣдко допускает окончаніе И и который встрѣчается в таком видѣ даже в литературѣ. Это - однопадежное: рад, - А, - О: множ. число не только рады, но и ради. У Ломоносова, в Переложеніи псалма 34, мы читаем: „Посрамлены да возмятутся, что ради злым моим бѣдам"; у Жуковскаго в „Войнѣ мышей и лягушекъ" два раза встрѣчаем эту форму: „ради мы очень, любезному гостью, очень мы ради"; у Пушкина: „Взять тебя мы всѣ-бы ради" (Ск. О мертвой цар.), Ради вы, или не ради" (Воейков „Дом сумашедших)". Влад. И. Ломанскій в письмѣ ко мнѣ: „Ждем войны (турецкой) и будем ей ради". В народной рѣчи кромѣ формы ради отмѣчены еще формы богати, сыти, пьяни, квити - рядом с богаты и сыты, пьяны, квиты. На пьяни и на квити у меня отмѣчено по примѣру из Лермонтова, причем только один может быть оправдан тѣм, что говориться о простолюдинах: „три дни были пьяни Всѣ на подбор, от кучера до няни" (Сашка, I, LXV), „Молчите?.., Мы квити" (Маскарад (1836) V, 6 (в изданіях, правда, напечатано Ы.) Со взглядом Миклошича на множ. наз. мы могли согласиться лишь отчасти; еще менѣе можно принять его взгляд относительно мягкаго различія: формы кони, рубли никак не могут быть названы винил. падежами: старорус. вин. был КОНѢ, прямым продолженіем котораго является малорус. КОНІ, с мяг-

ким окончанiем, имѣющее при себѣ разновидность КОНИ, соотствующую великорус. КОНИ. О винительных на Ѣ поговорим нѣсколько подробнѣе впослѣдствiи, в связи с другими подобными падежами. Здѣсь же о нем упомянуто для того, чтобы отмѣтить необходимость говорить в мягком различiи о сохраненiи назывника (кони) и даже о замѣнѣ им винильника (сжечь корабли вм. старорус. кораблѣ и староцерк. корабля). Кромѣ назыв. на Ы и И, русская рѣчь представляет назыв. на Е. Как извѣстно, Е свойственно словам на ИН, представляющим во множ. болѣе простую основу, напр. римляне, бояре, мѣщане. Эти формы суть древнiя, праславянскiя; их Е слѣдует выводить из согласнаго склоненiя. По примѣру таких форм, как мѣщане, образуют иногда ЦЫГАНЕ рядом с ЦЫГАНЫ, (од. число - ЦЫГАН). Форму цыгане, мнѣ лично привычную, могу указать у Лермонтова: „Цыгане" (заглавiе)... „Цыгане сидят в шатрах"... „Гей, цыгане", у Нарѣжнаго в „Бурсакѣ", а также в двух „алфавитах (словарчиках) XVII в., по Востоковскому Описанiю рукописей Румянцевскаго музея, N-1 и 2. Сравним польскiя hiszpanie - испанцы, dominikanie - доминиканцы (монахи) к hiszpan, dominikan по образу rzymianie к rzymianin. Пушкин писал „Цыганы" и в „критических замѣтках" стоял (по правилам школьной грамматики) за обязательность окончанiе Ы. С другой стороны, вм. Татаре к татарин („Чутки они, татаре-то" Корол., Соколинец VII) господствует татары. От согласных же основ, подобно назыв. на Е, идут старорусскiя формы, извѣстныя из Несторовой лѣтописи, для дав. твор. и мѣстн. у слов. на янин: от народнаго названiя ПОЛѦНИНЪ встрѣчаются формы дав. множ.ч. ПОЛѦМЪ, твор. ПОЛѦМИ, мѣст. ПОЛѦХЪ. Первоначальнo навѣрное было ПОЛѦМЪ, - МЪ (подробнѣе об этом говориться в старославянской Морфологiи Миклошича, и в поправках и дополненiях к ней в русском переводѣ. Вып. I и V), потом Ѧ вм Ѧ могло войти в эти формы из других форм, гдѣ оно развилось фонетически; правда, по-русски я могло произойти из Ѧ; но формы на АМ, АМИ, АХ встрѣчаются в старосерб., среднеболг. и словен. (напр. по-серб. дубровчамъ к дубровчанинъ по-

болг. троꙗмъ к троꙗнинъ, послов; в мѣстных названіях в родѣ нѣмецкаго Dreulach = Dreviljah = несторовскому Древлюхъ у Древлян), а сербы, болгары и словенцы из ꙗ сдѣлали бы Е; А, видно, идет из других падежей, как полꙗне, полꙗнинъ. Еще во мн.ч. русскій язык любит окончаніе - А, обыкновенно имѣющее на себѣ ударение. Назыв. на А ударяемое образуется от слов баритонных, напр. ГО́РОД - ГО́РОДА - ГОРОДА̀, ЛѢ́С, ЛѢ́СА, ЛѢСА̀; ве́чер,- а - вечера́; по́греб - а - погреба́ и подобным же образом неупотребительное в од.ч. слово су́д, су́да образуэт мн.ч. суда́, которое служит множиною к однинѣ су́дно. (Слово суд существует в сложеніи с предлогом СО: СО-СУД). У Бенедиктова находим: „Застучали молота". („Прометей") Окончаніе А, ударяемое весьма обычно у цѣлаго ряда слов пришлых, напр. флюгера̀, юнкера̀, помпола̀, флигеля̀, эгеря̀. Во множ.наз. иногда является и А безударное; так народная рѣчь знает формы боя́ра, ба́ра. Безударное А в усложненном видѣ представляет слово хозяева.- Далѣе мы видим окончаніе ja (на письмѣ ья): просто ья или же усложненное - ОВЬЯ,- ЕВЬЯ: братья, друзья̀, кумовья̀, зятья̀ или зятевья̀. Окончаніе А, получившее большое распространеніе в русском языкѣ, встрѣчается и в других словянских языках, только рѣже: попольски, напр. okręt , судно, корабль образует не только okręty, но и okręta; по-чешски oblak - oblaky и oblaka. Азовые назывники восходят к именам собирательным, или (как я предпочитаю говорить) сборным. Отчасти такія слова сохраняют свое старинное управленіе: так в сербском и славянском языкѣ мы в соотвѣтствіе нашему господа̀, имѣем сборную предметницу госпо̂да, gospôda, хотя по смыслу это множ.ч. к госпо̂дин, gospôd. Такая сборница имѣлась и въ старорус. „аже закупъ (наемник) бѣжить от господы" (Р.Прав.) Что касается окончанія ja, то оно отчасти тоже повторяется в других языках, - таково слово братья, которое существует почти у всѣх Славян: староцерк. БРАТЬꙖ или БРАТРЬꙖ, серб. браћа и т.д., равно греч. φρατρία братство. Русское окончаніе

Я, впрочем, не всегда указывает на первоначальное Ѣ; нерѣдко оно переиначено из окончанія ЬѤ (ИѤ). Так формы брусья, клочья естественно считать замѣной первоначальных форм брусье, клочье. О собирательном употребленіи таких форм говорит Ломоносов; В качествѣ примѣров можно указать: „Которое из рѣк каменье... на берега вынесено будет,.., того каменья... на фарватер не бросать (Пол.собр.Зак.1778 г.); „Верхній лѣс... Под новой корой и новым листьем блещет" (Мерзляков, Освобожд.Тер., Т.II,226), „Смотри как листьем молодым стоят обвѣяны березы (Тютчев, „Первый лист") Отмѣтим однородную сборницу перье к слову онового склоненія перо; у Крылова наприм. „Утыкавши себѣ павлиным перьем хвост; на ней и своего осталось мало перья (басня „Ворона"); „И перьем бы твоим постельку их услать" („Добрая Лисица"). Отчасти вслѣд за Гротом (Филолог. разыск. I,387), хотя измѣняя кое что у него, должно признать здѣсь формы двоинныя, сохраненіе которых особенно естественно у названій предметов парных: глазà, рогà, бокà, рукавà, также берега (два берега у рѣки); и хозяева (в смыслѣ хозяина с хозяйкой). В пользу такого толкованія Шахматов указал на соотвѣтствіе по окситонности литовской двоины, напр. ponù при pônas (пан, барин). Если это так, то окситонная двоина, при баритонной однинѣ, оставаясь двоиной (впослѣдствіи числомъ ограниченным), примѣнялась по ударенію к однинѣ; окситонная же форма пріобрѣла множное значеніе, не без содѣйствія, прибавил бы я, древних собирательных на - А. Никуда не годится (исторически) выставленное для азовой множины, обясненіе Миклошича, будто здѣсь имѣется переход в средній род; подобно какому-нибудь греческому τὰ σῖτα при ὁ σῖτος. Еще надо оговорить, что З в словах друзья и князья, очевидно пришло из настоящей множины: друзи, князи: должно быть дружья и княжья; дружья отмѣчено Колосовым, как олон (в Онеж. был.) и как Рязанское (в Сборн.Шейна); княжья видим и

встарину. Напр. в Начал.Лѣт. в договорѣ Игоря с греками, читается: А ИГОРѦ ВЕЛИКАГО КНѦЗѦ РУССКАГО И ВСѦКОѬ КНѦЖЬѬ. Распространительное - ОВ - ЕВ -, конечно, идет из уковаго склоненія; напр. сыновья примыкает к древнему синове. Но самое - ОВЕ исчезло из языка. На него указывает лишь, встрѣчаемое в былинах, путивльское: царэве, да татарове и уланове (улан - татарскій придворный; по-турецки ОГЛАН - ПАЖ). Нѣсколько чаще-ОВЕ встрѣчается у Малороссов и Бѣлороссов, но там его рѣшительно можно признать полонизмом, напр. панове. И старинныя грамоты представляют лиш единичные примѣры: татарове (Дух в кн. Ивана Калиты 1340), пословѣ (Новг.гр.около 1300 г.) Однако, пословѣ, татарове и уланове, как русскія новотворки доказывают, что ОВЕ, хотя бы и рѣдко, но употреблялось нѣкогда в великорусской рѣчи.

ВЪ РОДНОМЪ ПАДЕЖѢ МН.Ч. имѣем для твердаго различія ОВЪ (волоф) и для мягкаго ЕЙ (КЪРАЛЕЙ). Окончаніе - ОВЪ идет из уковаго склоненія: древнее- ОВЪ содержало флексію Ъ и темовой дифтонг - ЕЙ в видѣ - ОВ -;- Ъ, однако, в новѣйшем языкѣ онѣмѣл, и - ОВ -, бывшее нѣкогда темовым гласным уковаго склоненія, превратилось в падежную флексію. Окончаніе ЕЙ идет из ижеваго склоненія, от таких, значит, слов, как кость, путь, древнія формы род.падежа были КОСТЬИ и КОСТИИ, ПѪТЬИ и ПѪТИИ; русскія формы произошли изъ первых через прояснение Ь в Е, или же из вторых через переход Й в Є. В староцерковном окончаніе род. было в этих случаях просто - Ъ в твердом различіи и Ь - в мягком. Грань между твердым и мягким различіем в разсматриваемом падежѣ проведена не строго. Народная рѣчь не чуждается в мягком различіи окончанія ОФ, образуя, напр.; вмѣсто рубл'-éй - рубл'-òф, вмѣсто кърабл'é й - кърабл'-òф. Такія формы у Колосова приведены уже из памятников XIV в.; в новгородской лѣтописи в этом столѣтіи читаем КОРАБЛЄВЪ, КОРАБЛЬВЪ.
В современномъ языкѣ также в мягком различіи, послѣ

ждают форму цыгане и велят употреблять только ЦЫГАНЫ: если допускать, и даже предписывать, род. ЦЫГАН, по образцу народных именованій на АНИН, то нечего спорить и против наз. по тому же образцу. Пушкин впрочем был послѣдователен и писал также цыганов, не только в стихах („Телѣги мирныя цыганов" Цыг. Эпилог) но и в прозѣ: „не знали происхожденія цыганов" (Замѣтки к.п.Ц) „моих Цыганов", (из м.Ц. Письмо к Рылѣеву и Бестужеву 25/I 25 г.) Имѣется также ряд отдѣльных слов. допускающих, иногда даже исключительно употребляющих, безсуффиксный род., напр. глаз, волос — глаз, волос. Но в Ряз.губ. Будде (105.110) отмѣтил глазов и волосов. В исторіи „о азовском взятіи" мы находим „сколько на ваших головах волосов" (Орлов.249). И у Фонвизина читаем: „цѣлый парик изочтенных волосов" „ежели волосов не считают" (Бригадир I,1). Преобладает род. безсуффиксный у слов. чулок, носок, сапог, хотя слышится также чулков, носков, сапогов. От слова солдат род. обыкновенно равен назыв. од., хотя в просторѣчіи солдатов; и на эту форму есть даже нѣкоторые примѣры в литературѣ, напр. „Художников сбирал и обучал солдатов", (Ломоносов, Надпись на статуѣ Петра Великаго); Ты.., зрѣл, дивясь Суворовских солдатов" (Баратынскій, „Дядькѣ-Итальянцу"). Такой же родник образуют нѣкоторыя видовая названія к родовому „солдат": гренадѐр, кирасир, драгун, гусар, улан. Школьная грамматика предписывает употреблять именно эти формы, но едва-ли онѣ рѣшительно господствуют - мнѣ, наоборот, кажется, что обыкновенно говорят и пишут гренадеров и т.д. Безсуффиксный родник представляет еще слова господин и турок — господ, турок: у перваго в этом несомнѣнно сказывается память первоначальной принадлежности к жен.род., да и второе, должно быть, слѣдует азовому склоненію, заимствуясь у своей народной разновидности турка (равный латинскому turca). Есть впрочем примѣры на форму турков: „У Турков и Персов имена всѣ одного общаго рода" (Ломон.Грамм.); „У Турков и мальтійских кавалеров" (Фонв. басня 155) „Турков царь" (Мерзл. Осв.Іер.т.II, 56) „Подлѣ Турков" (Бодянскій, перев. Славянских

j, встрѣчается ОФ (ЬФ): воробьев, ручьев, братьев. С другой стороны отмѣтим: зятьей, князьей (Он.б.1301) и ручьей (Тж. 1308); исключенiе в другую сторону: тетеревей - мнимое и очевидно предполагает тетеревья. Притом есть также родник по общему типу. Вспомним с одной стороны у Державина: „Вдали тетеревей глухое такованье " (Жизнь званская); а с другой у Тургенева: „Послѣ охоты на тетеревов" (Запис.Охот. „Стучит"). Такова же и форма соколей (Он.б.531). Впрочем это чуть ли не тот стих, который у Рыбн. I,2,5 звучит: „Ловите гусей, лебедей, ясных соколей, гдѣ могли повлiять двѣ предшествующiя ижевыя формы. Отмѣтим еще вал.д. гостей, лебедей, что мы,вмѣстѣ с Шахматовым, будем обяснять сдѣлкой между - ЕЙ и - ОВ. От имен на ЕЦ, принадлежавших первоначально к мягкому различiю, как оканчивавшихся на - ЬЦЬ, литературный язык образует род. по твердому различiю, но в народной рѣчи встрѣчается иногда форма на - ЕЙ: гребцей, молодцей. Напр. в Он.был: „борцей, купцей." Отмѣтим также новоцерковное:„упованiе всѣх концей земли" (ψ. 64,6). Но в XIV в., кромѣ обыкновеннаго окончанiя - ОВ, еще нерѣдко видим безсуффиксность, соотвѣтствующую древнему окончанiю Ъ. Напр.: ИСЬ ПОРТЪ (Дух.Ив.Калиты); конь своих (Дух.Сим.Горд.); а с другой стороны, уже в XII в (в первыхъ собственно-русских памятниках) в большом количествѣ встрѣчаются формы на - ОВ, - ЕВ: доуховъ, троудовъ, монастыревъ (Ж.Ѳ.П.) хлѣбов, конев, (Прол. 1262 г.) Ижевое окончанiе ИИ отмѣчено со второй половины XIII в. пѣнязии (Ев.1270 г.) без стихарии. (Корм.1282 г.); мужии 3 раза (Ряз.Кормч.1284). ОВ и ЕВ являются и в XI в., напр. Даров (Сл.Гр.Бог.97 д.); врачев (Остр.Марк.5,26), однако они там, м.б., не русскiя: даров находим в супр.рук.; там же, а также в Загр.,Сав,Ник.:врачев. Также ИИ, ЕЙ могут быть не русскими: Врачем в Асс.Ев. Теперь безсуффиксные род. свойственны: 1) словам на ИН (АНИН): боярин - бояр, мѣщанин - мѣщан, гражданин - граждан, римлянин - римлян. Таким же образом род. падеж. от слова цыган есть тоже цыган; в виду этого я думаю, что напрасно осу-

древностей Шафорика, II, 1,408). В народной рѣчи мы встрѣчаем от слова день форму дён - пять дён вм. литературнаго пять дней; это дён, надо отожествлять со славянским ДЬНЪ, которое есть форма согласнаго склоненія. Литературный примѣр: „Няня сорок дён служила панихиды" (Майков, Княжна XII,2), д.б., допущен лишь потому, что говорится о простолюдинкѣ. Кромѣ указанных слов, и еще нѣкоторыя являются с безсуффиксным родником, хотя обыкновенно имѣют ОВ, напр. ЗУБ: „Пегас стар, зуб уже нѣт" (Пушкин, Дом.в Кал.;) „старик без зуб" (Конт.Сат.5;) „от зуб его уж не было спасенья" (Жук. 6,255 = стр.443, 7-го ефремовокаго изд. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣром волкѣ); У Крылова: „Повис на нем, зуб не разжимал (Соб. чел. кошка и сокол). Даль под словом ЛУК приводит поговорку „Лук от семи недуг"; еще от слова РОГ имѣем: „Бодливой коровѣ Бог рог не дает". Далѣе мы употребляем безсуффиксный род от названій мѣры и вѣса и нѣкоторых других слов при числовках (понятно при пять и выше), напр. пять пуд, пять аршин, пят человѣк. Формы пуд., аршин не исключают однако и форм пудов, аршинов; причем пуд, аршин, чего добраго, германизмы, которые могли привиться в языкѣ, потому что совпадали с архаизмами: какое-нибудь пять фунт едвали не есть прямо нѣмецкое fünf Pfund. Итак, почти нѣт слов, которыя, хотя бы в литературной рѣчи вполнѣ выдерживали безсуффиксность: таковы, насколько мнѣ извѣстно, лишь: бояр, бар, мѣщан. Даже и тут могу привести державинское: „Россійским флотом вмиг флот Агарянов стертый" (На побѣды Ек.II под Турками,22)

ПАДЕЖ ДАВАЛЬНЫЙ, ТВОРНЫЙ и МѢСТНЫЙ МНОЖ.ЧИСЛА вмѣсто старинных окончаній ероваго склоненія (-ОМЪ, с фонетической разновидностью ЄМЪ,- ЫI, в мягком различіи - И; ѢХЪ, в мягком различіи - ИХЪ) усвоили себѣ окончанія азоваго склоненія - АМ, АМИ, АХ, которыя и вообще распространились на всѣ склоненія. Это же вліяніе, обыкновенно, впрочем менѣе сильное, замѣчается у сѣв.-зап.Славян; а из юго-зап. - у Словенцев; так напр. Поляки образуют творник на ami и

мѣстник на ach: panami, panach. Первые примѣры на АМ, АМИ являются во 2-й полов. XIII в. В захарьинском парим 1271 г.: „Египтянам; безаконьнам, хотя оно, фонетическое (Шах., изсл. 83), - и мотигорьцам, клобуками, - ах вотрѣчается не ранѣе XIV в.: на сборищахъ на сонмищахъ (Ев. 1339 г.) о глаголахъ (Ев. 1358 г.) Шахматовым было высказано предположенiе, что азовыя окончанiя значала появились в оновом склоненiи, а потом уже перешли и в еровое, так как у о́новок им благопрiятствовало назывничное окончанiе - А. (Для словенскаго языка такой ход дѣла засвидѣтельствованъ памятниками) В XIV-XV в. еще господствуют старыя формы, которыя употребляются еще и в XVI-XVII в., отчасти в дѣловом языкѣ, даже в XVIII. Древнее окончанiе дав. падежа - ОМЪ мы употребляем в выраженiи по дѣлом; но по дѣлом, вѣроятно, живьем выхвачено из Евангелiя. В народной рѣчи изрѣдка вотрѣчаются дав. на - ОМ: лошадём; Колосов из Онежских былин и из пѣсен Кирѣевскаго приводит Татаришком и постойлом. В бѣлорусском - ОМ является нерѣдко (разумѣется под ударенiем): паном, копачом и т. д.; но, может быть, вслѣд за Карским, - ОМ слѣдует считат новотворкой к безударному - АМ (Срв. он плотит, вм платит к плачу, понятному, какъ ношу). У Малоруссов, у коих возобладали тѣже окончанiя, как и у Великоруссов, встрѣчается в областной рѣчи, именно у карпатских Малоруссов IМ из ОМ: волiм, родiм; попадающiеся кое-гдѣ в Галицiи давальники на ОМ (и фонетически неправильные) естественно считать полонизмами или словацизмами. И в твор. падежѣ изрѣдка появляются древнiя формы на Ы: напр „Заросла дорога лѣсы брянскими"; „низкими поклоны поклоняется" (Выл.). У Пушкина также находим „С дубовыми тесовыми вороты", допущен им же „Гюго с товарищи, друзья натуры" Его (Александрiйскiй стих.) гулять пустили без цезуры (Домик в Коломнѣ) содержит старинную закостенѣвшую приказную форму. Отмѣтим еще поговорку „Справил бы однорядку

(однобортный кафтан) с корольки (с кораллами), да животы (средства) коротки". Даль. Слов. (Даль упоминая о таких формах под словом творить, считает их назывниками заменяющими творник).

По этому образцу появляются новотворки от слов азового склоненія, напр. „с гостиными женя", „Это бывало уже встарину с малыми дружины" (Лавр. сп. лѣт. 645). Параллель этому явленію представляет польскій язык, в котором твор. падеж не раз сохраняют старинное окончаніе - У; напр. polwać z charty (охотиться с хортами, т. е. с борзыми), miedzy voskosznemi sady (Мицкевич) при обыкновенных формах chartami, sadami и, по примѣру этой двойственности, можно напр. от rata образовать raty вм. rotami: Мицкевич пишет miedzy krzyżowemi roty (между крестоносными отрядами). На архаическіе твор. есть нѣкоторые примѣры у Ломоносова; конечно, это могут быть славянизмы, и даже можно считать болѣе вѣроятным, что таких форм в живой рѣчи вовсе не существовало: „Уже со многими народы Глазят эфир, земля и воды" (Ода на день восш. на прест. Елис. Петр. 1746 г., строфа 5.) У Толстого, „Смерть Іоанна Грознаго, д. 4: „Ты Пушкину с товарищи велишь", в чем можно видѣть поддѣлку под старину; однако и у Пушкина читаем: „Гюго с товарищи, друзья натуры" (Домик в Коломнѣ) - это д. б. долго державшаяся приказная форма; у него же, под вліяніем народной поэзіи, находили: „С дубовыми, тесовыми вороты" (сказ. о рыбак.). Однако, когда Лом. в грамматикѣ пишет, что „буква Г произносится разными образы" - эта д. б. живой остаток старины. А уж никак нельзя сомнѣваться, что для автора „с пирогами грибы, с рыжики" - были еще живыми формами великорусской рѣчи окончаніе И для творн. также встрѣчается лишь изрѣдка, притом карпатскія: „с часами часи" м. б. словацизмы или полонизмы. В сѣверно великорусской рѣчи находили еще творники на - ЫМА и ИМА „сарафаныма, огородыма, роботникима, орѣхима", а также и в женском родѣ - чашкима". В этих формах - Ы и И, вѣроятно, идут от прикладков, а конечное А едвали можно объяснить иначе, как из двойнаго

числа. Подобныя окончанія представляет язык сербскій, гдѣ дав., твор., мѣстн. падеж множнаго числа оканчивается в еровом и оновом склоненіи на - ИМА, напр. јеленима, сѐлима. Южновеликорус. (напр рязанск. ИМИ, послѣ задненебных при безударности: крѐстникими, зубкими), естественно выводить через ЫМИ из АМИ, считая его лишь звуковою разновидностью. Еще встрѣчается в народной рѣчи окончаніе - АМЫ: со дружинамы, со товарамы (Онеж. был. 283, 386;) это в извѣстном смыслѣ слѣд древняго окончанія ЪI: смѣшеніе этого окончанія со вторичным окончаніем АМИ. {Подобное же смѣшеніе окончанія со вторичным окончаніем АМИ.} Подобное же смѣшеніе окончанія ЬI с другим окончаніем - ЬМИ слѣдует видѣть в каком-нибудь добрима конмы (Он. б. 190), со желанныма родительма (Барсов, Причит. Сѣв. кр. I, 202). Встрѣчается и просто МИ, т.е. окончаніе ижеваго склоненія: воротми (Он. б. 754,) улицмы (тж. 1064) Наконец творн. в народной рѣчи является еще в формѣ дав., т.е. мы видим окончаніе АМ вм. АМИ; здѣсь надо видѣть отпаденіе И и отвердѣніе конечнаго зубного; отпаденіе можно оправдать естественным стремленіем к сокращенію слов и к равносложности надежей. При совпаденіи творников в большинствѣ случаев с давальниками и творники на -ЬМИ могут идти за давальники. Так в Угличѣ стали говорить к дверьми вм. к дверям; еслиж иные могут сказать напр. к двеоями, то лишь при неудачной поддѣлкѣ под книжную рѣчь. Ѳ. Глинка допустил творник цѣпам: „Аль цѣпам по токам"? (Бѣдность и труд), но в стихотвореніи, сочиненном на народный лад. В мѣстном падежѣ наставка ѢХЪ окончательно утрачена. Миклошич приводит, правда, нѣкоторые примѣры с оялкой на Сказки Сахарова, но эти сказки представляют вообще источник нѣсколько сомнительный; кромѣ того, ~~это собственно~~ не сказки, а по большей части растроенныя в пѣсенном складѣ былины; одна же из сказок - „О Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ" представляет старинный канцелярскій слог, в значительной мѣрѣ искусственный. В качествѣ болѣе надежных примѣров, можно указать на такія выраженія, как: „На многих мѣстех, в давних лѣтех" (Татищев, Разговор о „Поль-

сѣ наук и училищ); хотя и это скорѣе искусственные архаизмы. Но, навѣрное, живыми формами были отмѣченные в Домостроѣ: „в погребех и на ледникех, в пирозѣх, в сундукех". У Малоруссов изрѣдка встрѣчается окончаніе ІХ, равное древнему ѢХЪ; хотя обыкновенная форма от какого-нибудь ЛІС есть у лісах, но встрѣчается и у лісіх. Даль приводит областное нарѣчное выраженіе на сносѣх, являющееся также в нѣсколько ином видѣ - на сносах или на сносях; форма сносях для современнаго пониманія есть мѣстный падеж по мягкому различію, но слѣдует думать, что это - примѣненіе древняго окончанія - ЯХ ко вторичному АХ. Подобная же форма с сохраненіем еще древняго переходнаго смягченія есть извѣстное пѣсенное во лузях - во лузях предполагает древнѣйшее во лузѣх, что слышится, говорят, в Орлов. губ.

Замѣчанія, сдѣланныя относительно ерового склоненія отчасти, как я уже говорил, относятся и к другим склоненіям, и я их там не буду уже повторять. В основном склоненіи, к которому я теперь перехожу, мы опять также видим почти полный параллелизм древняго твердаго и мягкаго различія: сило и кайјо склоняются совершенно одинаково, разнятся только на письмѣ. Форма кайјо, по-моему, возникла путем подражанія форм сило, а самородная форма была-бы кайје. Разница в склоненіи слов сило и кайјо замѣчается только в род. падежѣ, множ.ч.: сол и копьй, притом разница эта, конечно, вторичная, так как основная форма КОПЬИ первоначально имѣла тоже окончаніе, как основная форма СЕЛЪ, но послѣ ј вмѣсто (буква) Ъ явилось И.

Им. мн. ч., кромѣ обычнаго окончанія - А, по которому он совпадал с род. ед., (~~обыкновенно~~ не всегда однако отличаясь от него по ударенію сило, села. - села, поле поля - поля) иногда имѣет окончанія, заимствованныя им из ерового или азового склоненія, т.е. Ы и И: таковы формы веслы вм. весла, болоты вм. болота. В народной рѣчи такія формы весьма нерѣдки, встрѣчаются онѣ и в литературном языкѣ, особенно в стихах для риѳмы. Напр. у Дмитріева очень обыкновенны

формы: свѣтила, лицы, лѣты, селы (Буслаев); у Батюшкова вины ("к Жуковскому"), гнѣзды ("Мои пенаты"); у Пушкина в стих. "Опричник": "Не их ли кровью облиты Твоя булатныя копыты"; у Языкова в пѣснѣ "Из страны, страны далекой": "Помним холмы, помним долы, Наши храмы, наши селы"; у Жуков. "Пери и ангел": "И были вечера свѣтилы, как яркія паникадилы". (В послѣднем примѣрѣ могло бы оба раза стоять окончаніе А: должно быть, здѣсь сказалось стремленіе отличить множ.ч. от од. Окончаніе Ы обыкновенно является без ударенія, под удареніем - Ы являются чуть ли не в одном словѣ дно, к которому образуют наз. множ. дны (и донья). Безударность окончанія - Ы может навести на мысль, что оно произошло фонетически, т.е. что тут слышится глухой звук, вышедшій из А; но такое толкованіе было бы неправильно, потому что конечный слог представляет произношеніе довольно глухое, но не совсѣм неявственное, и в таком слогѣ - А и Ы не могли совпасть фонетически. Окончанія ерового и азового склоненія составляют правило у слов на КО: окошко - окошки, очко - очки, ушко - ушки или ушки (у него ушки на макушкѣ); писатель прошлаго столѣтія от слова войско образовали войски вм. теперяшняго войска. Подобным же образом слово яблоко представляет множ. ч. яблоки; впрочем у этого слова можно сомнѣваться, сопоставить ли эту форму с яблоко или с народной разновидностью этого слова яблок, муж. рода. Образованіе множнаго назывнаго онового склоненія по оновому и азовому встрѣчается также у Поляков: по-польски вм. słowa можно встрѣтить słowy и т.п.

РОД.П.МНОЖ.Ч. в мягком различіи, как уже отмѣчено, имѣет окончаніе, отличное от твердаго, именно является ЕЙ. Мы видѣли, что у слова копьё окончаніе ЕЙ развилось фонетически, но это замѣчается только у слов іотоваго различія. Слова собственно - мягкаго различія представляют ЕЙ иного рода: когда, напр., море образует морей, то здѣсь слѣдует видѣть вліяніе ижеваго склоненія (путь-путей, кость-костей); много вліяет в этом случаѣ и мягкое различіе ероваго скло-

ненія, куда это окончаніе перешло также из ежеваго. Естественно притом думать, что окончаніе ЕЙ должно было прежде всего установиться в еровом склоненіи и в оновое склоненіе вошло уже из него, т.к. у оноваго склоненія не было сходства с ежевым. Употребленіе окончанія ЕЙ в мягком различіи оноваго склоненія находит себѣ соотвѣтствіе в языкѣ чешском, гдѣ в этом случаѣ употребляют соотвѣтственное í: pole-polí. Старинныя формы, как извѣстно, представляли Ь, и из них по-русски должны были войти формы безсуффиксныя пол, мор. Такія формы можно указать в литературѣ, именно у Ломоносова и Державина (насколько онѣ принадлежали живой рѣчи это сомнительно) - у Ломоносова в „Одѣ на взятіе Хотина": - „Казацких поль заводской тать", там же: „Седьми пространных морь брегов"; у Державина: „Рев морь и бурей шум" и „Всѣ прелести красы берутся с поль царизы" в стихот. к Митр. Евгенію „Жизнь званская". На форму морь я, впрочем, знаю один примѣр из народной поэзіи; в Причитаніях сѣвернаго края, изданных Барсовым, есть такое выраженіе: „Из-за морь птички слетаются". Не согласуются с другими словами мягкаго различія слова на ЦЕ, как сердце; не представляя окончанія - ЕЙ, они имѣют род. безсуффиксный: сѐрдца образует род мн. сирдѐц, = основному СРЬДЬЦЬ и представляющій фонетическое отвердѣніе, которым и слѣдует, кажется, объяснить сохраненіе безсуффиксности. Слова на ЦЕ перешли таким образом в твердое различіе (Аналогично этому мы видѣли, что слова на ЕЦ имѣют в род. мн. ч. - ОВ: молодѐц-молодцо̀в). Особаго упоминанія заслуживает слово яйцо, jиитсо̀; родн. jиитѝс; своеобразной формы род. jиитѝс я коснулся в фонетикѣ и отмѣтил, что в других падежах И будучи безударным, исчезло, а в род. под удареніем сохранилось. Кромѣ самородных форм и форм с окончаніем ероваго склоненія, мы в этом род. падежѣ встрѣчаем также формы склоненія, можно сказать с русской точки зрѣнія, ероваго, первоначально уковаго, т.е. род. на - ОВЪ и ЕВЪ. - ОВ составляет правило у слов очко̀, ушко̀ - очко̀в, ушко̀в,

слово яблоко колеблется между формами яблок и яблоков, грамматисты высказываются в пользу первой формы, хотя и не всѣ; - у Греча в образцах склоненія стоит именно форма яблоков; у Батюшк. в стихотв. „Странствователь и домосѣд" встрѣчаем: „Град яблоков и фиг". Конечно, как наз. яблоки может быть относим к однинѣ яблок, так может быть относима к нему и форма яблоков. Род. на - ОВ имѣет также слово облако - облаков; хотя, по крайней мѣрѣ в поэзіи, встрѣчается и форма облак, напр. у Ломоносова в извѣстной одѣ, выбранной из Іова: „От облак видит он высоких В водах и пропастях глубоких, Что я ему на пищу дал". „По небу много облак бродит" (Тютчев „Весна"). Относительно род. пад. облаков вмѣстѣ с тѣм и наз. того же числа облака, впрочем слѣдует сказать тоже, что относительно яблоко - яблоков: од. ч. есть не только облако, но в народной рѣчи и облак, которое встрѣчается и в литературѣ, напр. в той же одѣ Ломоносова читаем: „Вагровый облак в небѣ рдѣет". Форма облак есть форма древняя; вездѣ в славянских языках это слово муж. род., поэтому облака, пожалуй, должно быть приравниваемо к таким формам, как лѣса, города, берега. Окончаніе ЪФ, на письмѣ ЕВЪ, мы встрѣчаем нерѣдко у имен іотоваго различія; в народѣ, да и в просторѣчіи, весьма часто слышатся такія формы, как вареньев, кушаньев; устьев даже вполнѣ литературная форма, а дерезья, колѣнья и к однинѣ дерево, колѣно единственныя формы этого падежа. Предпочтеніе окончанія ЪФ объясняется соотвѣтствіем между род. падежом и другими падежами: во всѣх падежах какого-нибудь слова варенја основа есть варенј, род: - А, дав. - У и т.д., под эту норму подходит и множный родник варенјъф, а форма вареньй от нея уклоняется. Если от слова копјо не образуют новое копјъф, то его надо объяснить тѣм, что слово это книжное, устарѣвшее; народ впрочем, вѣроятно, не задумался бы образовать форму копјъф, как от мѣсто образует мѣстов, от дѣло - дѣлов. Для род. мѣстов, дѣлов, мнѣ кажется

можно указать особаго рода оправданіе: желаніе провести по всѣм падежам одинакую акцентовку, в формах мѣста, - АМ, - АМИ, - АХ удареніе (употребляя Грогговскій термин) наклонное; естественно желать и в род. положить удареніе на окончаніе; то же обстоятельство могло благопріятствовать распространенію форм полей и морей. (Подобное же соотвѣтствіе между отдѣльными падежами, о котором я только что говорил, играло, кажется, нѣкоторую роль и при замѣнѣ древних окончаній дав.-твор. мѣстн. мн. ч. ероваго, оноваго и ижеваго склоненія окончаніями азоваго - АМ, - АМИ, АХ) В одинном числѣ оноваго склоненія подчеркну совпаденіе, вслѣдствіе аканья, назывнаго падежа, когда он баритонный, с родным, напр. дѣла, солнца, поля, варенья; в мягком различіи, впрочем, книжники иногда произносят орфографическое Е. В говорах аканье ведет отчасти к переходу из средняго рода в женскій, так что говорят зъла́тая со́нце, кака́я ако́шка. Уже Ксенія Годунова писала: „У нас моровая повѣтрея". Отмѣтим еще архаическій мѣстник мягкаго различія: в забытьи. Впрочем, у Баратынскаго: „Еще в болтливом забытьѣ сидѣла Вѣра на скамьѣ". („Цыганка"). Герцен пишет: „о нашем житьи-бытьи" („Былое и думы, Слов. II Отд. 3 изд.); в житіи—славянизм.

АЗОВОЕ СКЛОНЕНІЕ. В азовом склоненіи мы точно также, как в разсмотрѣнных уже склоненіях, найдем цѣлый ряд примѣненій мягкаго различія к твердому, сглаженіе тѣх особенностей, которыя развились было фонетически под вліяніем іота. Сопоставим склоненіе слов жена и змѣя, в фонетической транскрипціи ЖЫНА и ЗМИЙА. Род. жыны и змийи; в этом падежѣ, значит существует разница: в твердом различіи - Ы, в мягком И; у нѣкоторых слов является окончаніе среднее - узкіе Ы или широкое И, напр. душа - души, каланча - каланчи. Фонетическим путем в нѣкоторых случаях, при твердом окончаніи в наз., развилось в род. И, именно послѣ гортанных: рука-руки, нога-ноги, уха-ухи. Дав. мѣст. жына и змийа - представляет одно и тоже окончаніе; вслѣдствіе примѣненія мягкаго раз-

личія к твердому. Змиія вм. древняго зьмии.

ВИНИЛЬНИК. жину и змийу издавна был сходен.

ТВОРНИК. жинойу, - ОЙ и змийойу, - ОЙ не есть вполнѣ фонетическая форма. Мягкое различіе должно бы представлять Е - Змийею: в этом случаѣ, очевидно мягкое различіе позаимствовалось у твердаго. К наз. мн.числа жони, змейи относится тоже самое, что сказано про род. од.

РОД. МН. - безсуффиксный: жон, змей. Это один из тѣх случаев, гдѣ наша орфографія дает неправильное понятіе о дѣйствительных явленіях - Ъ, Й, Ь; в дѣйствительности же всѣ они лишены наставки и представляют живую тему. Понятно, конечные согласные этой темы иногда измѣняются: какое-нибудь нива имѣет тему нив - род.же множ. будет нйф. Остальные падежи мн.ч. одинаковы в обоих различіях и сходны с формами других склоненій.

ОСТАНОВИМСЯ ТЕПЕРЬ НА ОБЪЯСНЕНІИ НѢКОТОРЫХ ОКОНЧАНІЙ. Назывный азоваго склоненія в од.ч. по-русски всегда кончается на - А; в староцерков. и праславян. однако мягкое различіе представляло иногда другое окончаніе И. Форм вродѣ судии, по-русски, повидимому, не было уже с древнѣйших времен; (по крайней уже в Остр.Еван.слово молнія, сохраняя в одном мѣстѣ староцерков. ИИ для назывника, в другом мѣняет его на ИѦ: МЛЪНИѦ. Иныя мужескія слова этого типа (они - книжныя), правда, представляют окончаніе ІЙ, но перешли в склоненье прикладочное: кормчій, - чаго вм. кръмьчии, - чиѩ.)

Так в одной грамотѣ (1286 г.) читаем: КNѦГИNИ МОѦ; в одной купчей XIV в. ѦЗЪ КNѦГИNИ. В областной рѣчи, сѣвероведикорусской, и до сих пор встрѣчаются подобныя формы, напр. барони, барошни, государони рядом с бароня, барошня, государоня (формы эти отмѣчены в Вологодской губ.; также Он.был. „Княгини Апраксія, Государыни" (У Малоруссов и Бѣлоруссов имѣется - пани - барыня; но это явный полонизм.) Замѣна окончанія И через А представляет простое подведеніе ис-

ключительных образований под общій тип.

РОДНЫЙ ПАДЕЖ ОДИННАГО ЧИСЛА мягкаго различія, а также (отличные от него только в иных случаях по акцентовкѣ) множинные называник и винильник, поскольку послѣдній равен первому, в русском языкѣ не согласуются со староцерковным, представляя окончаніе И, которое нерѣдко встрѣчается с XIII в., напр. в „Русской Правдѣ", входящей в состав Кормчей 1283 г. читаются „земли, гробници, лодьи, недѣли", а иногда уже в XII и даже в XI, напр. от судни (Житіе Өеод. Печер. XII в., пророка Захаріи Стихирарь XII в.), из отроковичи (вм.- цѦ), Минея 1095 г. Однако новгородскіе, да и кіевскіе, примѣры сомнительны. И здѣсь надо обяснять подражаніем твердому различію, кромѣ того, можно привлечь к дѣлу и ижевое склоненіе, т.е. такія формы, как кости. В соотвѣтствіе староцерковному род. землѦ по-русски мы ожидали бы формы земля, которая совпадала бы с наз. падежом; у слов с неподвижным удареніемъ, у какого-нибудь недѣля одной этой форма пришлось бы отвѣчать за четыре падежа (од.наз. и род., множ.наз. и вин.) Однако малорус. ї (землї, динї) представляет затрудненіе, ибо по таким образцам должно было возникнуть широкое И: земли, дини. Прежде мнѣ думалось, что здѣсь слѣдует видѣть сдѣлочныя формы между земля, диня, = староцерковному землѦ, дынѦ, и вторичными *земли, *дини, но теперь принимаю обясненіе Соболевскаго, который выводит Ї из Ѣ: послѣднее окончаніе мы и признаем настоящим старорусским в мягком различіи азоваго склоненія для один. родника и множ. назывно-винильника; также для множ. винильн. того-же различія в склоненіи еровом: землѣ, землѣ, кораблѣ. Ѣ (пишется Е) в грамотах господствует, а встрѣчается и в других памятниках, вм. Ѧ, кое могло быть плодом добросовѣстнаго списыванья болгарских подлинников. Примѣры: великыѦ недѣлѣ (Пасхи) (Остр.ев.) от троицѣ (Изб.1073 г.), звѣзды Еуфимлѣ (Арханг. ев.1092 б) ми.назыв. бысть потъ ѥго ꙗко каплѣ

кръви (Остр.); пътицѣ лѣталѣть (Изб.73); вин. тьмницѣ, чашѣ (Толк.Ап.1290); вижю пътицѣ (Сказ. о св.Акакіи XII) в чернице (Дух новгородст.Климента XIII); вин.множ.род.„дамь тобѣ ключѣ" (Арханг. эв.) С этим Ѣ, вслѣдствіе смѣшенія Ѣ с И, м.б., слѣдует отождествлять также отмѣченное выше окончаніе И в новгородских, кіевских памятниках XII и XI в. Бодуен-де-Куртенэ (Филолог.Запис.1880 г., вып. 4, в разборѣ статьи Карла „Аппеля Замѣтки о древнэм польском языкѣ") считал Ѣ в этом падежѣ неточным написаніем вмѣсто -Є, окончаніе же Є обяснял заимствованіем у основ согласных: МАТЕРЄ, КАМЄНЄ. Соболевскій это обясненіе признал неудобным уже потому, что согласных основ в славянском языкѣ мало, и что онѣ представляли категорію вымирающую. Однако вымирающіе типы оставляют иногда по себѣ весьма живучіе слѣды - напр. - склоненіе уковое. Канечно, об усвоеніи окончанія Ѣ на почвѣ русскаго языка едва ли можно думать, но тоже окончаніе и в других славянских языка, именно в польском и в чешском. В польском род. пад. мягкаго различія в старину, отчасти и до сих пор в народной рѣчи, представляет окончаніе Е: ziemia, род. ziemie (теперь общераспространенная форма ziemi, тожественная с русской). Это ziemie не может восходить к древнѣйшей формѣ с Ѧ, который должен был дать в польском носовой гласный; правда в исходѣ призвука нерѣдко теряется, но это явленіе не общепольское: в областной рѣчи и старопольском языкѣ носовой элемент непремѣнно должен был сохраниться. В чешском языкѣ мы находим род.падеж země, который можно бы выводить путем суженія из zeмa и далѣе из ЗЄМЛѦ; но дѣло в том, что словацкое нарѣчіе, не знающее суженія, представляет также форму zeme, гдѣ Е не может быть выведено из Ѧ. Если таким образом языки русскій, польскій и чешскій имѣют окончаніе Ѣ в занимающем нас падежѣ, то можно это окончаніе считать уже праславянским и думать, что у Праславян рядом с формой

ЗЕМЛѦ развилась форма ЗЕМЛѤ, а в праславянском согласныя основы, хотя уже вымиравшія, были еще настолько сильны, что заимствованіе у них не кажется невѣроятным. Указанное толкованіе Бодуэна я считал прежде вполнѣ убѣдительным и внес его в одно из примѣчаній к русскому отдѣлу в переводѣ Сравнительной Морфологіи Миклошича, хотя Соболевскій уже до того времени („Изслѣдованіе в области русской грамматики Р.Ф.В., т.6) утверждал, что правильное окончаніе есть ~~написаніе~~ Ѣ: только впослѣдствіи (в рецензіи только что упомянутаго труда, Ж.М.Н.Пр., 1886 г., сентября - отвѣт мой в мартѣ 1887 г.) он указал, что Е встрѣчается только в таких памятниках, гдѣ Ѣ и Е путаются. Появленіе окончанія Ѣ странно. Мы вѣдь послѣ мягких согласных Ѣ не находим, а видим вмѣсто него или И, когда он дифтонговый или А, когда он монофтонговый, из чего, повидимому, слѣдует, что общерусская и праславянская форма ЗЕМЛѢ невозможна: должно было получиться или ЗЕМЛИ, или ЗЕМЛЯ. (Против этого Соболевскій замѣчал, что Ѣ, равный древнему АІ, правда переходит в И, а Ѣ, равный Ā, в А; но что здѣсь Ѣ равен древнему АН. В этом случаѣ Соболевскій впадал в неточность, потому что строил празычныя формы по шлейхеровскому способу, не различая точно гласных элементов. Мы должны сказать, что Ѣ замѣняет древнія АІ, ОІ и Ē, а пропорція Соболевскаго (Ѣ:Ѧ=Ы-Ѫ), возведенная к праязычным звукам является в слѣдующем видѣ Е : ЕН = О : ОН, так что, особый Ѣ есть тоже Ѣ монофтонговый. Да и сам Соб. в 3-м изданіи своих лекцій уже не повторил этого неудовлетворительнаго обясненія. Может быть, однако, спасает дѣло теорія Ф. Ѳ. Фортунатова, по которой Ѧ в этих падежах был своеобразный: тогда как обыкновенно Ѧ равен ã, в этом случаѣ он равен ẽ, а из этих двух юсов только первый давал по-русски А с предшествующей мягкостью, второй же давалъ Е (Ѣ), конечно, тоже с мягкостью. Это обясненіе можно бы вполнѣ считать удовлетворительны, если бы толь-

ко оно не было составлено нарочно для этого случая. Затрудняясь и сам истолкованьем окончанія ѣ рядом с Ѧ, да и считая это вопросом общеславянской, а не русской грамматики, укажу однако на возможность допустить в праславянщинѣ фонемы землѣ, конѣ, предположив, что в них, под вліяніем мягким, возникло ѣ из О уже тогда, когда закон нѣкогда превратившій stojeti в стояти poljeninъ в поляниъ, перестал дѣйствовать. В великорусской рѣчи яжевый родник, который съ XV ст. начинает становиться рѣдким, оставил лишь немного слѣдов. Можно отмѣтить, по указаніям Евг. Ѳ. Будде, сохраненіе его и даже распространеніе на твердое различіе в говорѣ рязанском: „от землѣ не видать, с травѣ пыль обмочило, боюсь козѣ" и т.д.; в былинах отмѣчано: „от Амельфы Тимофеевнѣ". Не раз он в народѣ встрѣчается с предлогом У (напр. это отмѣчено, в Сорочьих горах Лаптевского уѣзда, Казан. губ.): у сестрѣ, у бородѣ, хотя без сестры, без борьбы: тут надо видѣть замѣну род. падежа мѣстн., по примѣру предлогов отвѣчающих на тот же вопрос „гдѣ?": во, на, при.

В ДАВ. ПАДЕЖѢ уже отмѣченное примѣненіе мягкаго различія к твердому замѣчается и у малороссов, хотя они рядом с земли; жоні, чаще употребляют самородныя земли, жони. Нѣкоторые дав. на ѣ вм. И отмѣченных уже в Минеях 1095 и 96 г.: „в ветьсѣ одеждѣ; святѣи госпожѣ богородицѣ, в поустынѣ" - но первый легко мог бы быть опиской, а в добавок Ѣ новгородцем мог быть написан вм. И; Многочисленными они, по Соболевскому, становятся лишь в XIII-XIV в.; за то (по Колосову) в XV и уже составляет рѣдкость. Теперь мы допускаем (да и то в стихах) лишь одну такую форму: земли. Отмѣтим, что Державин употребил эту форму и внѣ рисмы, притом в стихотвореніи легкаго характера „Кузнечик": „На земли ты знаменит". Из народной рѣчи отмѣтим уцѣлѣвшую форму на И в мягком различіи и развившееся по его образцу окончаніе Ѣ - в твердом: „поклоны ведет..

честной вдовы Офимьи Олександровной; в этой чары" (Он.был.) Так с XIV в. бывает в новгородских памятниках, напр. на оной страны (Сильвестр.сб.), ко святыма Козьмы и Дамьяну (Пролог. 1400 г).

В ТВОРНОМ ПАД. усѣченное ОЙ можно оправдать общим стремленіем к сокращенію, а также к равносложности падежей, при постоянной здѣсь безударности отбрасываемаго У. Народная рѣчь великорус., кажется, совсѣм чуждается полнаго окончанія, зато Бѣлорусскій его предпочитают, а малорусская допускает лишь в сѣверной своей области. Зато у Малороссов на западѣ есть ОУ, ЕУ (у Бойков), ов, ев или јов (в Галиціи, Буковинѣ, Верхней Венгріи), а также ОМ, ЕМ (у Лемков и еще кое-гдѣ в Галиціи): рибоу, рибов, рибом; душеу, душев (душов), душем: М, конечно, замѣняет в по примѣру еровок, оновок. Срв. сербскія рибом, душом из старинных рибовь, душовь (гдѣ в тоже из У, а Ь писался лишь как заключительный знак).

ОБРАТИМСЯ ТЕПЕРЬ КО МНОЖ.РОДНИКУ. Там заслуживают вниманія слова на НЯ с предшествующим согласным. Эти слова по школьному правилу образуют родник на Ъ: башня - башен, причем, как исключеніе, указывается деревень (дьривен). Однако и в живой рѣчи, да и на письмѣ, нерѣдко мягкое окончаніе: башень, вишень, басень, барышень и т.п. У Гоголя напр. вишень (Стар.пом.); также из спалень; но с другой стороны окончаніе НЪ при мягкости в остальных падежах никак не могло быть придумано грамматистами: по всей вѣроятности, оно самородное, мягкое же представляет не архаизм, а подправку по образцу других падежей; в народной рѣчи встрѣчается форма деревён. Из форм на НѢ и НЬ вторая, мнѣ кажется, болѣе естественной, тогда как первую грамматисты могли бы сочинить. Правда, этот падеж, представляет вставочный гласный, так что основа его не та, что в других падежах; но это только нѣкоторое, а не полное оправданіе для твердаго окончанія в мягком различіи. Аналогичное явленіе замѣчается в польском языкѣ, гдѣ слава на nia с предшествующим согласным также кон-

чаются в этом падежѣ на ń твердый, а не мягкій, напр. слово sukniа (платье) образует sukien, а не sukień. У слов на НЯ с предшествующим согласным, а также и на ЛЯ, при том же условіи, множ.родник может также имѣть особое окончаніе - ЕЙ, заимствованное из иժеваго склоненія, напр. сплетня, род. сплетней рядом со сплетен; точно также встрѣчаются формы лютней, башней, вишней, цаплей, каплей. Такія формы выставляет Ломоносов в своей грамматикѣ. Подобно тому, и Поляки, напр. от слова lutnia образуют lutni. У Греча насчет слова капля является совершенно искусственное правило, разграничивающее двѣ разновидности род.пад.: капли-каплей значит де лѣкарство, а капли-капиль имѣет болѣе общее значеніе, напр.: „прими пять капель этих каплей". Окончаніе - ЕЙ кромѣ слов на НЯ и ЛЯ с предшествующим согласным является также у слов на ЖА, ЧА, ША при тѣх же условіях, напр. ханжа-ханжей, каланча-каланчей, роща-рощей и род. епанча-епанчей, которую теперь, кажется, стали употреблять исключительно. У иных слов окончаніе ЕЙ употребляется и без этих условій, т.е. послѣ простого согласнаго, напр. юноша-юношей; форма юнош встрѣчается только у старинных писателей (у Ломоносова и Державина); также броня-броней; заря-зарей; в народной рѣчи встрѣчается впрочем и зорь (Майков „Тиволи" - пишет: „в багрянцах огненных зарь"); форма эта - народная, отмѣчена она у окальщиков Сарат.губ . на нее есть примѣры в Сказках Аеан. Формы зарь, должно быть, потому не образуют что она была бы слишком искусственна: правописаніе слова заря через А, кажется, славянское, которое легко допускается пока совпадает с окальским произношеніем, но нестерпимо там, гдѣ пришлось бы не только писать, но и произносить А вмѣсто О. В стихах впрочем она попадается: „Гдѣ блеск предвѣчных зарь" (Держав.Темный д.5,5 и еще нѣсколько раз) „Немного зарь Проглянет с небосклона" (Раич.Осв.Іер.). Появленіе окончанія ЕЙ слѣдует объяснить стремленіем не оставлять падежа без

флексии и вмѣстѣ с тѣм избѣжать у нѣкоторых слов вставочного гласнаго и установить одну тему для всѣх падежей. У слов с наклонным ударением и ударение могло благопріятствовать прибавленію окончанія ЕЙ, напр. форма свѣчей по акцентовкѣ вполнѣ гармонирует с формами свѣча, свѣчи и т.д., тогда как свѣч с ними расходится. Тѣми же стремленіями слѣдует обяснить появленіе иногда в народной рѣчи в этом падежѣ окончанія - ов, подобно тому, как мы это видѣли в оновом склоненіи. В разных мѣстностях Россіи слышатся формы в родѣ галков, палков, лодков, ягодов, барышнев. В Скопинском уѣзд. Ряз.губ. это общее правило. В литературную рѣчь таких форм до сих пор не допускают, но на них есть нѣкоторые примѣры у Державина. Так в одѣ „На счастье" сказано: „Как нѣт кикиморов явленья"; у него же в другой одѣ „На мир 1807 г." читаем: „Стихіев в спорѣ", там же „Ток молніев"; в одном стихотвореніи „Эхо" - „Өивов разоритель"; от слова фурія Державин въ одѣ „Изображеніе Фелицы" образовал было род пад. фуріев, который потом, по указанію Дмитріева, поправил на фурій; (первая редакція: „Фуріев с земель своих, Чтобы гнала она", вторая редакція: „Фурій от земель своих...").. Род. на ОВ в азовом склоненіи встрѣчается иногда и у других Славян, а именно у Поляков, притом не только в народной рѣчи, но и в языкѣ литературномъ; грамматисты даже признают это окончаніе правильным для слов односложных во всѣх падежах; напр. kra - льдина, род. мн. krów. В народѣ это окончаніе встрѣчается чаще; в нѣкоторых говорах составляет даже правило, усвоенное всѣми словами; тоже самое у Лужичан, как Верхних, так и Нижних, у коих безсуффиксный род. почти совершенно утрачен и господствует окончаніе ow, напр. rybow.

ИЖЕВОЕ СКЛОНЕНІЕ. В ижевом склоненіи, ~~которое теперь представляют только слова женскаго рода~~, за ~~исключеніем одиннаго числа путь, мало падежных окончаній:~~ многіе падежи совпали в одной формѣ: род.дав., мѣст один.ч. и наз. и вин. множ. имѣют общее оконча-

ніе - И; Нерѣдко однако один из этих падежей отличается по ударенію, которое вмѣсто корня падает на окончаніе. При род. - дав. - наз. вин. мéли стоит мѣстн. на мелѝ; иногда является колебаніе, напр. плóщадь, плóщади, на площадѝ или на плóщади, - рѣчь, рѣчи, в рѣчѝ или в рѣчи. Своеобразная акцентовка мѣстнаго падежа явленіе давнишнее, так как оно находит себѣ соотвѣтствіе в языкѣ сербском, напр. riječ, riječi у riječi; младост, младости, у младости. При сопоставленіи сербских и русских форм надо помнить, что удареніе в сербском языкѣ оттянуто, гдѣ это возможно, на один слог к началу, так что riječi младóсти равны древним рѣчѝ, младостѝ. Своеобразное акцентованье мѣстнаго пад. у Сербов встрѣчается чаще, чѣм у Русских, - трудно притом рѣшить, Русскіе ли создали область этого явленія, или Сербы ее расширили. В народной рѣчи в мѣст. и дав. падежах мы встрѣчаем примѣненіе к азовому склоненію, т.е. окончаніе Ä. Таковы формы на лошадѣ̀, на печѣ̀ (Указаніе на это можно найти у Даля, в статьѣ о нарѣчіях, напечатанной при его Толковом Словарѣ; еще можно справиться об этом в статьѣ Александрова „Особенности говора деревни Сорочьи Горы, Казанской губерніи Р.Ф.В., т.IX); Примѣры есть в сказках, собранных Афанасьевым. Малорусская юж. рѣчь также знает мѣстники: ночì, печì, осенì при род. на И (Потеб., Два изсл., 121). В творном пад. мы имѣем окончанія - ју или ьйу, на письмѣ значит, - ью или ію: тѣнью или тѣнію, рѣчью или рѣчію; притом настоящим живым окончаніем слѣдует считать ју, а ію можно признать книжным, искусственным. Впрочем, быть может, это окончаніе есть только искусственное по написанію: пожалуй, слѣдовало бы его писать - ЕЮ и видѣть здѣсь окончаніе азоваго склоненія, вошедшее в ижевое. В этом падеж. довольно часто приходится встрѣчать на письмѣ формы с весьма неудобным соединеніем согласных, вродѣ: мы́слью, вѣ́твью, которыя почти невозможно про-

изнести. В формѣ мыслью Л или не произносится, или становится слоговым и выходит слово трехсложное; в словѣ вѣтвью В, кажется, обыкновенно скрадывается; впрочем слово вѣтвь малоупотребительное, обыкновенно оно замѣняется уменьшительным вѣтка. По-бѣлорусски обыкновенно ночаю, косцяю, грязою (т.е. по азовому склоненію); хотя есть и поччю, соллю и т.п. из ночју, солју. В малорусской рѣчи твор. есть костию, костью и также костею; в областной рѣчи существуют еще окончанія - ЕВ и ИВ, разновидности к ЕЮ и ИЮ.

В РОДНОМ ПАДЕЖѢ МН. Ч. мы имѣем окончаніе - ЕЙ, которое удобнѣе всего выводить из основного ЬИ, встрѣчающагося в староцерковном ряром с ИИ; обыкновенно предполагают, что И перед Й по-русски переходит в Е и выводят значит ЕЙ из ИИ. В пользу перваго толкованія говорит то, что и у Бѣлоруссков, говорящих пий, бий, мы находим касцей, ночей; также и у Малоруссов, хотя тѣ, кромѣ формы костей, знают и костий. Другіе славянскіе языки, имѣя в этом падежѣ ī, предполагают, как праславянское окончаніе ИИ, а не ЬИ: по-чешски, напр., мы имѣем род kostí, также по-сербски кости̑.

ПАДЕЖ ТВОР., кромѣ вторичнаго окончанія АМИ с предшествующей мягкостью, представляет также органическое МИ, опять-таки с предшествующей мягкостью: дверьми, плетьми. Напр. „Страх живет в душѣ страстьми томимой" (Пуш. „Пир во время чумы"); „Я... Владѣлѣк, коль страстьми владѣю" (Держав. „Вельмож. I, 629"; „Скоро работать и челюстьми забуду" (Кантем. „Узда"); „Границы с крѣпостьми" (Ломоносов.) „Терзаюсь мысльми утомлен (Лом. „Вечернее разм. о Бож. величіи"); у Крылова в баснѣ „Ворона и Курица" ворона говорит: „Мнѣ с гостьми не мудрено ужиться"; в баснѣ „Орел и Пчела": „Ни славою, ни почестьми не льстится"; в баснѣ „Воспитаніе Льва": „Кого звѣрьми владѣть поставила природа"; подобным же образом от слова жолудь, первоначально, равно как и звѣрь, принадлежавшаго к ижевому склоненію. Батюшков в стихотвореніи „Странствователь и Домосѣд" образует форму

желудьми: „Котомкой с желудьми сушеными ссудил"; от слова сани встрѣчается твор. саньми, такой примѣр есть в словарѣ у Даля; также в баснѣ Хемницера „чужая бѣда" читаем: „с саньми". Востоков в своей грамматикѣ называет слова дочь, дверь, плеть, лошадь, дѣти и люди, как обязательно имѣющія - МИ и не допускающія вовсе - АМИ; вѣроятно, однако, народная рѣчь у всѣх слов допускает - АМИ; Павскій (II разсужденіе, § 193) указывает, что в просторѣчіи нерѣдко говорят лошадя́ми, плетя́ми, дверя́ми. Могу привести литературные примѣры: „Вход затворен был дверями, литыми из чистаго злата" (Жук.Од.VII, 88); за дверями (Горе от ума I,7 и Тург. „Дым" XV); пред открытыми дверями (Лѣсков „Захудалый род" I, XXI) и др.; сѣкли плетями (Лѣсков,Праведники: Пигмей, I); молчите под плетями (гр.Саліас,Пугачевщина IV, II, IV); „с лошадями бѣда почтовыми" (Чаев. Дѣтство IV); „Там с дочерями сидѣла Гекуба" (Жук. „Разруш.Трои); „Тетушка.. с тремя дочерями" „Кандидат в романисты и его роман (Библ.для чтенія, 1855, 159); „Я с людями люблю по-пріятельски жить" (Кольцов „Хуторок"); „Я вырос со свиньями, Как ты меж умными людями" (Измаилов „Скотинин и свинья"); только на „дѣтями" у меня нѣт примѣра. Двоякую форму твор. падежа Востоков приписывает словам рѣчь, кость и страсть; Ломоносов в образцѣ склоненій рядом с формой добродѣтелями ставит также добродѣтельми. Окончаніе - МИ встрѣчается также у слов не принадлежащих к ижевому склоненію. На половину к этому склоненію относится слово ухо, которое издавно имѣло двойное число по ижевому склоненію (хотя с нѣкоторыми отступленіями от обычных окончаній); от уши не раз встрѣчается форма ушьми, напр. в „Демонѣ" Лермонтова читаем: „Питомец рѣзвый Карабаха прядет ушьми"; также в народной рѣчи встрѣчаются формы ушьми, очьми (Афанасьев, Сказки; из Тульской губ.). Подобная же форма, как ушьми, очьми, есть плечьми, хотя слово плечо не принадлежало к ижевому склоненію. Еще от слова свѣча, слова азоваго склоненія

мы встрѣчаем творный свѣчьми, рядом с формой свѣчами, напр. у Аксакова в стих. „Всенощная"; „Икон подножія свѣчьми уставлены". Отмѣтим еще „Сокровишми всея вселенной" (Державин Капнисту); „С пріятельми гулять" (Лом. „Разгов. с Анакреоном";) „Хованскій с сыновми" (Лом. „Петр. Велик. I") Отмѣтим бѣлорусскія творн. Коньми, ключьми и т. д. В старину ЬМИ нерѣдко заходило в мягкое различіе ероваго склоненія: мужьми (Добрил. еванг.,) коньми (Грамот. рижан в Витебскѣ ок. 1300), мечьми (Лавр. сп. лѣт.) В польском языкѣ отмѣчено, что такое mi (końmi, królmi) в мягком различіи послужило мостом для азоваго ami, очень вѣроятно, что так было и в русском, гдѣ первый примѣр на - ЬМИ столѣтіем дервнѣе перваго примѣра на - АМИ. Но если таким образом твор. падеж еще часто представляет старинное окончаніе, которое иногда заходит и в другія склоненія, то падежи мѣст. и давн. рѣшительно усвоили себѣ окончанія азоваго склоненія, и только изрѣдка в области рѣчи встрѣчаются старинныя формы. Колосов приводит форму гостѐм, как симбирскую; из Новосильскаго уѣзда, Тульск. губ. он приводит форму лошадём; в Бѣлороссіи мы встрѣчаем формы гасцём, людзем; в Малороссіи также находим - ЕМ, - костѐмъ хотя и там преобладает вторичная азовая форма костям. Также на мѣст. падеж. с окончаніем ЕХ или вторичным ЁХ приводят нѣкоторые примѣры; отмѣчена форма в напа́стех, в Чебоксарах, Каз. губ.; на лошадёх, в Орл. губ.; на лошадёх слышана много в Моск. губ., в Воскресенскѣ (Новом Іерусалимѣ). И в бѣлорусской рѣчи мы находим формы у гасцёх, па сянёх (по сѣням) Предлог ПО по-бѣлорусски управляет мѣстным падежом; также и в малорусской рѣчи существует форма ЕХ - костѐх, хотя обычная форма есть всетаки костях. Обратим еще вниманіе на акцентовку косьвенных падежей ижеваго склоненія: во множ. ч. они обыкновенно имѣют наконечное удареніе: кость, ко́сти, косте́й; ло́шадь, ло́шади, лошаде́й. Это явленіе, без сомнѣнія, древнее, так как находит себѣ соотвѣтствіе в языкѣ сербском; напр. русское ло́шади, лошаде́й можно сравнить с сербским ко̏кошu (ко̏кош курица), род. кокоши, дав.-твор.-мѣстн. кокошима, или ства̑ри (ства̑р - вещь.

предмет), род. ствáри, дав.-твор.-мѣст. ствáрима, древнее ствáрма. Так как сербское восходящее ударенiе (и) оттянуто на один слог, то кокòши, кокòшима предполагают древнiя формы кокошӣ, кокошӥма; ствáри и ствáрма, ствāрӣ и ствāрма̏, аналогичныя русским костéй, костьмѝ. Сербскiй язык (как и в мѣст.од.ч.) даже чаще русскаго представляет перемѣну акцентовки: так слово зáповѣдь по-русски держит ударенiе на одном слогѣ, а по-сербски назив.мн.ч. за̏повиjеди, но род. - заповиjе̄дӣ дав.-твор.-мѣстн. заповиjе̄дима.

К ИЖЕВОМУ СКЛОНЕНIЮ ПРИНАДЛЕЖАТ ЧИСЛОВКИ ТРИ И ЧЕТЫРЕ; второе впрочем первоначально представляло основу согласную и сохраняло ее в староцерковном и праславянском в нѣкоторых падежах. (Даже, пожалуй, правильнѣе говорить, что четыре принадлежит к согласному склоненiю: если оно имѣет нѣкоторые формы по ижевому, то вѣдь и другiя согласныя основы их имѣют). В староцерковном мы, как наз.пад., видим форму ТРИѤ для муж. рода ТРИ для жен. и средн.; четыре является в формѣ чєтырє для муж. рода и ЧЄТЫРИ для жен. и сред. Миклошич в парадигму вносит для муж.рода ЧЄТЫРИѤ построенное аналогично формѣ ТРИѤ но такой формы в памятниках не встрѣчается. Если теперь мы по-русски произносим штӥтырӓ или штӥтыри, то мы, вѣроятно, в этом случаѣ должны видѣть чередованiе древней формы муж.рода с формой жен. и сред. Было бы этимологически, кажется, столь же возможно писать вм. четыре - четыри: едва ли вѣрно представлять дѣло так, что жен. и средн. род. усвоили себѣ окончанiе муж., отказавшись от своего - И. У числовки же ТРИ несомнѣнно произошло устраненiе формы муж.рода, и окончанiе жен. и сред., совпадавшее с одним из обычных окончанiй мн.ч., сдѣлалось общим всѣм родам. Падеж род. для всѣх родов звучал ТРИИ (или ТРЬИ); в переложенiи на русскiе звуки это было бы ТРЕЙ; форма эта однако утрачена русским языком, и по образцу мѣстоименнаго и сложнаго склоненiя, гдѣ род.п. равен мѣстному, явилась форма ТРЁХ, равная староцерк. ТРЬХЪ или ТРЄХЪ. Тоже самое случилось и у числовки

четыре, древній род. пад. которой был ЧЕТЫРЪ, в чем слѣдует видѣть остаток согласнаго склоненія. Падеж.дав. трём, четырём, конечно, представляет фонетическое продолженіе основных форм ТРЬМЪ или ТРЕМЪ и ЧЕТЫРЬМЪ - ЧЕТЫРЕМЪ. Своеобразное окончаніе является у этих слов в падежѣ твор. : тремя, четырьмя; то-же окончаніе свойственно и числовкѣ два - двумя. Это МЯ слѣдует обяснять сдѣлкой между окончаніями числовок три, четыре с одной стороны и два с другой. В староцерковн. языкѣ мы видим творн. падеж. у числов. три, четыре с обыкновенным окончаніем ижеваго склоненія: ТРЬМИ, ЧЕТЫРЬМИ. Такія формы мы видим и в старинном русском языкѣ; даже и в настоящее время их можно встрѣтить в областной рѣчи. Именно,в Олонецкой губ. отмѣчена форма трими (вѣроятно, этимологическое правописаніе этой формы было бы треми; впрочем И, может быть, идет из назывника). Мы уже видѣли по другому поводу, что числовки три, четыре находятся в извѣстной связи с числовкой два и вмѣстѣ с нею составляют особую группу в противоположность другим числовкам,поэтому можно понять, что они выработали себѣ общее окончаніе для одного из падежей, гдѣ окончанія издавна были сходны, но не тожественны. В твор.падежѣ два первоначально имѣло ДВѢМА - это древній дав,- твор., образованный по мѣстоименному склоненію ДВѢМА в русском языкѣ в старину прежде всего превратилось двума. Произошло это таким образом, что род.-мѣстн., первоначально звучавшій ДВОЮ, превратился в дву (у вм ою заимствовано из именнаго склоненія). Впослѣдствіи форма дву под вліяніем числовок три, четыре приняла мѣстоименное окончаніе род.-мѣстн. падежа - Х (Ъ) и возникла форма двух (ъ), из этого род. двух У вошло и в твор., и вмѣсто двѣма явилась двума. Тѣм же путем выработался и новый дав. двум; послѣ чего двума сохранилось только как твор., и затѣм вошло в сдѣлку с формами ТРЬМИ, ЧЕТЫРЬМИ. Отсюда, как среднее пропорціональное, вывели МЯ: из одной формы идет гласный А, из другой мягкость; одно

окончаніе было - МИ, другое МА; как плод их смѣшенія явилось - МЯ. Это обясненіе принадлежит Лескину (Ar.f.Sl.Ph.т.1). Напрасно Соболевскій в своих Изслѣдованіях в области русской грамматики отвергает это толкованіе и возвращается ко взгляду Миклошича. Миклошич допускает, что русское МЯ может равняться санскр. - bhyām; в староцерковном выпал будто бы іотъ. (О других затрудненіях при сопоставленіи окончаній - bhyām и МЯ я здѣсь не буду распространяться), а в русском он сохранился; русскій язык менѣе-де чувствителен к сочетанію губных с j, чѣм южнославянскіе, и допускает его. Но это ошибка: русскій язык имѣет дѣйствительно очень много мягких губных, но первоначально он, точно также, как и староцерковный, не знал непосредственнаго смягченія этих согласных, и всѣ мягкіе губные позднѣйшаго происхожденія - таким образом bhyām перешло бы не в МЯ, а в МЛЯ. Смѣшеніе МИ и МА не должно было дать, как утверждает Соболевскій пример на МЯ: тремя имены XIV в. (в Ипат.лѣтописи). По этому же образцу возникло стомя от сто (встрѣчается у Держ., в прозѣ у князя Шихматова, Петр.Вел.II: стомя потоков). Пер[...]я же ИМЯ, ВСѢМЯ, СВОИМЯ и нѣкоторыя другія формы надо обяснить помимо числовок, но сдѣлкою между тѣми же окончаніями: множинным МИ и двоинным МА.

К нашему ижевому склоненію издавна принадлежали числовки от пяти до девяти, бывшія первоначально предметницами женскаго рода. Сюда же относится, имѣющая нѣкоторыя формы по согласному склоненію, числовка ДЕСѦТЬ. В русском языкѣ сюда примкнули еще числовки от одиннадцати до девятнадцати, а также 20,30,50,60,70,80. Словом, можно сказать, всѣ десятки за исключеніем утраченнаго и замѣненнаго словом сорок - ЧЕТЫРИДЕСѦТЕ. Первоначально эти числовки представляли не цѣльныя слова, а выраженія. Какое-нибудь выраженіе ДЪВА или ДЪВѢ NА ДЕСѦТЕ, конечно,

√ mja, а именно мя - [illegible]
[illegible]

склонялось только в первой своей части, а зависящій от предлога NA древній винительник по согласному склоненію ДЕСАТЕ оставался неизмѣннымъ. Русское окончаніе Т мягкое, вѣроятно, слѣдует возводить не к формѣ ДЪВѢ NA ДЕСАТЕ, а к формѣ ДЪВѢ NA ДЕСАТЬ, гдѣ винил. падежу придали обыкновенный вид по ижевому склоненію. Впрочем мы, может быть вправѣ допустить и отпаденіе конечнаго Е, при общем стремленіи к сокращенію слов и отсутствіи охранной аналогіи. Слившись в одно слово, выраженіе ДЪВѢ NA ДЕСАТЕ вытѣснило другое выраженіе ДЪВА НА ДЕСАТЕ; теперь форма жен. и сред. рода стала формой и муж. У Малоруссов и Бѣлоруссов напротив того, возобладал муж. род. и получилось двана́дцать - ць.

Двѣнадцать, тринадцать, четырнадцать и т.д. в настоящее время сдѣлались цѣльными словами и пріобрѣли измѣненіе окончаній по образцу простого десять. Отмѣтим переходную форму с сокращенным, но несклоняемым, десать: „взяти... двѣ надцати тысячи серебра (Новг. грам. 1314 г.), а также форма с двойным склоненіем: двѣми на десятьма (Поликарпово ев) и нѣскол. других, лѣт пятинадцати или семинадцати (Котошихин). Сліянье этих выраженій в цѣльныя слова сказывается уже в первой половинѣ XIII ст. замѣною при 12 двойного числа множным: СЪЗЪВАВ ДЪВА на десяти учениk своих (Милятино ев.) „бѣ съ ним ВІ бѣсов имѣх" (Житіе Нифонта). Таким же образом слово одинадцать, которое первоначально звучало ЮДИНЪ, -А, - О NA ДЕСАТЕ и склонялось, конечно, в один. ч и управляло один. ч. (напр. ЮДИНЪ НА ДЕСАТЕ ОУЧЕНИКЪ), также стало пониматься, как одно цѣлое, причем тут возобладал муж. род. Нѣсколько иначе обстоит дѣло у числовок двадцать, тридцать: имѣются основныя ДЪВА ДЕСАТЕ ТРИ ДЕСАТЕ и еще третье выраженіе, утраченное русским языком, ЧЕТЫРИ ДЕСАТЕ. Здѣсь заслуживает вниманіе противорѣчіе, существующее в староцерк. - ДЪВА муж. род., а ТРИ и ЧЕТЫРИ средній (Миклошич, должно быть, напрасно говорит, что женскій).

Отмѣтим нѣкоторыя переходныя старорусскія формы: ДВА ДЕСЯТЬ и ПЯТЬ СТАДИИ. (Еванг.1357 г.), бѣ яко трии десятъ лѣт (тж.), по трех десять лѣтѣх. (Ряз. Кормчая 1284), ковъчег тридесяти лакътъ, (Паремейник 1271 г.) Послѣдняя форма, кромѣ своего Е - совсѣм современная, если только три не описка вм. древняго родника трии; такова несомнѣнно: тридьсяти (и пяти) лѣт (Чудовской Нов.зав.XIV в.) Числовки 50,60,70,80 содержат в первой своей части числовыя предметницы ПѦТЬ, ШЄСТЬ, СЄДМЬ, ОСМЬ, ДЄВѦТЬ, а во второй зависящій от этих предметниц множ. родник; мы имѣем, значить, ПѦТЬ ДЄСѦТЪ, ШЄСТЬ ДЄСѦТЪ и т.д.; ДЄСѦТЪ есть древняя форма по согласному склоненію. Опять таки эти выраженія слились в одно цѣлое (ДЄВѦТЬ ДЄСѦТЪ утрачено и вмѣсто него явилось странное, необяснимое до сих пор девяносто). Слившись, и эти выраженія стали склоняться по образцу простого десять, причем однако, как слѣд первоначальнаго склоненія, сохранилось также внутреннее склоненіе: пятидесяти, шестидесяти и т.д Замѣчательно, что и в этом случаѣ повліяло на склоненіе числовка ДЄСѦТЬ, не смотря на различіе окончанія; впрочем в числов. 70 и 80 то же вліяніе породило мягкое окончаніе вмѣсто твердаго: если не всегда, то весьма часто произносят САМДЬСЬТ, ВОСЬМДЬСЬТ; но с другой стороны всегда говорят ПЬДИСАТ, ШЪЗДИСАТ. Однако, мнѣ кажется, противорѣчіе, существующее между числов. 70 и 80 с одной стороны и 50 и 60 с другой, можно обяснить удареніем: ударяемые слоги произносятся яснѣе и в них сохранилась старинная твердая форма, а при отсутствіи ударенія вторглась мягкость из простого десять; но почему явилась разница в акцентовкѣ, на этот вопрос я не нахожу отвѣта. Десять вм. десятъ встрѣчается уже в XI в.: седмь десять, до осми десять, Арханг.ев 1092 г. Относительно разсмотрѣнных числовок сдѣлаю еще замѣчаніе орѳографическаго характера. Наше правописаніе с бук-

вами - ДЦ крайне странное: или, по этимологіи, слѣдовало бы писать ДС, или, по выговору, ЦЦ либо ТЦ (ТЦ прежде дѣйствительно писали).

К ИЖЕВОМУ СКЛОНЕНІЮ первоначально принадлежали также слова муж. рода. В настоящее же время в русском языкѣ существует лишь одна такая предметница: путь, измѣняющаяся по этому склоненію; притом характерными ижевыми формами являются лишь одинные родник, давальник и мѣстник. Сюда же можно отнести также предметницу люди (первоначальная форма ЛЮДИЄ или ЛЮДЬЄ), но в русском языкѣ, гдѣ наз. на Е оставлены, а род. на - ЕЙ стал обычным и в еровом склоненіи, единственным довольно характерным падежом оказывается твор. людьми. Остальныя слова муж. рода этого склоненія утрачены. А именно, судьба их, как и вообще в новославянских языках была двоякая: или они сохраняли свое склоненіе, но зато измѣняли род, переходя из муж. в женскій, или же сохраняли муж. род., зато переходили в еровое склоненіе. Мы таким образом вмѣсто древняго ГРЪТАНЬ - И муж. рода, имѣем теперь гортань - и ж.р. таковы же печать, рысь (животное); далѣе слово степень, которое сохраняло муж.род. еще у Ломоносова; - Ломоносов, напр., в одѣ на тезоименитство Петра Ѳедоровича говорит: „Выше степень невозможен, Куда дѣлами Петр возшел". Ломоносов и в своей грамматикѣ о степенях сравненія говорит: „степень положительной", степень сравнительной", степень превосходной"; и Востоков сначала так писал (Краткое руководство к россійской славесности Борна, 1808 г.). Иногда, как извѣстно, в женск.род. переходит лебедь: в народной рѣчи встрѣчается лебедь бѣлая, и Пушкинская лебедь (Сказка о царѣ Салтанѣ) тоже народная, а вдобавок вѣдь там лебедь женщина; послѣдним соображеніем оправдывается „как лебедь робкая" в переводѣ Освоб. Іерус., Мерзлякова и у Мина, гдѣ сравненье относится к Армидѣ (пѣснь XX, октава 68). И наиболѣе консервативное слово путь в народном языкѣ иногда переходит в женскій род. Это произошло по-воронежски, да и в Онеж-

ских был. находим: „Вышла нам путь счастливая" (402), а с другой стороны иногда сбивается и на еровое склоненiе: „Гдѣ Ермаку путя искать"? Путя ему искать по Серебряной рѣкѣ. (Кирша Дан. XIII,79) „А скажите Вы, молодцы, прямого путя". (XVIII, 118), есть поговорка, гдѣ новотворной формѣ благопрiятствовала рифма: „Дитя, дитя, не будет в тебѣ путя". Долготы путя, от путя" читаются уже в Ряз.Кормчей 1284 г. Иже-выя формы муж.р. рѣдки уже в XIV и даже XIII ст.: Собол. говорит о ничтожном количествѣ случаев,главным образом от того же слова путь, да еще от слова гость, зять, тѣсть и тат: „гости нашему" (Новгор. гр.1270 г.); „К зяти" (Кормчая ок. 1282); „На зяти его на Андрѣя" (родник в роли винильника) Ипат.лѣт. Новгор.лѣт.; „ко тьсти" (Лавр.сп.лѣт.) Рѣшительную перемѣну склоненiя, при сохраненiи рода мы видим у слов звѣрь, червь, медвѣдь, голубь, гвоздь. Послѣднiя два слова в народной рѣчи встрѣчаются также в нѣсколько ином видѣ; а именно, вмѣсто перехода в мягкое различiеероваго склоненiя мы видим иногда переход их в твердое; значит, голуб,- а, гвозд,-а. Что касается слова голубь, то можно допустить, что твердость развилась в наз. падежѣ в изглашенiи, а затѣм перешла и в другiе падежи; но для слова гвоздь такое предположенiе невозможно, и форму гвозд,- а естественно сопоставить с литературным Господь, род. Господа. Господь - предметница, первоначально также ижеваго склоненiя, род., значит, был Господи; до сих пор зов. Господи, по ижевому склоненiю. Соотвѣтствiе, конечно, не полное, т.к. Господь слово книжное. У других Славян также не раз замѣчается переход слов муж.рода ижеваго склоненiя из мягкаго различiя в твердое: так, в соотвѣтствiе русск. зять, староцерк. ЗѦТЬ,-И; чешскiй язык представляет форму zet', род zetě, что равно русскому зятя, но также zet, zeta по твердому различiю. И это колебанiе легко понять, если припомнить, что мягкость согласных в староцерк. и в праслав. не была так развита, как в русском (ГОЛѪБЬ, ЗѦТЬ и т.д. представляли Б,Т

не мягкое, а среднее), поэтому переход из ижеваго склоненія как в мягкое, так и в твердое различіе ероваго, можно думать, был одинаково возможен; только в рус.яз. мягкость согласных перед древним Ѣ благопріятствовало переходу в мягкое различіе.

12) СОГЛАСНОЕ СКЛОНЕНІЕ. От согласнаго склоненія, к которому я теперь обращусь, мы видим прежде всего остатки в видѣ наращенія т.е. распространенія основы в косвенных падежах; кромѣ того находим нѣкоторыя своеобразныя окончанія, первоначально принадлежавшія к ижевому склоненію, но рано перешедшія из него в согласное. Своеобразных окончаній согласнаго склоненія мало, да и тѣ отчасти могут замѣняться другими, отчасти же вслѣдствіе вторичных измѣненій, не представляются характерными. В склоненіи согласных основ слѣдует различать: нашевое различіе (иначе эновыя основы), твéрдовое, слововóе (или эсовое), рцовое (или эровое) и вѣдевое. Нашевое различіе представляет основы на - ЕН, т.е. такія предметницы, как ПЛЕМА, ПЛЕМЕНЕ, русское племя, племени. Назывник племя - форма древняя; назывник, однако, в живой рѣчи не разнится теперь от оновой формы мягкаго различія, поля; причем, чего добраго, даже не равно старинному племя, а может быть возникло путем аканья из вторичнаго переиначеннаго на оновый лад пле́мё, имѣющагося в сѣвероволикорусской рѣчи. Подобное же явленіе мы имѣем в языкѣ польском, гдѣ такія слова, как plemię, нерѣдко произносится и даже пишется plemie, и это не только в литературном языкѣ, но и в народных говорах. Исходя от наз. племе, племё иногда косвенные падежи представляют склоненіе без наращенія; в народной рѣчи такое склоненіе встрѣчается весьма часто, и есть на него примѣры также в литератур. рѣчи, напр. у Крылова в баснѣ „Василек" читаем: „У него ни время, ни охоты на это нѣт"; в „Горѣ от ума" Д.III, явл 18 - „Время нѣт", и в просторѣчіи это слышится часто. Таким же образом у Кольцова: „Выше темя гор" („Урожай") и Раича „с утесистаго темя" (Освоб.Іер.XVIII, 82); у

Лермонтова в стихотворенiи „А,О;Смирновой"): „Ни даже имя своего", впрочем так только в первой редакцiи, в передѣлки форма эта устранена. Однако у него же уцѣлѣли другiе такiе родники, напр. пламя (послѣ напрасной попытки к соблюденiю школьной грамматики, предпринятой по желанiю редактора Отеч.Записок), притом в высоко-поэтическом мѣстѣ: „Из пламя и свѣта рожденное слово" - „Есть рѣчи". Таково же стремя „Альбазар Эрнеста сбил со стремя" (Раич,Освоб. Iер., IX, 31,) „Он ногу из стремя" (Фофанов „Русалка"). Подобную же передѣлку в склоненiи можно указать и у Поляков. В польской народной рѣчи часто встрѣчаются родники в родѣ plemia вмѣсто самороднаго и литературнаго plemienia. Падежи род. и дав. представляют окончанiе И, древняго согласнаго склоненiя, совпадающее с ижевым, и притом наращенiе: племен - и. У Крылова находим оновую форму темю: „То к темю их прижмет" (Мартышка и очки) „Плыли, как будто по стремю - главному теченiю - легко" (Жук.Од.XIV, 254). Другiе падежи - твор. племенем, мѣстн. о племени нехарактерны: творн. и на письмѣ, и в произношенiи совпадает с твор. оноваго склоненiя мягкаго различiя, а мѣстный отличен лишь на письмѣ. О-новый творник „с знамем" могу привести из Держ. „Осень", стр. 2; у него же мы встрѣчаем: „Жруща пламем саламандра" (На паденiе орла,стр.3); мѣст.пламѣ: „В водах и пламѣ" (Держ.„Осень во время осады Очакова", стр.8); „В пламѣ, в искрах" (Алексѣй толстой, „Коринеская невѣста".) Подобныя формы извѣстны также бѣлоруссам, напр. пле́мю, и Малоруссам, напр. и́мя, д. і́мю. Мы видим таким образом, что один. число нашеваго различiя сред. рода близко к мягкому оноваго; во множ. числѣ оно (если не считать наращенiя) совершенно совпадает с оновым склоненiем, только с твердым различiем: племена̀, племѐн - такiя же формы, как зеркала̀, - зерка̀л. Род.множ.числа школьная грамматика от слова се́мя образует в видѣ сѣмян, вм. сѣмён, однако живая рѣчь не чуждается формы сѣмён, которая не раз встрѣчается в печати, напр. „не от одной доброты сѣмён" (Лѣсков, Захуд.род.II,VIII); „вѣчны

„плащ въ пер-[вой] ... ...
Демонъ
(перв. редакц.)

чада сих сёжен". (Держ. „Безсмертіе души, 19); но самое окончаніе ЯН не сочинено грамматистами, оно дѣйствительно существует, но не составляет исключительнаго достоянія этого слова. Подобные родники встрѣчаются и от других слов этого различія, напр.: „Достойна старых обезьян - Хвалёных дѣдовских времян" (Пушкин, Евг.Онѣгин. IV, 7); в народных пѣснях, изданных Сахоровым, мы читаем: „Из стремян ног не вынимаючи", да и Пушкин: „Как из стрѣмян вы выбили его" (Скупой рыцарь, I). Кажется, всѣ слова с основой на ЕН могут имѣть род. на ЯН. Впрочем, вмѣстѣ с тѣм, они первоначально могли имѣть Я и в других падежах, только в других падежах оно не имѣет на себѣ ударенія и потому совпадает с Е. Слѣдует просто думать, что - Я зашло в другіе времяна и т.п. с буквою Я или Ѧ. мы не можем быть увѣрены, что это этимологическое письмо, однако дѣйствительно существованіе вторичных основ на ЯН слѣдует уже из производных слов безымянный и племянник. Появленіе же формы вре́ме, кромѣ вліянія оноваго склоненія, слѣдует обяснять также вліяніем косвенных падежей, представлявших звук Е. Обой в оновом склоненіи встрѣчается иногда и во множ.числѣ: „Подобно пылающим пламям" (Гнѣдич, Ил.XI, 596) „На темях гор" (Вяземскій „Весеннее утро"). Для слова вымя мягкооновыя окончанія зашли даже в школьную грамматику, т.к. это слово преимущественно простонародное. Множину его приводят, ввидѣ выми, вымь или ЕЙ,- ЯМ,- ЯМИ,- ЯХ. С „выми" ср. болоты, окошки; Иногда в народѣ является и новотворная однина ко множинѣ: отмѣчены как Ливенское (Орл.губ.) и Каргопольское (Олон.г.) имено, стремено, Колосов,„Обзор зв. и форм ссоб." 209 и 215. Он же из пѣсен Кирѣевскаго приводит, как симбирскій, азовый родник зна́ми.

Основы на Т (твёрдовыя) существуют в обыкновенной рѣчи только во множ. числѣ: телята, жеребята. По склоненію онѣ отличаются от множ. числа твердаго различія оноваго склоненія. Впрочем иногда видим и од. число, напр. в поговоркѣ: „Дай Бог нашему те-

Падеж[illegible] [illegible] вин. [illegible] который

ляти, да волка поймати", гдѣ риема сохранила старую форму; или: „У кошки котя - тож дите". Малоруссы и Бѣлоруссы до сих пор употребляют формы на Я и косвенные падежи с наращенiем: теля - теляти или телятя, по-бѣлорусски целя, целяци. Единственное вполнѣ употребительное с окончанiем Я слово есть дитя, но это слово употребляется, по преимуществу в наз. падежѣ, косвенные падежи дитяти и т.д. в живой рѣчи почти не встрѣчаются. В простоpѣчiи, а особенно в народной рѣчи, является измѣненiе этого слова по азовому склоненiю, т.е. к назыв. дитя вновь образовали винил. дитю, твор.дитей. Послѣдняя форма встрѣчается и в литературѣ, напр. у Грибоѣдова в „Горе от ума", дѣйст.III, сцена 10, Хлестова говорит: „Я помню, ты дитей с ним часто танцовала". Даже и грамматики, приписывая слову дитя твор. дитятей безсознательно считаются с формой дитей, так как дитятей есть сумѣсок нелитературнаго, яко-бы неправильнаго, дитей и архаическаго дитятем. Кромѣ подведенiя слова дитя под азовое склоненiе, мы видим, и притом чаще, в народной рѣчи это, кажется, надо считать за правило, измѣненiе его по оновому склоненiю, т.е. превращенiе наз. дитя в дитё. Отсюда твор. дитём „Дитём своей матери"; „маленьким дитём" Лѣсков (Стебницкiй), Обойденные. Ч.I, гл.II. Один. число древних твердовых основ вмѣсто Я, как извѣстно, является с окончанiем - ёнок: телёнок, жеребёнок. Это окончанiе обыкновенно считают очень простым и понятным, - слог ЁН отожествляют с Ѧ. Но такое обясненiе весьма неудовлетворительно. послѣ Ѧ если бы он сам сохранялся, должен был сохраняться и согласный Т, и, образуя посредством суффикса - ЪКЪ новыя производныя от слов ТЕЛѦ и т.п., образовали бы, конечно, ТЕЛѦТЪКЪ, т.е. по-русски было бы не телёнок, а телятoк. Едвали позволительно предположить, что формы наши образовались от наз.вин.ТЕЛѦ в тѣ давнишнiя времена, когда еще сохранялись юсы. Мнѣ казалось бы предпочтительным сблизить предметницу телёнок с прикладком стельная (равным староцерк.

съ - ТЕЛЬНАНА) - может быть, телёнок есть ничто иное, как уменьшительное от прикладка тельнъ. У иных слов одинное - ЕН забрело во множное ч. и получилось усложненное окончанiе - ЕНЯТА: жиденята, чертята, бѣсенята, волченята, мышенята, гусенята, турченята; впрочем обязательны эти формы развѣ у трех первых слов. В просторѣчiи суффикс - ЁНК употребляется и во множинѣ; иногда даже так и пишут: „всѣ твои кобылы родили жеребёнков" (Нарѣжный, Бурсак, III,3); довольно гусей, кур и поросенков (тж.) 4,6); поди и около телёнков хлопочи (Капнист, Ябеда, III,1); Ребёнки у меня и еще есть, а жены нѣт (Максим Горькiй, „Дѣти солнца", II). Бочонки и деньжонки, м.б., потому на особом положенiи, что они неодушевленныя; впрочем слышится и денжата; а с другой стороны вм. опёнки, гдѣ пьн есть корень - гриб этот ростет на пнях - говорят иногда опята. Щенки, гдѣ суффикс не ЁНК, а только К (ок,ъкъ), сюда не относится, хотя и суть щенята от древняго и малор. щеня,- яти, что по-великорусски было бы щенёнок (Форму эту я слышал от лиц со смѣшанным языком).

ОСНОВЫ ЭСОВЫЯ или СЛОВОВЫЯ сохранились только в видѣ наращенiя во множ.числѣ у слов небо и чудо: небеса и чудеса; слова эти, вѣроятно, удержали наращенiе под книжным влiянiем. За это рѣшительно говорит выговор небес, чудес, которые, как живая форма, звучали бы небёс, чудёс. Книжный характер сказывается у слова небо и в одинном числѣ, которое тоже должно бы представлять Ё, да и представляет его в областной рѣчи (Олон., Вят., Елз., Скопин.; Моск. - Парфенки). Еще болѣе книжный характер носят встрѣчающiя иногда в литературѣ формы очеса, древеса, также тѣлеса; послѣднее слово иногда слышится и в просторѣчiи, но, кажется, всегда с оттѣнком иронiи, которая превращает торжественность в насмѣшку: говорят напр. при „женскiя тѣлеса". Од. число указанных слов, утратив наращенiе, идет просто по осовому склоненiю твердаго

различiя, ~~т.е. К наз. вин.~~ вновь образовали ~~остальные падежи~~. Уже и в староцерковном от всѣхъ слововых слов встрѣчаются падежи по оновому склоненiю.- Одна из словових основ имѣла особую судьбу, кототая однако привела ее к тому же оновому склоненiю - это слово КОЛО, КОЛЕСЕ которое сохранило древнюю основу КОЛЕС и от нея уже образовало новое производное КОЛЕСО; или скорѣе, измѣнило свои косвенники по оновому склоненiю и образовало к ним новый назывник КОЛЕСО. В областной рѣчи впрочем существует и слово КОЛО, которое обыкновенный язык знает только в составѣ нарѣчiя - предлога ОКОЛО. Возобладенiе мн.ч. этого слова, кажется, приходится обяснить тѣм, что об одном колесѣ приходится говорить рѣже, чѣм о нѣскольких. Впрочем у других славян всетаки возобладала ненарощенная форма, напр. по-польски koło. Да и по-бѣлорусски коло, кола, по-малорусски колесо и коло, на слово коло, без наращенiя , можно указать примѣр у Ломоносова - в одѣ на фейерверк 1-го Генваря 1755 г. читаем: „Да колом так своей судьбины обращает, как подданны Тебѣ счастливых просят дней".

ОСНОВЫ РЦОВЫЯ или ЭРОВЫЯ, которыя и в староцерковн. представлены только двумя словами МАТИ и ДЪШТИ, имѣющими притом во многих падежах окончанiя ~~ерового~~ эрового склоненiя, и по русски по-русски вполнѣ утрачены. Мать и дочь относятся к этому склоненiю, причом только косвенники отличаются от назывника, он же винильник, наращенiем: мать, матери, дочь, дочери. Что касается окончанiя наз. падежа, или лучше сказать, безсуффиксности назывника, то можно сомнѣваться произошла ли она фонетически, т.е. онѣмѣл ли тут звук И, или же тут повлiяло ижевое склоненiе. Для слова МАТИ удобнѣе предположить фонетическое измѣненiе, но для слова дочь того же сдѣлать нельзя, так как в областной рѣчи дочь существует в видѣ дочи (или доци, с цоканьем) т.е. наращенiем на И. Формы эти

отмѣчены в сѣверо-великорусском говорѣ, в Олонецкой и в Вятской губ.; в Вологодской губ., Тотемском уѣздѣ отмѣчена форма мати (очень обычная у Малороссов в видѣ мáти и у Бѣлоруссов, в видѣ мáци; у послѣдних она, по своей нехарактерности заходит и в другiе падежи: доченька у маци, як родную маци). На том же сѣверѣ встрѣчаются матерь и дочерь в качествѣ наз. вин. падежа, формы допускаемыя в литературѣ, как поэтическая вольность. С областной формой дочи и ея акцентовкой согласуется и староцерковный язык; уже самое присутствiе Ъ говорит отчасти в пользу того, что ударенiе было на концѣ; о том же свидѣтельствуют и другiя славянскiя формы: сербск. кћи словенск. hčí, чешск. dcera, что в переложенiи на староцерковные звуки будет *ДЪШТЄРА; также польск. córka, равное славянск. *ДЪШТЄРЪКА. В противоположность с ударенiем наз. падежа находится ударенiе косвенных падежей од. ч.: род. дóчери, также наз. - вин.-мн. ч. дóчери. Судя по другим славянским языкам, по производному чешскому и польскому, по косвенным падежам серб. и словен. кћери и hčéri, мы не ожидали бы встрѣтить звук О, да еще с ударенiем - косвенные падежи должны бы звучать дчери и т.д. Вѣроятно, надо предполагать, что в нѣкоторых падежах ударенiе первоначально падало на Ъ, который тогда и сохранялся (по-русски в видѣ О): присутствiе коренного гласнаго во всѣх падежах или напротив того повсемѣстное отсутствiе его в таком случаѣ обясняется позднѣйшим подравненiем. Из явленiй областной рѣчи стоит отмѣтить еще винил. с окончанiем азоваго склоненiя - дóчерью (туль.); дóчерю ближайшим образом основывается на той формѣ дóчерь, которая встрѣчается в видѣ поэтической вольности в литературной рѣчи и часто попадается в народной. Совсѣм странными являются формы вин. мáтеря и дóчеря, которыя приводятся Колосовым из матерiалов, хранящихся в Архивѣ Географическаго Общества и принадлежат Орлов. губ., Мценскому уѣзду. („Всю родню свою, отца, матиря" находим и в одной щигровской пѣснѣ - Курс. губ.) Колосов рѣшительно недоумѣвает, каким образом вин. мог быть образован по еровому

склоненію. Кажется, впрочем, что эти формы могут считаться древними и что выводить их из ероваго склоненія нѣт надобности. Вѣдь по южновеликорусской фонетикѣ формы матеря, дочеря могут равняться древним МАТЄРЄ и ДЪШТЄРЄ, т.е. представлять вин. по согласному склоненію. Объясненіе это допускал и Шахматов.

ОСНОВЫ ВЪДЕВЫЯ уже в староцерковном образуют часть своих падежей по ижевому склоненію, а часть по азовому; характерных форм согласнаго склоненія встрѣчается мало, в русском языкѣ и тѣ утрачены. Утрачен древній назыв., он же отчасти и вин., ЦРЬКЪІ, и, взамѣн него, явилась форма по ижевому склоненію - цéрковь, которая уже в староцерковном в вин. падежѣ весьма употребительна и из него вошла и в наз. По азовому склоненію, как извѣстно, в староцерковном и, надо думать, уже в праславянском, образуются падежи дав., твор., мѣстн. множ. ч.: ЦРЬКЪВАМЪ, ЦРЬКЪВАМИ, ЦРЬКЪВАХЪ, а также дав., твори. двоиннаго - ЦРЬКЪВАМА. Соотвѣтственно этому мы имѣем русское церквàм, церквáми, церквàх. В народной рѣчи эти слова иногда вовсе переходят в азовое склоненіе, образуют напр. цéрква; подобным же образом вмѣсто свекрòвь, первоначально СВЄКРЪІ, встрѣчаются свекрóва („А собака-то, зла лиха свекрова" Он.был.333). Да и в литературном языкѣ нѣкоторыя слова рѣшительно перешли в азовое склоненіе: так вмѣсто БОУКЪІ, СМОКЪІ не говорят бýков, смóковь, а бýква, смóква. Народная рѣчь иногда сохраняет древній назывник: Даль приводит, как областную, форму свекрѝ; он говорит, что эта форма встрѣчается в губерніях Новгородской, Воронежской, Московской, Орловской и еще кой-гдѣ. (Будде отмѣтил ея в Скопин. уѣздѣ, Ряз.: „мая свекры́"). У Шейна, в сборникѣ народных пѣсен в одной из пѣсен читаем: „Свекры с свекром говорили ей"; в другой - „Как назвать свекры матушкой". Встарину стоит отмѣтить назывник церкви, нерѣдкій в Ряз. Кормчей и в Лавр. сп. лѣт., также смокви Ев. 1393 г.; црьки и смоки фонетически дали церки и смоки, а звук в внесен из косвенников. Соболевскій думает, что на таких формах основан ко-

вые назывники вродѣ церква; но, по моему, церкви, принимая окончанье азоваго склоненія, сохранило бы мягкость, и вышло-бы небывалое церквя.

МѢСТОИМЕНІЯ ЛИЧНЫЯ И ВОЗВРАТНОЕ. Обратимся теперь к мѣстоименіям личным и сходному с ним возвратному, которыя близко примыкают к именному склоненію. Вмѣсто староцерковнаго наз. падежа 1-го лица АЗЪ русскій язык, как почти всѣ новославянскіе, представляет форму Я. Древнее АЗЪ сохранилось только у Болгар: АЗ, часто с частицей - АЗИ, т.е. АЗ-ЗИ, или с двумя частицами азика, рѣже с призвуком: яз, язи, язика; у Словенцев jez, jez, чаще jest с странным измѣненіем a в e, at, я думаю, есть указательное мѣстоименіе - АЗЪТЪ = egoille.- Форма Я встрѣчается даже в Лаврентьевской лѣтописи, даже и раньше в. XII в. в Жалованной грамотѣ князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю и в Житіи препод. Феодосія. Но рядом употребляется язъ, азъ: в юрьевской (мстиславской) грамотѣ „а се я Всеволодъ далъ ломи блюдо серебрьно", но „азъ Мстислав", язъ далъ. С другой стороны еще в Московской грамотѣ 1455-62 г. читаем (д.б. как приказную старину): „язъ велѣлъ былъ ихъ судити". Напротив того ЯЗЪ иногда является в современном языкѣ, именно в былинах напр.: „Яз-то Дюку вѣдь не матушка" (в былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ, Онеж. был.), что мы однако, как уже Колосов, признаем книжно-искусственным. Каким образом новославянская форма Я образовалась из АЗЪ, это не ясно; может быть мы вправѣ предполагать у Славян стремленіе отбрасывать конечные согласные, сдерживаемое в других случаях косвенными падежами. Род.- вин. падеж. личным мѣстоименій и возвратнаго меня, тебя, себя вм MENE, TEБE, CEБE мы, вмѣстѣ с Колосовым и Соболевским, можем обяснить просто подражанием предметницам муж. и сред. рода; значит, можем видѣть в нем примѣненіе к еровому и оновому склоненію. Может быть, тут имѣл также значеніе древній вин. падеж. MA, TA, CA, к которому в этом случаѣ прибѣгает Ягич, утверждая, что меня произошло через сдѣлку форм MENE и MA. Шахматов выводит меня,

тебя, себя из безударных (энклитичных) форм, в коих будто-бы конечное Е лишившись ударенія давало А (я). Меня, тебя (тобя), по его словам (Изслѣдованія, 219), становятся обычными в 15 в. в московских грамотах, первые же примѣры относятся к концу 14: меня (Пролог 1383), тобя (Духовная 1388); по Соболевскому первые примѣры 15 в. - от меня в Моск. грам. 1436-45 г.: он не приводит даже перваго шахматовскаго примѣра, взятого из его же собственных „Очерков из ист. р.яз.", д.б. потому, что он псковской, и в нем несомнѣнно можно говорить о смѣшеніи Е и Я, т.е. о процессѣ звуковом. В малорусской и бѣлорусской рѣчи в полном ходу древнія формы: мене́, тебе́, себе́ (по-малорусски послѣ предлога удареніе падает на первый слог: на ме́не, у те́бе; по-бѣлорусски видим звуковые варьянты мяне́, мине́; цябе́, цибе́; сябе́, сибе́); также и в областной великорусской рѣчи нерѣдки формы мене́, тебе́, себе́: губ. Курская и Архангельская; указаны также Ярославская, Смоленская и Псковская: мине, тебе; Олонецк. тебе (и тобе́). Иногда на сѣверѣ бывает также - И: „скидывайте с себи платьица цвѣтныя" (Он.был.); его - И, видно, из Ѣ, т.е. взято у древних форм вродѣ душѣ, еѣ - но обяснять из Ѣ и окончаніе Е, по-моему, излишне: Соб. обясняет его так потому, что, по его мнѣнію, конечное Е переходило в ё. Окончаніе Ѣ Соб. указывает уже в памятниках XI в.: „ис тебѣ и т.д. нерѣдко в Минеях 1095 г., „не вѣмь тебѣ" читается в Антіоховых Пандектах; впрочем примѣры из Остр. ев.: в себѣ, на себѣ - представляют падеж мѣстный, а не родно-винильный. (Они повторяются в Заграф.,Маріинском и Ассеман ев.)

Как симбирскій отмѣчен род.мне. Что касается опущенія перваго Е в формѣ мне, то в этом, конечно, слѣдует видѣть примѣненіе к дав. Такое же опущеніе представляет род. мня, который встрѣчается в сѣверновеликорусском в Онежских былинах, в причитаніях сѣвернаго края, записанныя Ел.Вас.Барсовым, в говорѣ Вятчан. На мне есть примѣр в Изб. 73 г.- но это почти навѣрное, простая описка. Такой сокращенный

род. господствует у Славян. сѣверозападных: по-чеш. mne, по-польск. mnie, по-верхнелуж. mńe, по-нижнелуж. mńo. Мнѣ, впрочем, - в качествѣ вин. - могло бы быть также плодом сдѣлки между меня и древним мя. В противоположность этому примѣненію род. к дав. в простоорѣчіи нерѣдко примѣняют дав. к род. и вмѣсто мнѣ говорят минѣ: напр. в причитаніях сѣвернаго края мы рядом с род. мня встрѣчаем дав. минѣ. Род. падеж мѣстоименій служит вмѣстѣ с тѣм и винил. Как с одной стороны род. меня, тебя, себя стал служить вин., так и древній вин. МА, ТА является иногда в роли род. СА обратилось в глагольную наставку, а формы МА, ТА иногда встрѣчаются в народной рѣчи в видѣ МЯ, ТЯ: в былинах, напр., можно указать ТЯ. Может быть, это тя не есть архаизм, а представляет сокращеніе из тебя: тебя-тея, тя; такое сокращеніе можно допустить в виду того, что энклитическое мѣстоименіе дѣйствительно могло подвергнуться необычному у других слов сокращенію. Может быть, однако ТЯ все-таки есть архаизм, а тея. тія представляют непереходныя формы от тебя к тя, а вторичное образованіе. средніе формы между полной формой тебя и краткой ТЯ. В таком же родѣ, как тея, тія, образуют и дав. теѣ, тіѣ, который встрѣчается в народной рѣчи вмѣсто тебѣ; при двусложных теѣ, тіѣ, также сеѣ, сіѣ стоят и односложныя тѣ, сѣ. Опять таки тѣ, сѣ можно выводить, как сокращенныя формы из теѣ, сеѣ; но, быть может, это переиначеніе древних ТИ, СИ. Отмѣтим еще, что падеж дав., он же мѣстный, может имѣть иную огласовку перваго слога, чѣм в староцерковном яз., ТЕБѢ, СЕБѢ существуют, и весьма распространенны в народѣ, тобѣ, собѣ; также и в старинном языкѣ онѣ были весьма обычны. Соб. даже считает их единственно народными. Эти формы имѣют себѣ соотвѣтствіе в языках чешском и польском, гдѣ дав. мѣстн. падеж звучит tobě, tobie, sobě, sobie. Судя по староцерковному языку, можно думать, что О вошло сюда из твор. ТОБОѬ, СОБОѬ; впрочем неясно, откуда - О явилось в самом твор. и почему он повліял на дав. Иногда - О заходит в род.-вин., так что встрѣчаются формы (онѣ отмѣ-

чены как олонецкія) тобя, собя. О множ. чис. особенно распространяться нечего: оно равно староцерковному, только винильники NЫ и ВЫ утрачены и замѣнены родниками.

16) МѢСТОИМЕННОЕ И ПРИКЛАДОЧНОЕ СКЛОНЕНІЕ. Склоненіе мѣстоименное и прикладочное, или сложное слѣдует разсматривать параллельно, так как между ними в русском языкѣ, как и во всѣх новославянских языках, произошло значительное сближеніе. Возьмем, как парадигмы, указательное мѣстоименіе ТЪ и староцерк. прикладок ЗЪЛЪИ. Мѣстоименіе ТЪ в русском языкѣ приняло удвоенный вид: ТЪТЪ - тот. Это удвоенье восходит к XIII или даже к XII ст.: Соболевскій отмѣтил ее (Ж.М.Н.П.1892,N-11 стр.68) в Смолен.договорѣ 1230 г., в Прологѣ 1267 г., Новгор.догов.1270, в Златоструѣ XII в. С 14 в. он указывает аналогичное сесь, извѣстное в рѣчи малорусс. и кое-гдѣ в великорус. (Поликарпова ев.1307 г. и др.). ЗЪЛЫИ же в видѣ злой, причом О произошло или из проясненнаго Ъ, или из Ы (ЗЪЛЪИ и ЗЪЛЫИ); но, как бы то ни было, великорусским окончаніем наз. падежа сложнаго склоненія слѣдует считать ОЙ, не только под ударенієм, но и при безударности; для приклад. до́брый этимологическое правописаніе было бы до́брой так и писывали прежде, напр. Ломоносов. В литературном употребленіи отчасти (это стоило бы провѣрить) как будто сказывалось стремленіе различать, смотря по „штилю", по тону даннаго мѣста и свойству самого прикладка, низкое собственно русское ОЙ от высокаго (церковно-славянскаго) ЫЙ, напр. в Тютчевском „Посланіи Горація к Меценату" В Трудах общества Любителей Россійской Словесности 1819 г. напечатано с одной стороны „розовой вѣнок", а с другой „Питоме́ц счастливый Кастальских чистых дѣв". Произносится здѣсь глухой звук, который обыкновенным письмом лучше всего передавать через Ы; но он же слышится в женских косвенниках: срв. добрый отец и доброй женѣ; и вообще вмѣсто безударнаго ОЙ, а также АЙ: срв. мой милый и силой, смѣлый и дѣлай; обратим ~~также~~ еще вниманіе на случаи усиленнаго выговора, напр. милай, при коем получается явственное А. Соотвѣтственно твердому

ОЙ мягким окончанiем слѣдует считать ЕЙ: синей; однако, при постоянном отсутствiи ударенiя, гласный окончанiя слышится неявственно, Е совпадает в конечном закрытом слогѣ с И - синий. Произносим мы, правда, „сам третей", но эта форма (для нашего чутья прикладочная, и говорящая в пользу орфографiи синей, в пользу которой говорит и бѣглость в каком-нибудь „лисiй - лисья") по происхожденiю не сложная, а именная (лисiй тоже именная форма). Бѣлорусская рѣчь представляет окончанiя Ы и И: добры, сини. У Малоруссов является ий: добрый, синий, причом И в твердом различiи, конечно, слѣдует выводить из Ы. Написанiе добрий через Ы представляет то удобство, что намекает на мѣсто ударенiя, но очень неудачно употребленiе окончанiя IЙ послѣ г,к,х, напр. пѣгiй, ловкiй, тихiй. Только иногда, под влiянiем письма, произносят пегий, лофкий, тихий; живая же рѣчь представляет окончанiя къй, гъй, хъй, значит пäгъй, лофкъй, тихъй. Считая несомнѣнным, что современная русская рѣчь не знает окончанiй кий, гий, хий, допускаю однако возможность (но не то, чтобы вѣроятность) измѣненiя, до перехода древняго сочетанiя ЫЙ в ОЙ и этого ЫЙ в ИЙ, послѣ задненебных: при болѣе-менѣе искусственном письмѣ любого русскаго памятника, кажется мнѣ, никак не выяснишь, дѣйствительно ли произносили великий, строгий, ~~верхий~~, хотя бы упорно так писали. Впрочем в областной рѣчи окончанiе это иногда-таки слышится мягко: у сѣверных великороссов встрѣчается выговор маленькëй (фонетическая транскрипцiя этого слова будет мальнькой). В этом окончанiи кëй можно бы усмотрѣть существованiе рядом с кой окончанiя кiй и обяснить кой сдѣлкою между ними; но, кажется, окончанiе кой является только послѣ предшествующаго мягкаго согласнаго, и в нем слѣдует видѣть обратное уподобленiе. В памятниках окончанiе ой не рѣдкость с 15 в., встрѣчается же оно уже в 14 и 13 (там же ЪИ, что, м.б, и не слѣдует, как дѣлал я и дѣлает Соболевскiй, отожествлять с ои); в памятниках же XII и XI вовсе

нѣт ни ой вм. ый, ни ей вм. ии, кромѣ Евгеніевской псалтири, гдѣ однако вышнеи, сладьной, сильнои, нечьстивои", должны считаться не русскими, а македоно-болгарскими. В среднем родѣ мы имѣем формы то злóе, в женск. та злáя; тут, значит просто сохраняется старина. Народная рѣчь впрочем представляет стяженіе окончаній ая в а, ое в о. По замѣчанію Колосова, такой выговор нерѣдко слышится в Ярославской губ.; а также во Владимирской: дóбро силó, жи́дко тѣсто, тёмна ночь, друга сестрá, перво дѣло, быстра какá рѣка (Даль, как сибирскія). Даль искусственно приводит. От этого слѣдует, конечно, отличать искусственное употребленіе в стихах, которое теперь уже стало довольно рѣдким, в родѣ „Прочь буйна чернь непросвѣщенна", Держ. Вспомним еще одну фонетическую особенность, на которую не лишне обратить вниманіе - это то обстоятельство, что средній род. прикладков в од. назыв. нерѣдко совпадает с женск.: при непринужденном выговорѣ милое дитя ничѣм не разнится от милая дѣвушка. Стяженныя формы в наз. пад. од. ч. приклад для женск. и средн. рода, которыя в великорусской рѣчи встрѣчаются рѣдко, весьма обычны у Малороссов, у которых формы дóбрая и дóбра, дóброе и дóбре равноправны; двѣ послѣднія формы породили еще третью - дóбрее. При отсутствіи количества в русском языкѣ можно иногда сомнѣваться, имѣем ли мы дѣло со сложеніем или с сохраненіем древней именной формы; но у многих приклад ударенія показывает на это: дóбра - есть, конечно, стяженная форма, так как именная будет добрá. Впрочем малорусское нарѣчіе значительно сократило употребленіе безчленных форм; с одной стороны Потебня приводит такія формы, с другой нѣкоторые Малорус. вовсе этих форм не употребляют. На замѣну окончанія АЯ через А могло бы отчасти влиять также и мѣстоименное склоненіе, представляющее, как и именное, просто А; во всяком случаѣ в этом падежѣ между разсматриваемыми склоненіями замѣчается примѣненіе: вм. та, то √ встрѣчается также и в муж. родѣ вм. тот той. ТОЙ господствует у Бѣлоруссов и Малоруссов; Даль приводит той (той одно несёт, той своё) как курское и воронежское. Тая и тое

√ тая тие иногда

в народной рѣчи не составляют рѣдкости; на них есть нѣкоторые примѣры и в литературѣ, напр. у Ломоносова читаем: „Не тая ли на нас взирает, Что матерію всѣ зовут". (Ода на восш.на престол Елиз.Петр.1752 г, строфа 5). „Единным сердцем всѣ пылаем и тое на алтарь усердій возлагаем" (Лом.Ода на иллуминацію 18 д.1750 г).

В муж. и сред. родѣ окончаніе родника для мѣстоименнаго и сложнаго склоненія есть ОВО, которое, конечно, смотря по удареню, принимает разные звуковые оттѣнки: таво, злова, добръва. Староцерк. формы, как извѣстно, были того для мѣстоименнаго склоненія и ЗЪЛАГО для сложнаго, из древнѣйших ЗЪЛААГО - ЗЪЛАѤГО. Русское ОВО из древнѣйшаго АѤГО фонетически вывести никак нельзя и необходимо обяснять его путем заимствованій прикладков у мѣстоименій. Одинаково с русскими поступили Сербы, только что у них сложное склоненіе сохранило слѣды сложенія в долготѣ окончанія при краткости его в мѣстоименном: кога и злога. Обратное явленіе мы видим в языкѣ польском, гдѣ мѣстоименія, за исключеніем одного (kto - kogo) усвоили окончаніе прикладков: ten - tego . togo по образцу złego. Мягкая разновидность рассматриваемых окончаній у мѣстоименій первоначально имѣла ЄГО: СЄГО, у прикладок АѤГО, ААГО, ѦАГО с предшествующей мягкостью, напр. СИНѦѤГО, СИНѦАГО, СИНѦГО, является в соотвѣтствіе твердой в видѣ иво, ьва, напр. ѳсиво, синьва. Удареніе на первую часть этого окончанія не приходится, единичный случай представляет порядковый числовок третій в выраженіи тритовъдни рядом с третьва дни. Окончаніе ово, конечно, замѣнило болѣе древнее ого, а ого же встрѣчается в памятниках XIII ст.: смольнескаго лучьшего, и т.п. (Смол.грам. 1229 г.) (вообще ого, его постоянно встрѣчается в грамотах); ово по казанію Потебни, не новѣе конца 15 стол. („Озв.особен.р.народ."); а Собол. приводит в качествѣ примѣра надпись на крестѣ 1434 - боголѣпново. В современной народной рѣчи эти окончанія являются в довольно разнообразном видѣ: ово, которое можно считат литературным окончаніем, является в московском говорѣ и в большей части сѣверно-великорусских; также из южно-

великорусских в Тамбовском, в Пензенском. Ово явственно слышится у нѣкоторых окольщиков: по-бѣлозерски всегда так; еще отмѣчены напр. доброво, синёво, Кадниковскiя; Волог. губ. по-тотемски (Тотьма Вологодской же губ.) - ово рядом с ова; но обыкновенная южновеликорусская рѣчь калужская, курская, воронежская, а также и бѣлорусская, представляет ƺ злоƺа, добрƺа. Малоруское окончанiе есть оƺо, которое от этого южновеликорус. отличается только ~~окончанiем~~ оканьем - тоƺо, доброƺо. Вниманiя заслуживает, что звук А вм. О, при отсутствiи ударенiя, встрѣчается в этом окончанiи и у окольщиков: ова господствует у ярославцев и вообще у большинства окальщиков. Конечное А Шахм. обясняет фонетически; я же вижу в нем влiянье именного склоненiя (стола, окна), каковое влiянье могло сказаться на безударном окончанiи (даже у окальщиков менѣе явственном), не задѣвая ударяемого ВО у мѣстоименiй (тово́); можно сослаться и на то, что мѣстоименья чаще прикладков стоят отдѣльно от предметниц - КОВО́, ЧЕВО́ даже постоянно. Что та же аналогiя у Сербов и Словенцев захватила также мѣстоименья (злога, кòга, zlega, kogá,) по-моему, соображенiе не вѣское. Кромѣ окончанiя ОВА в говорѣ олонецком, по свидѣтельству А.О.Гильфердинга, в предисловiи к изданным им онежским былинам, употребляются также равносильныя нашим ороографическим окончанiя АГО и ОГО ОГО. Ого (с Г проточным, а не взрывным, которое впрочем вообще господствует в данном мѣстѣ): тёмного, дрёмучёго и т.п. отмѣчены Алексѣем Влад. Марковым в Зимней Золотицѣ на восточном берегу Бѣлаго моря. Замѣна звука Г через В, который мы видим в разсмотрѣнном падежѣ - явленiе весьма странное; повидимому, о переходѣ Г в В и рѣчи быть не может: звуки эти так далеки друг от друга, как только могут быть далеки звуки и естественно бы предполагать здѣсь подражательное измѣненiе, но я не вижу никакого образца для такой подстановки В на мѣсто Г. Было предложено одно обясненiе, по аналогiи, именно заимствованiе у прикладок притяжательных, у приклад. с окончанiем ОВ род. ОВА. Возможно принять обясненiе, предложенное, довольно впро-

чем не рѣшительно - Колосовым в статьѣ по этому вопросу, заглавіе этой статьи приблизительно таково: „Почему окончанія ГО (аго, ого) смѣнились на ВО (аво, ово)?" (Фил.Зак.за 77 г., II вып.) Колосов предположил, что в этом случаѣ в общерусском, а, может быть, уже и в праславянском (чего у Колосова не сказано, но к чему явно клонятся его разсужденія) в этом случаѣ звук Г был своеобразный, тогда как вообще господствовало Г мгновенное, взрывное , в этом случаѣ было приточное - не Г, а 𝔥. Это 𝔥, конечно, могло имѣть другую судьбу, чѣм Г; а в то время как Г вездѣ сохранялось, 𝔥 могло перейти в придыханіе и затѣм исчезнуть, а впослѣдствіи между гласными О и А мог развиться переходный звукъ В. Говорят в южно-русской (а именно, в тамбовской) рѣчи даже существует теперь переходныя форма с зіяніем - добрао, нѣсколько впрочем сомнительная уже по конечному безударному О. Из сказаннаго о род. падежѣ ясно уже, что наше правописаніе, надѣляющее мѣстоименія окончаніем ОГО, а приклад окончаніем АГО, или же, по Гроту, двумя окончаніями - АГО без ударенія и под удареніем ОГО, должно считать староцерковн. или, по крайней мѣрѣ, архаизующим, так как в русском языкѣ издавна окончаніе есть ОГО. Впрочем, если мы желаем возпроизвести на бумагѣ древнія известныя нам формы, то написанія самого, того, этого через О - по мѣстоименному склоненію, а всякого через О допустимы рядом со всякаго через А: одно принадлежит - к наз. всяк, другое к наз. всякій.

В ПАДЕЖѢ ДАВАЛЬНОМ мы видим подобное же явленіе, как въ род. мѣстоименное и сложное склоненіе имѣет общее окончаніе: тому, злому. Староц. окончаніе дав. пад., как извѣстно, было ОУѤМОУ, ОУОУМОУ, ОУМОУ: ЗЪЛОУѤМОУ, ЗЪЛОУОУМОУ, ЗЪЛОУМОУ. Значит самородная форма была бы *злуму или, м.б. *злему (по-чеш. и попольск. мы имѣем zlému, złemu). Подобно тому как и в род., мы можем допустить двоякое стяженіе основного ОУ - в У или Е; но О, конечно, из этого выйти не могло и мы должны предположить примѣненіе сложнаго склоненія к мѣстоименному. Подобное же явленіе мы на-

ходим в сербском, но однако там сохранилась разница в количествѣ: кому, но злому. Ому и ему в грамотах господствуют исключительно, а попадаются уже в русско-славянских текстах XI в., напр. благовѣрьному, врачьбному, ближнѥмоу, въземлюштемою (Изб.73) Омоу, положим, может быть и опиской вмѣсто оумоу, а емоу, пожалуй, вм. оуемоу; а кромѣ того здѣсь можно бы видѣть вторичныя формы не русскія, а болгарскія. Мнѣ именно хотѣлось бы отвергнуть существованіе в XI вѣкѣ давальников на ому, при родниках на аго, на которое повидимому указывают памятники, т.к. и вліяніе мѣстоименій прежде всего на один давальный падеж, и выставленное Фортунатовым и Шахматовам фонетическое обясненіе ому из уему через уому представляется странным.

ПАДЕЖ ТВОРНЫЙ сохранил, с нѣкотормми частными отступленіями, древнюю форму: там, конечно, равно древнему ТѢМЬ, также и злым — основному ЗЪЛЪІИМЬ или стяженно, ЗЪЛЪІМЬ. Соотвѣтственно формѣ твердаго различія там мы в мягком имѣем јим, староцерк. ИМЬ. Тогда как јим вполнѣ соотвѣтствует староцерков., вопросное мѣстоименіе предметное што звучит в твор. тшам т.е. примѣнилось к твердому различію: староцерк. и праслав. форма была ЧИМЬ. Чѣм впервые отмѣчено в концѣ 14 в., во второй духовной Дмитрія Донского. Форма ЧИМЬ существует однако, в видѣ чим, в областной рѣчи, она встрѣчается в онежских былинах; мы видим ее также у Бѣлоруссов и Малороссов. У Малороссов она, конечно, является в видѣ чим, тогда как нашему чѣм с ѣ соотвѣтствовало бы *чім с і умягчительным. Как мѣстоименіе что примѣнилось к твердому различію, так, наоборот, мѣстоим. сам и мѣстоименіе по формѣ (по значенію числовка) один примѣнились к мягкому: вм. древняго староцерк. САМѢМЬ, ѤДИНѢМЬ мы говорим самим, одним. То же самое произошло и во множ.ч.: вм. род.-мѣст. САМѢХЪ мы имѣем самих, вм. дав. САМѢМЪ — самим, вм. твор. САМѢМИ — самими. С числов. один и мѣстоим. сам можно соединить еще мѣстоимен. этот, образуещее формы этих, этим, этими. Но в послѣднем случаѣ употребленіе буквы И слѣдует

скорѣе считать неэтимологическим правописанiем.

МѢСТНЫЙ ПАДЕЖ представляет в муж. и сред. родѣ подобное же измѣненiе, как род. и дав.: мѣстоименное окончанiе усвоено также и членовыми прикладками. Форма том, конечно, равняется староцерк. ТОМЬ, но злом не могло фонетически развиться из основного ЗЪЛѢѬМЬ или состяженiем ЗЪЛѢМЬ. Опять таки то же самое представляет сербск.язык. гдѣ мы видим окончанiе ом: злом. Мягкое различiе мѣстоименнаго склоненiя не отличается от твердаго: формы в нем, в чем только на письмѣ представляют Е, в произношенiи же онѣ имѣют тоже О. Это О, конечно, в виду первоначальной мягкости окончанiя нельзя выводить из Е фонетически, а надо думать, что здѣсь произошло такое же заимствованiе, как в мягком различiи в еровом склоненiи: как по примѣру робом из каням возникло каньом, так из тшам возникло тшом, из нам - ном.

В ЖЕНСКОМ РОДѢ ПАДЕЖИ РОД. ДАВ. И МѢСТН. имѣют одно общее окончанiе, общее притом и обоим склоненiям - той, злой. В староцерк. для дав. и мѣстн. форма была одна, но род. от них отличался: дав.-мѣст. ТОИ, ЗЪЛѢИ - род. ТОѬ, ЗЪЛЫѬ. Дав.мѣстн., очевидно, опять таки представляет примѣненiе сложнаго склоненiя к мѣстоименному, и опять таки мы видим аналогiю в сербо.языкѣ,гдѣ также два эти склоненiя совпали: мој,злој. При староцерк. ТОѬ и ЗЪЛЫѬ в старину стояли русскiя тојѣ и зълыјѣ с ѣ; отпаденiе смягчившаго звука Е можно оправдать таким же образом, как народные творники на АМ вмѣсто АМИ и обычные творники на ОЙ вм. ОЙУ. Срв. еще безсложную наставку (мѣстоименiе) С вм. СА: она старалась вм -ся. Срв. также од. творник азоваго склоненiя, на ОЙ. Что касается Ы в сложной формѣ ЗЪЛЫѬ, то они, пожалуй, могли просто фонетически перейти в О; если же сомнѣваться в таком звуковом переходѣ, то легко допустить и в этом падежѣ примѣненiе сложнаго склоненiя к мѣсоимен. Такое толкованiе особенно, кажется, нужно принять в виду малорусскаго нарѣчiя,которое,несомнѣнно, не знает перехода Ы в О, а всетаки представляет

окончанie оi; моi, доброi (I = Ѣ) У Бѣлоруссов мы отмѣтим сохраненie архаическаго род. на ЫЯ, напр. старыя. Вниманiя заслуживает еще одно бѣлорусское окончанiе, которое встрѣчается также и в областной великорусской рѣчи, ЕЙ: старэй, в фонетической транскрипцiи starei, а не starei. Твердость р, правда, есть постоянная черта бѣлорусской фонетики, но в данном смыслѣ она может быть обяснена также иным образом, и это обясненie необходимо допустить в виду великорусской твердости: она появилась вслѣдствie сдѣлки сложнаго склоненiя с мѣстоименным - Е идет из сложнаго склон., а твердость из мѣстоим.

О ПАДЕЖАХ ВИНИЛЬН. И ТВОР. ЖЕН. РОДА. особенно распространяться нечего; о твор. даже и совсѣм не стоит говорить, так как он и в староцерк. равен именному творнику, как в мѣстоименном склоненiи, так и в сложном. Винил., представляющiй окончанie У в мѣстоимен. и УЮ в сложном склоненiи, также равен староцерк. Слѣдует только отмѣтить, что вин. пад. мѣстоименiй иногда замѣнятся родн., подобно тому, как это составляет правило у одушевленных муж. рода. Так утрачен древнiй вин. мѣстоименiя 3-го л. Ю, которое встрѣчается только в областной рѣчи. Ю отмѣчено в онежских былинах и говорят, встрѣчается и в живой рѣчи Олончан; вообще же в русском языкѣ, как извѣстно, винил. в этом случаѣ замѣнен родн. ЕЁ. Между вин. и род орфографiя проводит, правда, различie, предписывая писать в род. ЕЯ, в вин. ее но это различie искусственное. Старорусская форма была jejѣ с Ѣ (Примѣр, вмѣстѣ с тѣм старѣйшiй примѣр на замѣну винильника Ю родником: оумысли съзьдати цьркъвь и създавъ ѥѣ, Сказ. о Бор. и Гл. XII в.). Допускаемое стихотворцами в рифмѣ jейа должно считать славянизмом, напр. у Пушкина: „На крик испуганный ея Ребят дворовая семья Сбѣжалась шумно" (Евг. Он. 7,16); с другой стороны напр. у Баратынскаго: „Она ласкала с упоеньем Одно видѣнie свое И гасла вдруг мечта ее". „Бал", и уже у Держ.: „Как пальма клонит благовонну Вершину и лицо свое, Так тиху, важну, благородну, ты поступь напиши ее". (Изображ. Фел. 4). Конечное О вм.

Е (ѣ) я обясняю вліяніем муж. и сред. рода; Соболевскій напрасно думал о принадлежных мѣстоименіях моё, твоё, своё - характерных падежных форм средняго рода. Подобным же образом как "она" могут образовывать вин. пад. и другія мѣстоименія, представляющія, однако, и иныя формы; так мѣстоим. САМ, САМА обыкновенно образует САМОЕ, хотя сохраняет и САМУ, а иногда образует САМУЮ, форму с окончаніем сложнаго склоненія, но с акцентовкой мѣстоименнаго, а также САМОЮ я пригласила сюда самую графиню Фонв., Выбор гувернера, III, 5 (у Ломон. впрочем встрѣчаем прикладную акцентовку: видим, правишь, как самую ты себя Вѣнчанная надежда Росс. имп.), Самою Вѣру Александровну, Тургенев, мѣсяц в деревнѣ, II, самою в назём закопали, тамб. (Афон. Сказ.) Таким же образом и от мѣстоименія тот вм. ту в народѣ образует нерѣдко тоё; форму эту можно встрѣтить даже и в литературѣ: у Крылова, в баснѣ „Лиса Строитель" читаем: „Кого-ж подстерегли? Тоё-ж Лису злодѣйку". Таким же образом от весь является иногда, в народѣ даже нерѣдко, вин. всеё вм. всю; на всеё есть примѣр у Ломоносова в стих. „На пророчество Семеона Плоцкаго и Димитрія Ростовскаго" (Пророчество о Петрѣ I): „И просвѣтит всеё, как свѣта бог Россію". В числѣ форм вин. падежа мѣстоименія сам мы видѣли форму САМУЮ, представляющую сложное окончаніе, забредшее в мѣстоименное склоненіе; мы видѣли такую уже форму в ~~данном~~ назкывникѣ. Подобным образом от простонародья нерѣдко можно услышать вин. на УЮ и от мѣстоим. ТА, ЭТА: ТУЮ, ЭТУЮ вм. ТУ, ЭТУ. На тую есть примѣры у Ломоносова: „Храбру кровь их ободряю, чтоб тую за тебя пролить" (Од. на прибытіе из Голштиніи Петра Ѳедор.) В падежѣ род. дав. и мѣст. в Онежских был. весьма часто находим вм. ОЙ двухсложныя окончанія ЫЯ, ЫИ, ОЕЙ, ОЁЙ, также ОЮ; ОЮ, конечно, есть падеж твор., замѣняющій род., дав. и мѣстн. Должно быть, слѣдует думать, что народная рѣчь не знает окончанія ОЮ в твор., а употребляет ОЙ, и, как в творн. вм. ОЙ возможно ОЙУ, то и род., дав. и мѣстн. стали снабжать таким якобы приставочным У, когда этого требовал стих; напр. „Не може он побить змѣи проклятою" и „В той послѣднею пещеры во змѣиною" (мѣст.) ЫЯ видно книжное - церковное - окончаніе жен. родника, зашедшее и в другіе падежи, как стиховая вольность: „Заавил

нас от смерти от напрасныя; ко телѣги ко ординскiя": ЫИ д.б.вышло из древняго ЫѢ: спод той ли сторонушки восточныи;в тонкiи бѣлыи рубашки (мѣст.п.);ОЕЙ и ОЁЙ видимыя сдѣлки между сложным ѢЙ и мѣстоименным ОЙ- испод бѣлоей берёзки,на этоей на горкѣ;частиночку этой сбруи лошадиноей,на чайноёй дѣвицѣ.Окончанiе ЫИ также ЫЯ,встрѣчается и в назывникѣ муж.рода,напр.:„Братец тот родимыя",„Ай же красивыи король, да ты ляхетскiи".

МНОЖНОЕ ЧИСЛО МѢСТОИМЕННАГО И СЛОЖНАГО СКЛОНЕНIЯ сохранилось настолько в различном видѣ,что удобнѣе будет разсматривать порознь.У мѣстоим.ТОТ мы видим множ.назывник ТѢ;в староцерков.,как извѣстно,было ТИ,ТЫ,ТА.Можно бы подумать,что ТѢ для муж.рода есть глубокiй архаизм, что оно равно греч. τοι,санскр.tē,праязычн.toi;но такое толкованiе будет невѣрно.Если даже не держаться того взгляда,что конечное ОI переходило по-слав.в И,все же мы вряд ли в правѣ,наперекор другим новослав.и староцерк., предполагать древнiй Ѣ из ОI - вѣроятно,это новотворка и Ѣ вошел в наз.пад.из косвенников,издавна имѣвших Ѣ.Можно впрочем здѣсь видѣть и тот Ѣ,который развился в винил. падежѣ мягкаго различiя и распространился и на твердое. А м.б.лучше всего принять оба толкованiя зараз,и понимать дѣло так,что Ѣ из мягкаго различiя был заимствован потому,что этому благопрiятствовал Ѣ в косвенниках.ТѢ впервые отмѣчено под конец 13 в.,а в 14 уже не рѣдкость: тѣ (цари) спасаются,Кормчая ок.1282 г.(То же Ѣ является и у других мѣстоименiй).Мѣстоименiе САМ представляет форму САМИ с И; это,правда,могло бы быть неэтимологическим правописанiем вм .САМѢ через Ѣ;но нѣт,кажется,затрудненiя предположить,что тут сохранилось староцерк.форма муж.рода,распространившаяся также на женск.и на сред.

ОДИН и ОН колеблются между И и Ѣ: ОНИ и ОНѢ, ОДНИ и ОДНѢ,причем грамматисты старались искусственно урегулировать колебанiе,приписавши окончанiе И муж.и сред.роду, а Ѣ - женскому (Иные-И только муж.,а Ѣ жен и сред.). Живая рѣчь,однако,употребляет эти окончанiя совершенно безразлично,причем преобладает И,а Ѣ слышится рѣже; кто, однако,употребляет Ѣ (по привычкѣ,а не в силу школьной теорiи),тот его употребляет во всѣх родах.Отступленiя

от *школьнаго* правила встрѣчаются и в литературѣ. Так у Жуков. в стих. без заглавія, соединенном с другим стих. под общим заглавіем „Двѣ пѣсни" мы читаем: „Розы были там в сѣни Рощицы тѣнистой, Озаряли дол они Красотой душистой"; у Лерм. в „Демонѣ" в 1 отд. 2 ч., Тамара говорит: „Отец, отец, оставь угрозы, Свою Тамару не брани, Я плачу - видишь эти слезы... Уже не первыя они". Онѣ в сред. родѣ: „Судьбины лестью Такое счастье мнится мнѣ: Здѣсь вѣчны блага не бывали И никогда нам без печали Не доставалися онѣ" (Жук., Поликрат. перст.). у Грибоѣд. в „Горе от ума" Софья гов. (д. 4, яв. 19): „Воспоминанія - как острый нож онѣ.."; у Тютчева сказано в одном сти.: „Не мало мелких безымянных Созвѣздій в горней вышинѣ, Для наших слабых глаз туманных Недосягаемы Онѣ". Онѣ в муж. родѣ мы находим у Фета: „полуночные образцы стонут.. но о чем это стонут онѣ"; „Как проведут остальную часть дня слушатели, как онѣ будут жить" (слышано от нашего бывшаго профессора Павла Гавр. Виноградова). Онѣ в муж. родѣ читаем уже в 14 ст.: онѣ (бѣсы) хотяху (Пролог, 1356 г.), кто одолѣет: мы ли онѣ ли. (Лавр. сп. лѣт.) Народная рѣчь в разсматриваемому падежу ~~представляет~~ *придает* иногда окончаніе Ы: ОНЫ, ОДНЫ; это окончаніе странное для нашего уха, в сущности нисколько не странно: оно представляет обыкновенное окончаніе по твердому различію ерова̀го склоненія.

КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ МѢСТОИМЕННАГО СКЛОНЕНІЯ в твердом различіи представляют Ѣ; соотвѣтственно этому мы до сих пор по-рус. имѣем формы ТѢХ, ТѢМ, ТѢМИ, ТѢХ. Однако другія мѣстоим. твердаго различія усвоили себѣ окончанія мягкія: вм. древняго САМѢХЪ, САМѢМЪ, САМѢМИ мы говорим самих, самим, самими. У числов. один замѣчается колебаніе: одних, однѣх и т. д. причом грамматисты установили произвольное различіе, приписав ижевыя формы муж. и сред. роду, а ятевыя жен. В извѣстном смыслѣ остатком старинных ятевых падежей является также форма ОБѢИХ, ОБѢИМ, ОБѢИМИ, которыя по школьной грамматикѣ представляют косвенные падежи к наз. обѣ и служат, значит, жен. род. к муж. и сред. ОБОИХ, ОБОИМ, ОБОИМИ. В дѣйствительности, конечно, обоих, обоим не принадлежали первоначально к мѣстоименію оба, а принадлежали к ОБОИ, ОБОЕ, ОБОЯ; слово, которое в од. ч.

перестало по-рус.употребляться.(Оно встрѣчается изрѣдка в отдѣльных выраженiях: „число жителей обоего пола", „училище для дѣтей обоего пола"). Принадлежа к этому мѣсту, указанныя формы,конечно,свойственны по настоящему,всѣм родам; формы же ОБѢИХ,ОБѢИМ и т.д. переиначены из них примѣнительно к древней формѣ ОБѢМА (ОБА,ОБа, ОБѢ,ОБОЮ,ОБѢМА);могли повлiять,конечно,и такiя формы, как ТѢХ.Грамматисты,приписывая ОБѢИХ и т.д.жен.роду, вѣроятно,имѣли в виду, что Ѣ есть окончанiе жен.рода в наз.ОБѢ. Просторѣчiе,как извѣстно,не соблюдает в этом случаѣ искусственнаго различiя и говорит ОБОИХ для всѣх родов, иногда же, наоборот для всѣх,ОБѢИХ. В народной рѣчи иногда встрѣчается вм.ОБОИХ,ОБѢИХ и т.д. ОБѢХ, ОБѢМ,ОБѢМИ - формы,образованныя точно также,как ТѢХ,ТѢМ ТѢМИ;в основанiи их лежит,конечно,древнее ОБѢМА.С другой стороны народная рѣчь знает также у других мѣстоим. такiя формы как ОБѢИХ, а именно, встрѣчается вм.ТѢХ - ТѢИХ, вм.ВСѢХ-ВСѢИХ.

В ПРИКЛАДОЧНОМ или СЛОЖНОМ СКЛОНЕНIИ НАЗ.М.Ч. имѣет окончанiе ЫЕ,ЫЯ да ЫИ, с разновидностями ИЕ,ИЯ да ИИ: добрые,-я,и;синие,-я,-и. ~~ЫЕ~~ ые есть окончанiе стариннаго муж.винильника ЫѢ и женскаго назывно-винильника, а ЫЯ можно признать его акальским варьянтом;впрочем ЫЯ отмѣчено Марковым у окальщиков на Бѣлом морѣ,гдѣ повидимому придется предположить в ја остаток среднероднаго ој ја, ЫИ - или переиначенный назыв.муж.рода на ИИ:добрыи вм. добрии похоже на столы вм.столи,или же это ЫѢ, примѣнившееся к обычному предметничному И: добрыи кони вм. Ѣ-И.Едвали не лучше всего принять, что здѣсь в основанiи лежат обѣ формы,совпавшiя затѣм в одной.Малорусское добриї можно прямо отожествлять с древним добрии (узкое і на мѣстѣ древняго И послѣ ј вполнѣ нормально), но оно же точно соотвѣтствует старорусск.добрыѣ с Ѣ. Опять-таки я принял бы оба возможныя толкованiя зараз. Наша ороографiя различает в разсматриваемом падежѣ написанiе для муж.рода ЫЕ, для жен.и средн.ЫЯ. Такое различiе,как мы узнаем из филологических разысканiй Як. Кард...рота,было принято в 30-х годах прошлаго столѣтiя академической типографiей; за него высказался Ломонос.., тогда как Тредьяковскiй предпагал различать всѣ три

рода, присвоив муж. роду окончанiе ЫИ, жен. ЫЕ, сред. - ЫЯ, видимо, под латинским влiянiем, хотя ЫИ действительно имѣет связь с муж. р., ЫѢ (староцерк. ЫѦ) преимущественно с жен., гдѣ издавна служило не одному вин. падежу, но и назывному, а ЫЯ, м. б., находится в нѣкоторой связи со средберодным АѦ. Ломоносов, впрочем, в своей грамматикѣ признает, что позволительно употреблять буквы Е и Я безразлично, хотя все-таки ему кажется, что Е „приличнѣе" муж. роду, а Я жен. и сред.

В КОСВЕННЫХ ПАДЕЖАХ М.Ч. мы имѣем стяженныя формы: добрых, добрым, добрыми, вполнѣ соотвѣтствующiя основным ДОБРЪИХЪ, ДОБРЫИМЪ, ДОБРЫИМИ (уже и в староцерк. также - ЪIХЪ, ЪIМЪ, ЪIМИ); ЫИ нерѣдко для стиха встрѣчается в народной поэзiи. Под влiянiем сложнаго склоненiя Ы иногда появляется в народной рѣчи у мѣстоименiй: вм. тѣх, тѣм, тѣми встрѣчаются тых, тым, тыми; встрѣчается также двых, двым вм. двух, двум; обых, обым ближайшим образом, надо думать, вм обѣх, обѣм. - К сказанному насчот склоненiя мѣстоименнаго и сложнаго я прибавляю еще нѣсколько замѣчанiй о нѣкоторых отдѣльных мѣстоим.

Вопросное мѣстоименiе личное кЪто в наз. представляет фонетический переход К в Х: хто. Эта фонема вовсе не новая, она отмѣчена уже в памятниках 14 в. Если иные произносят кто, то дѣлают это, д. б., под влiянiем письма, хотя можно бы допустить, что они возстановляют К по образу косвенных пад.; народная рѣчь, кажется, рѣшительно чуждается формы кто. Вниманiя заслуживает еще появленiе звука К в пад. твор. наше КАМ при староц. ЦѢМЬ; здѣсь задненебный возстановлен подобно тому, как в других падежных окончанiях напр. рука вм. РѪЦѢ. Еще вызывает на нѣкоторыя дополнительныя замѣчанiя мѣстоим. И, ѦѦ, ѤѤ, дающее косвенные падежи к наз. ОН, ОНА, ОНО Вниманiя заслуживают также прежде всего тѣ падежи, которые на письмѣ начинаются с буквы И, в этих падежах обыкновенно в литературном произношенiи появляется вначалѣ звук j; Мы имеем таким образом твор. ед. ч. jим, род. мѣст. мн. jих, дав. jим, твор. jими. Этот j или сохранился от древних времен: основной вид для етих пад. вѣдь есть joimi, joisu гдѣ из oi должно было получаться ei, далѣе i; таким образом j етимологически давно находится в этом словѣ

и можно допустить, что он сохранился; или же в основном славян.языкѣ j перед начальным i исчезал, т.е., вѣроятно, не вовсе исчезал, а становился слабым, легким. В таком случаѣ основным славянским формам соотвѣтствуют встрѣчающіяся нерѣдко в народѣ и слышимыя также в образованной рѣчи формы йих, йим, йими, с легким j, которыя соотвѣтствуют обычному правописанію. J от в таком случаѣ, конечно, мог быть заимствован у других падежей: иже вые пад. позаимствовались у естевых, по примѣру таких пад., как ѥго (jьво) стали говорить jих. Несомнѣнно обясняется таким заимствованіем встрѣчающееся в народной рѣчи jон, jона, jоно вм. ONЪ, ONA, ONO (в разных мѣстах великорусских и бѣлорусских); Соболевскій на нее приводит как довольно ранній примѣр „а енъ не искал" (Звенигород." грам. 1491 г.) Косвенные падежи мѣстоим. ОН в соединеніи с предлогами, как извѣстно, принимают призвук Н; так было и в староцерк. и, очевидно, уже в праслав. Этот Н, по толкованію Бодуэна-де-Куртенэ, надо обяснять из носового изглашенія нѣкоторых предлогов, которое стало чувствоваться, как составная часть мѣстоим. и употребляться затѣм и послѣ таких предлогов, которые никогда не представляли носового исхода. Какой нибудь предлог съ, имѣющій разновидность сѧ, надо думать, сливаясь с мѣстоимен формой ѥго, мог дать СЪНѤГО (Первоначально в предлогѣ СѪ надо предполагать М, но конечный М, вѣроятно, переходит в Н и потом уже в пригнуску). По примѣру таких предлогов, как СЪ, мог усвоить себѣ пригнуску и какой-нибудь предлог ДО: ДОНѤГО. Стоит отмѣтить, что, повидимому, в прежнее время призвучное N употреблялось рѣже, чѣм теперь; именно у Державина послѣ нѣкоторых предлогов Н не употребляется: меж их, средь их, вокруг его, сквозь их, близ его. Обратим вниманіе на то, что это все предлоги вторичные, которые в основном слав. языкѣ не были предлогами, а были нарѣчіями; поэтому можно думать, что они только в новѣйшее время стали принимать Н. Народная рѣчь не соблюдает употребленія приставки Н; нерѣдко встрѣчаются в ней выраженія в родѣ С ИМ, В ЁМ.

ВОПРОСНОЕ МѢСТОИМЕНІЕ ПРЕДМЕТНОЕ ЧЬТО представляет, подобно лично-вопросному, звуковую особенность в

своем наз.падежѣ (он же и винил.)- превращенiе Ч в Ш, т.е. устраненiе перваго элемента согласнаго дифтонга. Выговаривают обыкновенно ШТО; если слышится выговор ЧШТО, то это, конечно, влiянiе письма. В народных говорах мы встрѣчаем довольно разнообразныя формы или, лучше сказать фонемы: кромѣ што слышится также шо, шё, ше, щи, чо или с цоканьем цо, иногда также сто, ближайшим образом, конечно, из што. Форма чо отмѣчена как пермская и тамбовская; цо как пермская; сто как вологодская (тотемскаго уѣзда). В выговорѣ чо можно видѣть отраженiе древняго ЧЬ; цо, может, представлять цокающiй выговор, т.е. превращенiе шипящаго в свистящiй; но для него возможно также и иное обясненiе: именно, цо можно отожествлять с пол. и чеш. co, для котораго Бодуэнде-Куртенэ выставил, конечно, вѣрное обясненiе—из род.пад. ЧЬСО. В остальных формах Колосов видит фонетическiе варьянты к ЧЬТО, но мнѣ это кажется невѣрным. Фонетически ЧЬТО едвали могло дать что-либ. иное, как литературное, весьма обычное и в народѣ, што-шо, ше слѣдует, кажется, обяснять сдѣлкой между формами че и што. Мнѣ думается, что и самый выговор чо не есть вполнѣ органическiй: чо замѣнило че, позаимствовав о из другой формы - што. Непонятна мнѣ форма щи; надо бы узнать, в каких сочетанiях она является: с ней можно бы легко справиться, если бы она являлась не как вопросное, а как относное мѣстоим. т.е. без ударенiя; при отсутствiи ударенiя, конечно, мы звук И могли бы обяснять из Е.

ГЛАГОЛ. ОБЩIЯ ЗАМѢЧАНIЯ. Обратимся теперь к глаголу. Глаголы, которые в прaслав.языкѣ должны были имѣть приблизительно тѣ же формы, как в староцерк., в новославянских языках вездѣ понесли большiя или меньшiя утраты. В русском языкѣ из именно-глагольных форм мы прежде всего отмѣтим утрату супина, или по Востоковской терминологiи, достигательнаго, употреблявшагося вмѣсто инфинитива и отличавшагося от него, кромѣ окончанiя, управленiем: глаголы переходные в супинѣ управляли не винил.пад., а род., напр. „посъла и пастъ свинии". Утраченный из новорусскаго языка, супин существовал, однако, в старинном, напр. в Лавр. лѣтоп. мы читаем: ИДОХЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЮ МИРА ТВОРИТЪ, подобный же примѣр из другого памятника, конца 14 в.: ПРИСЛА

Василіа Кузмина ОРѢШКА ПОЧИНОВАТЪ. О русском супинѣ есть небольшая монографія одесскаго профессора Кочубинскаго: „Как долго жил русскій супин?" (Фил.Зап.1872 г. вып.4). На основаніи примѣров, Кочубинскій утверждает, что супин жил до 15 стол.и Соб.также указывает, что до конца 14 ст. он встрѣчается довольно часто. Далѣе русскій язык утратил терпное причастіе настоящаго времени: так в народной рѣчи, которая знает только отдѣльныя формы, играющія роль прикладков, напр. знамо дѣло (знамо = ЗNAЖМО). В таком же положеніи находится употребленіе этого причастія во всѣх новославянских языках. Литературная русская рѣчь однако сохраняет это причастіе и довольно часто пользуется им у глаголов ижевых и азовых; образую формы в родѣ любим, терпим, разбираем и т.п. Рѣже употребляется такое причастіе от глаголов безпримѣтных: несом, ведом и т.п.; едвали кто допустит их в настоящее время, развѣ в стихах, хотя у старинных писателей их можно встрѣтить довольно часто; однако имѣются не только примѣры стиховые, как: Горем гнетомая смертная женщина, Жук „Наль и Дамьянт.5; Анжело...грызомый совѣстью (Пушкин. „Анж.") „Несомый вѣрными слугами Полтава, но и прозные: ведомый нѣсколькими хлопцами (парнями); Гоголь, „Сорочинская ярм.XI"; тихо мигая, как бережно несомая свѣчка (Тургенев, Бѣжин луг), экипаж, быстро везомый четырьмя добрыми конями (Писемскій, Взбаломуч.море, II, X). В математикѣ очень обычна форма „искомый".

ДѢЙНОЕ ПРИЧАСТІЕ НАСТОЯЩАГО И ПРОШЕДШАГО ВРЕМЕНИ утратило свое склоненіе и превратилось в так называемое ~~по моей терминологіи~~ [непричастие] = папричасток (Дѣепричастіе слово длинное, и невыразительное, совершенно условно отличаемое от простого причастія. Окончательно неудобным оно становится при усвоенном мною от чехов терминѣ дѣйный вм. дѣйствительный). В папричасткѣ настоящаго времени видим окончанія - Я и - учи. идя, идучи.+ Окончаніе - уч мнѣ кажется, мы, вслѣд за Буслаевым, должны выводить из жен.рода: идучи равно староц. ИДѪШТИ; И, как нехарактерное легко могло сдѣлаться общим для всѣх родов. Напрасно Миклошич выводит его из форм на ШТѢ т.е. из формы сред.рода или муж.наз.мн.ч., ссылаясь на то, что в таком

+ окончаніе учи перенесено и на глаголы ижевые (как сидючи, стоючи, сидячи, сходючи...)

видѣ причастіе и в староц.текстах иногда становится папричастком: вѣдь,нерѣдко на окончаніе И падает удареніе,напр. живучи́,причом совершенно ясно,что окончаніе есть И, а не Е. И мы видим также в сербском языкѣ, гдѣ перехода Е в И вовсе не бывает; какой-нибудь сербскій папричасток плетући своим И рѣшительно указывает на первоначальное И.Пожалуй,еще можно бы,вмѣстѣ с Соболевским видѣть здѣсь множный назывник муж.род. со вторичным окончаніем И; но при этом надо допустить,что И предварительно успѣло сдѣлаться ходячим окончаніем указаннаго падежа,чего,как мнѣ представляется,не было. Итак пологаю,что множинное ЧИ развѣ нѣсколько содѣйствовало одинному, женскому. Что касается окончанія Я, то оно,как извѣстно,в староцерков.языкѣ свойственно глаголам ижевым и іотовым: ЛЮБИТИ-ЛЮБѦ, ПИСАТИ-ПИШѦШИ-ПИШѦ, ЅНАТИ-ЅНАѬШИ-ЅНАѬ. Русскій язык это окончаніе распространил и на безпремѣтные, замѣнив имЫ: идя в.м. ИДЫ,по примѣру любя,зная. Такое окончаніе отмѣчено с начала 14 в.: зовя (Тріодь 1311 г.), идя, ведя,(Грам. Риж.ок.1300 г.).В старѣйшее время безпримѣтные глаголы представляли А неумягчительное: река (говоря),присно-текаи (текущій) Изб.1073 г.,зова,мога,Минея 1096 г.Одна из этих форм отмѣчена и в новѣйшее время в поговоркѣ „кто кого смога,тот того в рога"; но я,наперекор Соболевскому,не увѣрен,что это причастіе,а не областная личная форма,равная смогае,смогает.В этих формах слѣдует видѣть сдѣлку между древними ИДЫ, НЕСЫ, МОГЫ и окончаніем Ѧ, свойственным другим глаголам: ИДЫ, примѣнившись к любя,зная, превратилось в ИДА.Такія же формы представляет язык чеш.гдѣ соотвѣтствующія папричастковыя формы звучат jda, nesa, moha. Когда слѣдует пользоваться для папричастков окончаніем Я, когда окончаніем учи, это трудно разрѣшимый вопрос; воззрѣнія грамматистов в этом случаѣ нерѣдко расходятся. В одном из примѣчаній (460ст) к Сравн.Морф.Миклошича я набрал нѣкоторое количество этих примѣров, но не особенно значительное. Иные,напр., считают неправильным употребленіе формы пиша; спрашивается, не встрѣчается ли оно у писателей? Иные не рекомендуют живя,отдавая предпочтеніе формѣ живучи́.При папричастках стоят склоняемыя формы на - УЧІЙ и ЯЧІЙ,

играющія роль прикладок - горючій, горячій, колючій и т.д. Суффикс учій, притом, распространился насчот своей разновидности, так что являются формы горючій, злючій (срв. горячій и горящій, и злящійся) и даже без смягченія согласнаго - сыпучій, летучій, кипучій вм. *сыплючій, *летячій, *кипячій. Склоняемое причастіе: знающій, идущій - формы книжныя, церковныя, что видно уже из появленія щ вм. ч. Однако, в книжной рѣчи онѣ настолько употребительны, что их нельзя не признать, в извѣстном смыслѣ, русскими формами; да и народная рѣчь знает слова на ущій, ящій, очевидно возникшія по книжным образцам: работящій, завидущій, загребущій. Сюда же, видимо, примыкает народная форма превосходной степени на ѣющій: добрѣющій.

ПРИЧАСТІЕ ДѢЙСТВ. ПРОШЕДШАГО ВРЕМЕНИ СКЛОНЯЕМОЕ, как уже сказано, тоже является ввидѣ паапричастка; опять таки родовыя различія стерлись и употребляются безразлично формы муж.-сред. и жен. (по Соб. мужеская множина): бив и бивши. Как единичный случай ударяемаго окончанія отмѣтим оперши́сь, под - (Также опе́ршись Пушкин Ев.Он.6,26,8,40). Вспомним еще, что возвратная форма всегда образует парричасток на вшись, а не на вся: собравшись, а не собрався. Однако у Татищева читаем „собрався посмѣявся; у Самарокова „Пастух, проснувся, плачет" (Волченок собакою). В Росс. грамм., сочиненной Имп. Росс. Академіей (Спб. 1802 г.) Приводится форма убоявся, правда, с оговоркой, что она „болѣе приличествует слогу высокому". У глаголов безпримѣтных с закрытым корнем муж. и сред. род. прич. должено было дать безсуффиксную форму; древнія причастія НЕСЪ, ВЕДЪ, ПЛЕТЪ и т.д., по онѣмѣнію Ъ, явились бы в видѣ корня: нес, вед, плет; онѣ устранены и употребляются только жен. формы несши, ведши, плетши. Впрочем и от этих форм язык, видимо, уклоняется, нерѣдко подставляя здѣсь вшій: вм. древняго ОУКРАДЪ, ж.р. ОУКРАДЪШИ мы должны бы имѣть украдши, однако говорят укравши, такая же: упавши, наклавши, напрявши. Рядом с пріобрѣтши - пріобрѣвши (пишут при этом, конечно ѣ); вм. расцвѣтши (расцвьтъши) в народной рѣчи, д.б. и в просторѣчіи, можно

встрѣтить разцвёвши; таким же образом вм. пришедши - пришовши. В других случаях уклоняются от окончанія ши иным путем: предпочитают пользоваться окончаніем папричастка настоящаго: глаголы вида совершеннаго, как извѣстно могут образовать эту форму, которая, однако имѣет значеніе прошедшаго. Таким образом можно сказать вм. сплётши - сплетя, вм. пошедши-пойдя. Это употребленіе имѣет свою аналогію в чеш. языкѣ: и по-чеш, в соотвѣтствіе нашему сняся, можно образовать snesa и т.п. Это употребленье уже старорусское: возма мьзду Смолен. грам. ок. 1230 г., отъѣхалъ городъ повьргя (повергши, бросив) Новг. грам. ок. 1305 г.; пожга городъ възвратися Лавр. лѣт. Бывают также (теперь не употребительныя) формы на че и чи: исправляче чьтѣте = исправив читайте (Запись Пантелейм ев. XII-XIII в.); пойдучи в поход (Котошихин). Особенно, кажется, любят ~~это окончаніе~~ указанный способъ глаголы ижевые, представляющіе формы полюбя, вм. полюбив, раздѣля вм. раздѣлив. Стоило бы разсмотрѣть в этом отношеніи наших старинных писателей; я замѣтил в „Разговорѣ о воспитаніи" Татищева, что там не встрѣчается вовсе ижевых причастій, а постоянно употребляется настоящный папричасток вида совершеннаго. Чуть ли даже и болѣе новые писатели, напр. Пушкин, не предпочитают таких образованій. В этом отношеніи очень характерен один стих из „Кавказскаго плѣнника": „Склонясь на копіе стальное", вм. „Склонившись на копье стальное"; и, если Пушкин написал „склонясь", то видимо ему окончаніе ившись не нравилось. И у Крылова находим: „И встрѣтяся с прохожим на пути" (Гуси), гдѣ легко было поставить „встрѣтившись". Не знаю, можно ли привести это явленіе, если оно дѣйствительно существует, в связь с извѣстным староц. явленіем, по которому ижевые глаголы рѣдко образуют ижевыя формы прошедш. прич. склоняемаго, а представляет обыкновенно іотовыя: не ПОХВАЛИВЪ, а ПОХВАЛЬ. М. б., русское похваля является продолженіем древняго ПОХВАЛЬ, хотя настаивать на этом, по недостатку данных, нельзя. Вмѣсто окончанія вши разсматриваемый папричасток в народной рѣчи представляет иногда мши. Обыкновенно утверждают, что тут звук в перешел в м, но такое превращеніе совершенно непонятно. Я в одном из примѣчаній к Сравн. Морф. Миклошича (ст. 456) предложил для этой формы иное обясненіе,

которое, мнѣ кажется, легко допустить - можно здѣсь видѣть влiянiе личных окончанiй 1-го лица. Паприча-сок узнавши, замѣняя выраженiе „когда мы узнаем" легко мог превратиться в узнамши; „когда я поѣм" в поѣмши. Впрочем это мши можно обяснить также заимствованiем у нѣкоторых глаголов, у которых оно развилось фонетически и гдѣ М принадлежит корню. Так, органически можно считать М в папричасткѣ взямши вм. взявши: взявши есть новотворка к формам взять, взял по примѣру глаголов с открытым корнем, взямши, очевидно, восходит к древней формѣ ВЪЗЬМЪШИ, давшей фонетическое, тоже существующее, взёмши, а затѣм, путем примѣненiя к другим формам - взямши; это взямши в народном сознанiи стало разлагаться на взя и суффикс мши, который и был перенесен и на другiе глаголы взамѣн суффикса вши. Неудобство при этом обясненiи, конечно, состоит в том, что органически окончанiе мши могло развиться у немногих глаголов, именно у глагола ЯТИ в соединенiи с предлогом, да еще от глагола жать-жму: прижомши = прижьмъши (возобладавшая в литературѣ новотворка: прижавши). М.б., слѣдует соединить оба обясненiя: не отказываясь от моего первоначальнаго толкованiя, принять во вниманiе и эти формы. Как в настоящ. времени так и в прошедш., литературная рѣчь знает также истинное причастiе, напр. шедшiй, давшiй. Разумѣется, это - книжная форма. Книжный характер причастiя шедшiй сказывается уже в том, что мы произносим здѣсь Е, а не О; также обыкновенно звучит и папричасток (при) шедши. Еще болѣе книжная есть форма шед: пришед, вошед (фонетически нужно вшод), нашед, подошед, употреблявшiеся однако Гоголем, а также и Пушкиным напр. „Домой пришед" („Мѣдный Всад.") Мнѣ бы казалось, что ее теперь трудно допустить даже в стихах с приподнятым тоном, но знаю на нее очень недавнiй примѣр в прозѣ: нашед его в Болдинѣ Ѳ.Евг.Корш. „Разбор вопр.о подлинности оконч. Русалки".

19) ОКОНЧАНIЯ ИНФИНИТИВА. В инфинитивѣ староцер.суффикс ТИ является, как извѣстно, ~~в безсложном видѣ~~, как мягкое т (на письмѣ ть); только под ударенiем сохраняется полное ти: нести, плести и т.п. Как

звуковую разновидность наставки ТИ, у корней на задненебный, в соотвѣтствіе староц. ШТИ, мы имѣем русское Ч или ЧИ: печь или печи. Печи и тому подобныя формы встрѣчаются по преимуществу в народной рѣчи, но можно их указать и в литературѣ: так у Крылова в баснѣ „Щука и Кот" сказано: „Бѣда,коль пироги Начнет печи сапожник", у него же - „стеречи сѣстное от мышей" (Кот и Повар). „Вот волка стали стеречи" („Пастух"). Хотя удареніе таким образом спасает окончаніе ТИ в полном видѣ, но и вмѣсто ударяемаго ти возможно окончаніе ть: вм. плести - плесть, вм. нести-несть. Я полагаю, что в этом случаѣ не слѣдует говорить об отпаденіи ударяемаго гласнаго: если предположить отпаденіе ударямаго гласнаго, то выходит, что слово нѣкоторое время оставалось без ударенія, чего никак нельзя предпологать. Слѣдует думать, что окончаніе т заимствовано окситонными инфинитивами у баритонных: плесть есть новотворка по примѣру бить, дать. Есть нѣкоторые инфинитивы, которые, можно сказать,исключительно пользуются окончаніем ти. Таков идти, которое никогда не является в видѣ ить; почти в таком же положеніи находятся глаголы рости и пасти; в народной рѣчи однако можно встрѣтить и усѣченные инфин.рость,пасть (рость,конечно,не расть,п.ч.расти есть только искусственное правописаніе). На инф.пасть есть примѣр в одной сатирѣ Кантемира: „Адам дворян не родил, но одному сыну Жребій был копать сад,пасть другому скотину"; на рость у малоизвѣстнаго (довольно новаго) баснописца Ефремова: „Вот можешь рость само собою ты", „Плющ и дерево" (На рость ниже увидим очень старый примѣр) Два глагола - ползти и трясти, хотя и способны к сокращенному инф. ползть и трясть, но они встрѣчаются рѣдко, поэтому стоит вспомнить примѣр из басни Крылова „Лягушки просящія царя": и у царю „подползть к ногам с преданностью дерзнули", и Державиское: „чрез чары ты свои Могла потрясть весь мір" Цирцея ст.65. Из инф.с полным суффиксом особаго разсмотрѣнія требует идти. Древняя форма его была ИТИ; мы,однако,явственно произносим теперь усиленное т; таким же образом произносим вытти, притти; й, ко-

торый мы обыкновенно пишем в этих инф., в произношенiй не проявляется. Иначе мы произносим этот инф.в соединенiи с другими предлогами: там слышится не слоговое и, за то нѣт усиленiя: уйти, зайти, найти, дайти. Впрочем такое произношенiе неисключительное; слышится также утти, затти, натти, датти с удвоенiем согласнаго и без легкаго iота - это произношенiе сѣверное. Что касается происхожденiя усиленнаго выговора, то никоим образом нельзя предполагать с Гротом фонетическаго усиленiя т; нѣт, конечно, ни малѣйшаго затрудненiя произнести ити без усиленiя. Естественнѣй обяснение, данное раньше Буслаевым, выставляемое и Соболевским, что д внесено в инф. из наст. иду,идем; инф.,конечно,не мог заимствовать д в том же видѣ и оно сказалось в усиленном выговорѣ т. Поэтому-то этимологическое правописанiе есть идти, через дт, гротовская поправка итти с двумя т совершенно неудачна: ее можно одобрить только с фонетической точки зрѣнiя, на которую однако Грот не становится. Не лишено значенiя и то обстоятельство, что в старѣйших примѣрах на эту форму пишется именно д: идти, внидьти, придти, проидти, преидти (Еванг.1358 г.) Гротово выраженiе, что дт подлежало переходу в ст, неисторично: это переход еще дославянскiй (срв.лит. vedu - vesti), а вновь возникавшее дт давало усиленное т - подтянуть, надтравить; правда, могло возникнуть и исть (по-бѣлорусски исци, по-польськи iść и по-сербски, между прочим, ићи), но лишь по примѣру наслѣдственнаго чередованiя веду-вести.Что касается двоякости выговора инфинитивов зайти,дойти и т.д., то выговор без усиленiя можно обяснить просто сохраненiем старинной формы: тогда как глагол в простой формѣ и в соединенiи с предлогами вы, при примѣнял свой инф. к наст., в соединенiи с другими предлогами он сохранял свой старинный выговор, т.к. соединенiя зайтти, войтти, дайтти были бы неудобны; если же усиленiе заходит и сюда, то в этом надо видѣть влiянiе простого идти и предложное выдти и притти, гдѣ группы ый дай были предварительно упрощены. Припомним еще весьма обычное народное идтить, гдѣ к рѣдкой наставкѣ прибавлена вторично ея ходячая разновидность, как во французском être из estre, а далѣе из сохраняемаго

итальянцами essere вм. древняго esse. На эту форму есть и литературные примѣры, особенно в соединенiи с ся: я рад иттить (Капнист, Ябеда III) гдѣ судей найтить (тж.I,1), не хотите ли вы сойтиться с компанiей? (Фонв. „Бригадир I,3) им не сойтиться никогда Лерм. (Мцыри 4); не разойтиться-ль полюбовно. Пушк., Евг Он. 4,28 (вдобавок Пушк. легко мог сказать не разойтись ли). Что касается областной рѣчи, то у Малороссов окончанiе ти в инф. господствует, хотя существует и безсложное окончанiе т. Также и бѣлорусская рѣчь отдает предпочтенiе полному окончанiю ци, перед усѣченным ц: значит, обыкновенно будет бици, а не биц. Даже и областная великорусская рѣчь представляет иногда окончанiе ти безударное: Колосов отмѣчает, что ти встрѣчается нерѣдко в говорѣ вятском, вологодском, пермском, особенно в пермском; рѣже, но также встрѣчается, в новгородском и нижегородском. Инф. от корней на б и п в староцерков. (надо полагать и в праславянском) терял свой губной: гребсти - грети, тепсти - тети (бить); по-русски имѣем грести, скрести, замѣнившiя, как мнѣ думается, б посредством с по примѣру глаголов замѣнявших (для живого сознанiя) д через с. Затѣм примѣненье к настоящему и к прошедшему могло создать и такiя формы, как погребсти (похоронить). У Малороссов это влiянье сказалось на архаичных формах и привело к выговору гребти, сопти (сопти отмѣчено и как областное великорусское - арханг. Даль). Глубокiй архаизм представляет глагол ебу: ети или еть (также етить, как итить или идтить). Выпад в (опять таки праславянскiй) приходится видѣть в инф. полоть, староцерк. плѣти, праславянском (по крайней мѣрѣ древнѣйшем) pelti, при наст. полову (малор.) староцерк. плѣвѫ, по-великорусски новотворка полю. ~~Д.б. и в~~ Д.б. и в жи ~~~~ инф. жити, хотя м.б. корень gīv, (живѫ) явился в инфинитивѣ в видѣ gjī, так что жити вышло из гjити, как шити из сjити = литов. siūti. Безсложная наставка наших инфинитивов, хотя и может считаться усѣченною, вслѣдствiе общаго стремленiя языков к сокращенiю, но д.б. развилась не без содѣйствiя безсложнаго окончанiя супиннаго: т = тъ, и, кажется, не даром старѣй-

шіе примѣры на ть являются в качествѣ супинов: не придохъ разорить нъ напълнить (Остр.ев.), придѣяхоу почьрьпать Изб. 1073 г., възиде... помолиться, да ся не възвратить въспять възять риз своих, Добрилово ев. 1164 г. (в послѣднем впрочем есть также чисто-инфинитивныя оному подобають рость, а мнѣ мниться) Оригинальную особенность русскаго языка представляет способность инф.принимать форму уменьшительную, которую пользуется дѣтская рѣчь, напр. спатеньки, спатоньки, спатки, спаточки. Эти же окончанія и нѣкоторыя еще другія встрѣчаются в малорусск. и бѣлорус. нарѣчіи.

ЛИЧНЫЯ ФОРМЫ.

В области личных форм русскій язык также понес значительныя утраты, лишившись аориста и имперфекта. Когда это произошло, трудно сказать; не вполнѣ рѣшено даже существовали ли эти времена в русском языкѣ. В памятниках церковнаго характера, в Житіях, в Лѣтописях, ~~эти~~ они формы вполнѣ употребительны, но в грамотѣ аорист весьма рѣдок, а имперфект вовсе не встрѣчается. Отчасти, правда, это можно оправдать тѣм, что грамоты говорят обыкновенно о дѣйствіях совершившихся и продолжающихся в своих послѣдствіях - что естественно выражалось перфектом. Относительно формы этих времен в старинной русской письменности, стоит замѣтить, что имперфект обыкновенно представляет примѣту ја, т.е. вмѣсто староц. БѪДѢАХЪ, мы встрѣчаем БОУДНАХЪ, таким же образом NЄСѦХЪ вм. NЄСѢАХЪ. Эта особенность, кажется, говорит в пользу народности имперф. в старѣйшую пору: книжники, употребляя форму чуждую живой рѣчи, вѣроятно употребляли бы ее в староцерковном видѣ, т.е. писали бы всегда несѣахъ, ведѣахъ,(а со стяженіем - несѣхъ, ведѣхъ и т.д.); отступающую примѣту (Часто, даже обыкновенно, пишут Ѧ), повидимому, надо выводить из народной рѣчи: вѣдь возникавшія при ней слоги ся, зя, дя, тя, бя, пя, вя рѣшительно противорѣчат староцерковной фонетикѣ. Есть, кажется, даже в современном языкѣ остаток имперф. в одной частицѣ биш, которую Шлейхер отожествлял со стяженной фор-

мой БѢШЄ вм. БѢАШЄ. Этому обясненію нисколько не противорѣчит, что русской формой мы должны считать БѢШЄ: вѣдь частица биш не имѣет на себѣ ударенія и потому ея неявственное И мы можем с одинаковым удобством выводить из Ѣ и из ѦА. Отпаденье же конечнаго гласнаго нисколько не странно, особенно в частицѣ; вспомним ближайшія аналогіи лиш из лише, уж из уже (безударнаго). Правда, Соболевскій обясняет бишь из нарѣчья бышиѪ (бешью) всячески, совершенно, но это и по значенью мало подходит, да и фонетически неудобно, т.к. настоящим видом привлекаемаго им слова надо считать бъшьѪ, бошью. Есть также, признаваемый и Соб. впервые указанный мною (Сравнит.Морфол.слав. яз. Миклошича стр.469, прим.1), слѣд.аориста частица чу (Основное значеніе: слышал-ли ты).

ВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНІЕ. В велительном наклонен. русскій язык утратил форму для 1-го л.мн.ч. (Нѣт, конечно и 1 л. двоины, но это потому, что вообще нѣт двоины.) Первое л. мн.ч. велит.наклоненія однако сохраняется у Малороссов, гдѣ мы в соотвѣтствіе староц. NЄСѢМЪ имѣем несѣм, в соотвѣтствіе староцерк. ЗNАИМЪ - знаймо. Велительному присвоена по-малорусски краткая флексія, когда предшествует гласный, а послѣ Й является обычное господствующее з настоящ. врем. МО. Великорусская рѣчь в велительном наклонен.и. гдѣ мн. ч. представляло по староцерк. и праслав. ~~правильно~~ Ѣ имѣет И: несите вм. староц. NЄСѢТЄ, которому вполнѣ соотвѣтствует малорус. несіте. И во мн.ч., конечно, вошло из один, гдѣ оно издавна употреблялось; етому примѣненію могли благопріятствовать глаголы ижевые, у которых И проходило по всѣм лицам, как люби, любите; гори, горите. Могли благопріятствовать етому и іотовые глаголы, которые также представляют полную гармонію мн.ч. с од.: знайте, как знай. Отдѣльные примѣры на примѣту И, или Ѣ восходит к древнѣйшым памятникам: приведите, останитеся (Остр.ев.), хотя с другой стороны Ѣ (е) встрѣчается еще и в 16 ст. пойдете за нами (в великорус.грам.1542 г.) У малороссов примѣта Ѣ уцѣлѣла и даже перенесена на глаголы ижевыя: хвали, хвалімо, хваліте, ~~горя~~, горімо.
горі,

горите; и Бѣлороссы знают формы вродѣ не позднѣце. Послѣднiй примѣр напоминает нам о том, что примѣта И, будучи безударною, послѣ гласных стала неслоговою; послѣ согласных же она совсѣм нѣмѣла, оставляя слѣд в мягкости предшествующаго звука: стань, станьте. Это сокращенье (м.б. отчасто оправдываемое междометным характером велительнаго) с достовѣрностью возводится к XIII в.: украдь, оставьте, не обидьте, въверьзьте - Галицкое ев. ок. 1266. Послѣ согласных группъ однако и до сих пор держится: сохни, ѣзди, не клянчи, не порти (но и не порть). Единично ляг, лягте, вм. чего в народѣ обыкновенно ляж, ляжте старо-церк. Велительное iотовое (дажь, яждь, вѣждь, виждь) до сих пор живет в формѣ ѣшь, коей только присвоено неправильное написанiе; вишь сохраняется как частица; вѣжь утрачено, как и весь глагол вѣдѣти; дождь уже в 14 в. было непонятно и стало коверкаться при списыванiи в дай же: хлѣб наш насущный дай же нам днесь (Поликарп.ев.1307 г); зато к уцѣлѣвшему jѣш, образовали и подобную ему множину jѣште вм. древняго jѣдите (ядите), ~~сходно с тѣм вотарину поступали и с однородными велительными~~: Соб.приводит вижьте (Кормчая 13-14 в.) вѣжьте (сборн.13-14 в.). Русскiй язык уже издавна, если и сохранял еще аор. и имперф., отдавал предпочтенiе прошедшему сложному, т.е. перфекту, состоявшему из элеваго причастiя спрягаемаго глагола и настоящаго глагола бити: пилъ, а, о ѥсмь, ѥси, ѥсть, пили-и-а ѥсмы, ѥсте, - сѫть. Помогательный глаголъ однако стал опускаться и таким образом элевое причастiе одно начало нести функцiю прошедш. врем.: практическая грамматика совершенно права, когда называет элевое причастiе прошедшим временем, хотя с исторической точки зрѣнiя оно есть причастiе. Областная рѣчь именно малорус., сохраняет отчасти

описальную форму. А, именно, в 1-х и во 2-х л. в нѣкоторых малорусск. говорах употребляются приставки ем, ес, сьмо, сте, напр. бувем, бувесь, булисьмо, булисте отъ глагола бути (Глагол быть по-малорусски заимствовал звук У из совершеннаго настоящаго, иначе говоря будущаго БѪДѪ, в инфинитивныя формы). В 3-м л. помогальный глаголъ никогда не употребляется, и другiе славянскiе языки в 3-м л. допускают это опущенiе, иные, как чешскiй и польскiй, даже требуют его. И в старорусском 3-е л. повидимому издавна могло обходиться без помогальнаго глагола, а затѣм и вовсе стало его чуждаться: „Глѣб князь море мѣрилъ Тмутарак. камень, Угриньць псалъ Юрьев ев.ок.1120 г.; Смоленская грамота 1299 г. представляет цѣлый ряд третьеличiй (умрлъ, уздумалъ, присталъ, та два была у Ризѣ, из Риги ѣхали и т.п.) и все без помогальника. В 1-м же и в 2-м л. помогальный глагол держится долго (встрѣчается, еще в 17 ст.;) хотя уже в Антiоховых Пандектах отмѣчен примѣр: ты оскорбился, а она въ смиялась, и в Юрьевской Мстиславовой грамотѣ 1130 г. „язъ дал рукою своею". Рядом с опущенiем глагола шло прибавленiе личных мѣстоименiй Я, ТЫ, МЫ, ВЫ. В старинном языкѣ, и до сих пор в малорус. и бѣлорус., встрѣчается еще другое описальное прошедшее - давнопрошедшее, или лучше сказать, преждепрошедшее, состоящее из перфекта глагола бити в соединенiи с элевым причаст. спрягаемаго и содержащее таким образом два элевых прич. напр. ДАЛЬ ѤСМЬ БЫЛЬ, ,каковое обозначенiе давнопрошедшаго времени встрѣчаются и в других славян. языках. Это преждепрошедшее встрѣчается еще в 16 и даже в 17 в.; „Якушъ у поля стал был да от поля сбѣжал (грам.1525 г.); „казаки были на службу пошли, а нынѣ воротилися (Москов.разрядная книга 1615). Другое же преждепрошедшее, содержавшее помогальный глагол в имперфектѣ (бѣахъ - бѣаше или бѣхъ-бѣ), 12в как ясно уже из сказаннаго о самом имперфектѣ, если и существовало, то лишь в раннюю пору: примѣров

в грамотах нѣт, а есть только в болѣе книжных произведеніях: приведоша разбонникы, ихъ-же бѣша яли в селѣ (Жит.Ѳеод.Печер.XII в.) обновлена бысть цьркы, яже бѣ ополѣла в пожаръ(Лавр.сп.лѣт.) По малорусски и донынѣ образуют напр. я дав|буз. Это обыкновенная украинская форма; вмѣсто неяв нѣкоторых западных и сѣверных говорах будет дав ем був, т.е. ДАЛЪ ѤСМЬ БЫЛЪ. И по-бѣлорусски можно сказать я быў даў. Великорусская рѣчь для выраженія преждепрошедш.обладает также нѣкоторымъ описательнымъ выраженіемъ, которое нерѣдко слышится в просторѣчіи,особенно в народной рѣчи, но не узаконено грамматистами. Это есть соединеніе прошедш. времен., с прошедшим папричастком, напр. я был вставши, когда ты пришел. Этот способ выраженія иногда совершенно незамѣним:сказать „Я встал, когда ты пришелъ" совсѣм не то, что „я был вставши". Подобным же образом можно выразить также преждебудущее или будущее совершенное, соединив тот же папричасток с будущим временем помогальнаго глагола, напр. „приходи в 7 часов, я буду вставши"; „приходи в 7 часов, я встану", конечно, есть совершенно другое; к образованію такого преждепрошедшаго и преждебудущаго, повидимому, способны не всѣ глаголы; стоило бы собрать из народной рѣчи и из просторѣчья эти обороты. Если не ошибаюсь, такой способ выраженія вовсе не встрѣчается у глаголов переходных, а только у средних, да и то не у всѣх. Народная рѣчь соединеніем прошед.врем.с прошедшим папричастком нерѣдко злоупотребляет, прибѣгая к нему и там, гдѣ обыкновенное прошед. было бы достаточно. К числу описательных форм принадлежит также будущее время у глаголов несовершеннаго вида - в видѣ совершенн. будущее выражается формой настоящаго. Описательное будущее состоит из будущаго глагола быти и инфин. глаг. спрягаемаго. Тот же способ описанія является и у славян сѣверозападных, у чехов, поляков и лужичан: как мы говорим буду просить, так и по-польски говорят prosić, (będę) по-чеш. budu prositi, по-верхнелу-

жецки budu prosyć, по-нижне-лужец. budeš prosyć.

Для обяснения будущаго, описываемаго посредством БѪДѪ в соединении с инфин. было предложено обяснение лужицким грамматиком и словарником Фулем (Pfuhl). Он имѣл в виду свой лужицкій язык, но это же обясненіе годится и для русскаго и для чешскаго с польским. Именно, Фуль предположил, что инф. в этом случаѣ замѣнилъ элевое причастіе, что буду просить заступил древнѣйшее буду просилъ. Такое соединение извѣстно нам из староц.языка и встрѣчается также и в других слав.языках в значении будущаго совершеннаго. Польскій язык напр. до сих пор употребляет это соединеніе: będę prosił, которое теперь равносильно prosić będę. Появленіе инф.вм.элеваго прич. можно обяснить вліянием оборотов, которые служили для описанія в староц. язикѣ, и надо думать, употреблялась уже в общеславянск.т.е. соединеній ХОШТѪ, НАЧЬНѪ, ВЪЧЬНѪ, ИМАМЬ ПРОСИТИ. Нѣсколько против Фулевскаго толкованія выраженія буду с инфин. говорить давнишняя его употребительность, значит, в такое время, когда и Русские и Чехи еще знали преждебудущее, как особую форму - не слѣдует однако упустить из виду, что преждебудущее, по самому своему значенію должно было употребляться преимущественно у глаголов довершальнаго (совершеннаго) вида, так что у несовершенных легко могло взять на себя роль обыкновеннаго будущаго. Малорусская рѣчь отступая от великорус., выражает будущее несовершенн. вида посредством помогальнаго глагола ИМУ, причем инф. является в усѣченном видѣ, а вспомогател.глагол ставится позади инфин.; является таким образом проситиму, -меш, -ме, -мемо, -мете, -муть. И в бѣлорусском рядом с буду просиць, употребляется просициму, - имеш и т.д. Такое выраженіе описанія встрѣчается иногда и в областной великорус. рѣчи, напр. иму пахать вм. буду пахать (отмѣчено в разнорѣчьях - ярославском, костромском, вологодском). Иму, конечно, равно староцерк. ИМѪ, настоящ

к инф. мати. (однако народное сознание - как Карский оговорил относительно Белоруссов - д.б. относит его к инфинитиву имѣть, мѣць, мати). Старинные примѣры на послѣднее сочетание: аже иметь жялобитися насъ кто (Рижская грамота ок.1284 г.), хто сю грамоту имѣть рушити (Духовная Семеона Гордаго) Нерѣдок в лѣтописях, почти чуждый грамотам помогальный глагол хочу: мы хочом Богу жяловитися (Грам.Рижан около 1300 г.), благословитися хотять сынове рустии (лѣт. в списках Ипат.и Радзивилл. Ветарь), но видимо лишь изрѣдка, появлялся тут и глагол ЧЬНѪ, с предлогом по и на: которыи князь почьнеть хотѣти отяти (Мстиславова грам. 1130 г.), а что будеть сь нимь погибло, то же ему начнѣть платити (Рус.правда по списку ок.1282 г.) в двовоку раз впрочем указываемые примѣры или представляют довершальный вид, или же в них можно видѣть выражение именно начинанья, или желания. Несомнѣнно не является безцвѣтным показателем предстоящей поры глагол стану: стану пахать, а м.б. таково же областное иму пахать.

Сослогательное. Сослогательное наклонение или, лучше сказать, условное выражается частицей бы, которая восходит к спрягаемому первоначально по всѣм лицам аор БѢХЪ, БѢ и т.д. Спрягаемое бых напр. бысте пустили (Полоцкая грам.ок.1300 г.), быхом не поминали (Грам.Рижан ок 1300 г.) преобладает еще в 14 вѣкѣ, хотя начинают появляться нѣкоторыя неправильности: бы вм. быша (м.б. вмѣсто староцер. и праслав. БѦ) или одновременно с быша либо с бысте, бы есте вм. бысте: аще бы в Туррѣ быша силы былы (Милятино ев.1215 г.), аще бы слѣпи были (Ев.1339 г.), любили бы мя бысте, любили бы мя есте (Ев.1354 г.) У западных малороссов до сих пор встрѣчается спрягаемое бых, правда, поправленное отчасти, как у поляков и чехов, по примѣру настоящаго ЕСМЬ (срв.только что приведенное „бы есте"): писал бим (кое-гдѣ и бых), п.бись, п.би, писали бисьмо или бихмо, п.бисте, п.би. Развившись в наклоненскую (условную частицу бы, аорист бых прiоб-

рѣл способность примыкать и к инфинитиву, а иногда даже к причастію напр.: „А вам... не нѣжиться и не зѣвать бы (Гриб., Горе от Ума, 4,11); добра, ставшаго бы другому на всю жизнь (Гоголь, Тарас Бульба, 8). Чтобы покончить с глагольными формами нам остается обратить вниманіе еще на личныя окончанія. В 1-м л. как обыкновенное окончаніе, мы имѣем у, правильно соотвѣтствующее староц. Ѫ. Окончаніе м равное староц. МЬ, представляющее, значит, вторичное отвердѣніе вм. мь; мы имѣем его в глаголах ѣм, дам, староц. ѢМЬ, ДАМЬ; есмь - форма книжная, даже в литературной рѣчи почти вовсе утраченная (Вообще утрачено настоящее глагола быти, кромѣ одиннаго 3-величья есть, в смыслѣ имѣется). Сходно с ѣм и дам образует свое настоящее (или, по смыслу, будущее) глагол создать-создам. Создам явилось, конечно, в подражаніе наст. дам, первоначально было СЪЗДАТИ " СЪЗИЖДѪ; теперь зижду встрѣчается, как только книжный славянизм. В извѣстном смыслѣ сохранилось в русск. языкѣ и наст. ВѢМЬ, а именно в поговорочных выраженіях благодаря риемѣ на ѣм. Даль приводит поговорку „ѣм, а дѣла не вѣм", „чей хлѣб ѣм, того и вѣм". Малорусская рѣчь знает предложную форму повім (скажу) В старину находим вѣмь и своеобразное вѣдѣ (остаток средняго залога, с ѣ = санскритскому ē, основному ai): Нельзя речи: не вѣдѣ оу кого есмь купил (Рус. правда по Синод. списку). Из вѣдѣ вышла теперешняя частица вѣдь. Вниманія заслуживает, что в областной (Мнѣ это явленіе извѣстно, как Углицкое, Ярославской губ., по сообщенію Шлякова) рѣчи встрѣчается окончаніе М у глаголов основных, азовых и ижевых, напр. такія формы, как сыграм вм. сыграю, умѣм вм. умѣю. Очевидно, это вторичное подражаніе формам дам, ѣм, вѣм, которое вызвано стяженіем, происшедшим в других лицах рядом с умѣш, умѣт, сыграш, сыграт 1-е л. сыграю, умѣю стояло особняком, и потому легко могло принять форму умѣм, сыграм по образцу дам при даш. Это же явленіе существует и очень распространено в областной рѣчи.

у Малороссов; и также у западных Славян: у Сербов у сохранилось лишь у нескольких глаголов (напр. хоħу) а то всегда ам, им, ем: играм, летим, плетем. Второе лицо од.ч. представляет, как во всѣх новославянских язык., безсложное окончанiе ш. Можно сомнѣваться произошло ли ш из староц. ши, или же оно развилось из праслав. шь, которое находилось бы в гармонiи с основным si. Шь уже встарину исключительно господствует в грамотах, напр. посулишь (Смол.догов.1229 г. вѣдаешь, слышишь и т.д. Рижская грам.ок.1300 г. (в древнѣйших грамотах самой этой формы не встрѣчается); хотя в памятниках церковнаго характера рѣшительно господствует ши - впрочем есть тружаешь (Ев. XII в. Кiев.Церк.-Археол.Музея), изгубишь съхранишь, будешь и т.д. (Кормчая ок. 1282 г.) У глаголов корневых народная рѣчь знает формы с суффиксом си: яси, даси, равныя староц; к тому же эти формы (первая конечно ввидѣ jicи) в полном ходу в малорусской и бѣлорусской рѣчи. Даш и ѣш - плод примѣненiя к большинству глаголов, что замѣчается и у других славян, напр. у Поляков dasz, jesz. Второличье же глагола быти - еси иногда встрѣчается лишь в малорусской рѣчи, в бѣлорусской оно вовсе утрачено, а в великорусс. попадается только в пѣснях, да и то рѣдко. Обычное пѣсенное выраженiе „Ах, ты гой еси", едвали представляется ясно народному сознанiю. В 3-м лицѣ господствует окончанiе т, но народная рѣчь знает и ť (твердость сѣверная черта, мягкость южная); в старину притом господствовало второе окончанiе: в грамотах до конца 14 в. вовсе нѣт тъ, хотя в других памятниках (сѣверно-русских) оно попадается в концѣ XIII: расыплетъ, чтутъ (Захрьинскiй паремейник 1271) возметъ (Рязан.Кормчая 1284 г.) - в. XI-XII в. и церковные памятники, наперекор паннонскому изводу, приводят тъ. На первый взгляд трудно допустить, чтобы звук ть мог отвердѣть в русском языкѣ; но с другой стороны неупотребленiе тъ в старинном языкѣ дѣлает затруднительным предполагать давнишнее колебанiе между ть и тъ, и, повидимому, надо признать, что существовало

стремленіе, однако сильно сдерживавшееся родственными формами, удалить мягкость из исхода; здѣсь же посторонняго вліянія не было. Кромѣ окончаній Т и Т мы в 3-м л. видим иногда и безсуффиксность. Это составляет правило в малорус. рѣчи у естевых глаголов, напр. бере, знає: только иже́вые глаголы по-малорус. имѣют окончаніе, а именно ть. Безсуффиксность в этом лицѣ встрѣчается также и у Великороссов в областной рѣчи. Безсуффиксное 3-еличье можно указать уже в послѣсловьи Ост.Ев.: напише. В Изб. 1073 отсутствіе окончанія ть (как в ед.ч., так и в множ.) не рѣдкость. Первое лицо мн.ч. совершенно соотвѣтствует старинному окончанію МЪ и представляет безсложную наставку М. В малорус., однако, простое М не есть обыкновенное окончаніе, чаще является МО, напр. дамо́, звемо́, беремо́, горимо́, знамо́. В велит. наклон. однако обыкновенно бывает просто - М - только послѣ Й является МО, напр. берім, но даймо́. Окончаніе МО в малорус. рѣчи можно бы обяснять из конечнаго Ъ, допуская, что прояснение происходило перед группой согласных; появленію О могло благопріятствовать удареніе: глаголы, имѣвшіе нафлексійное удареніе во 2-м л., напр. дасте́, звете́, берете́, горите́, могли стремиться надѣлить такою же акцентовкой и 1-е л. и воспользоваться для того приставкою обыкновеннаго бѣглаго гласнаго О. Отмѣчено впрочем Потебнею, что окончаніе МО раньше появляется в велит.наклон., чѣм в настоящ. времени, и потому может быть прав Потебня, что МО явилось первоначально послѣ j и уже отсюда пошли и другія формы на МО. Впрочем примѣры у Соболевскаго не вполнѣ соотвѣтствуют: у него на первом мѣстѣ стоят приводимо, чинимо, есьмо из Галицких грамот 14-15 в., а лишь на втором поразумѣимо, работаимо, поругаимо из Ефрема Сирина 1492 г. Кромѣ безсложнаго окончанія М и окончанія МО в малорус.рѣчи существует еще окончаніе МЕ, а именно, у Карпатских Малорос., напр. звеме. Здѣсь, м.б., сказывается вліяніе сосѣдних Словаков, смѣшеніе с ними Карпатских Малороссов. Ме встрѣчается и в стари-

ну; но почти исключительно в формѣ юсме (старѣйшіе примѣры в Прологѣ 1262 г.) которая едвали не начинала выходить из употребленія и подверглась м.б. вліянію болѣе употребительнаго 2-го лица есте. От корня jес, также у других корневых глаголов встарь имѣлись формы на МЫ: есмы (Новгор.грам.ок.1260) дамы, продамы (Грам.Бижан в Витебск.ок.1300г.), (Мы, конечно, плод примѣненья к соотвѣтственному личному мѣстоименію. ~~срв. польск. даму~~). Флексія 2-го л. мн. ч. ничего особеннаго не представляет. Вниманія заслуживает развѣ одно явленіе малорус. рѣчи, о котором мы говорили уже в фонетикѣ; именно, по-малорус. окончаніе те в велител. наклон. может являться в безсложном видѣ, как т, значит вм. беріте существуёт берiть. Стоит также отмѣтить (тоже упомянутое ранѣе) акцентное явленіе: малорус. суффикс те принимает иногда удареніе; это встрѣчается и в великорусс.рѣчи,так спитѐ или спитѐ, говоритѐ или говоритѐ нерѣдко сmышатся и в сѣверновеликорус.рѣчи. Слѣдует думать, что такая акцентовка есть древняя, потому что она является и в церковном языкѣ, конечно, как старорусская, напр. стоитѐ, поститѐсѧ, и находит своѣ соотвѣтствіе у сербов и Словенцев, напр. спитѐ (спитѐ) у Сербов будет СПИТЕ с восходящим удареніем. указывающим на первоначальное спитѐ, в словенск. в областной рѣчи, spitȅ, govoritȅ. Вмѣстѣ с тѣм у Словенцев и у Сербов и в первом лицѣ будет подобное же удареніе, в соотвѣтствіе малорус. формы в родѣ спимо-спимо,spimò. Существованіе окончанія МО у Сербов и Словенц. говорит в пользу его древности - обяснять его у них фонетически никак нельзя: серб. и словен. О всегда восходит к праславян. О. В 3-м л. мн.ч. мы имѣем окончанія ут,ят, правильно соотвѣтствующія староц. ѪТЬ и ѦТЬ. Как и в ед.ч., народная рѣчь, а также старинный язык вмѣсто твердаго окончанія нерѣдко представляет мягкое, значит, уть, ять вм. ут, ят. Встрѣчается также опущеніе конечнаго т. хотя и рѣже, чѣм в ед.ч.Вниманія заслуживает в этом лицѣ еще то обстоятельство, что иногда окон-

чанiе не соотвѣтствует древнему: вм.староп. и праслав. ДАДАТЬ мы имѣем не дадять, а дадут, хотя с другой стороны. староп. ЯДАТЬ соотвѣтствует ядят. Довольно странно, что эти глаголы, спрягаемые вообще сходно, разошлись в этом лицѣ. Появленiе формы дадут тѣм страннѣе, что она стоит рядом с формами дадим, дадите, совершенно аналогичными с ядим, ядите. Эти дадим, дадите, надо думать, суть формы велит., зашедшiя в настоящ. Кажется, что единственным оправданiем для дадут может быть то, что оно появилось еще тогда, когда (как до сих пор у Малорос.) существовали архаическiя формы, в родѣ, дамо, дасте; но и это оправданiе недостаточно, потому что в таком случаѣ мы ожидали бы встрѣтить такое же примѣненiе у глагола ѣсть; вѣдь мы имѣем по-малорус. iмо, ѣсте. Можно бы думать, что дамо, дасте дольше держались чѣм ѣмо, ѣсте, но это сомнительно; правда, что первые примѣры на такiя формы отмѣченные Соболевским (в.14 ст.), относятся именно к дати: вы дадите (Новг. лѣт.), дадим (Ипат. ср. лѣтоп.) д.б. простая случайность.

Наконец слѣдует отмѣтить, что окончанiе ут, которое вытѣснило ят у глагола дать, вообще сдѣлало в русском языкѣ значительныя завоеванiя. При условiи безударности ят в просторѣчiи почти постоянно, замѣняется посредством ют: вм. любят говорят лубут, вм. просят - пробут. Грот в своих грамматических разысканiях утверждает, будто бы здѣсь слышится звук среднiй между а и у; но вѣдь этот среднiй звук был бы О, котораго, конечно, здѣсь быть не может. В дѣйствительности говорят довольно ясно лубут, а если пишут любят, то это дѣло преданiя. (Иногда и наоборот пишут колят, порят вм. обязательных со всякой точки зрѣнiя колют, порют.) Звук а, послѣ мягкости, при отсутствiи ударенiя, должен был совпасть со звуком И, причем сглаживалось различiе между числами: основное ЛЮБЪ и ЛЮБИТЬ одинаково должны звучать ЛУБЬТ; в избѣжанiе этого совпаденiя и обращаются к другим глаголам и заимствуют у них У.

К о н е ц.

Оглавленіе.

Неясно отлитографированныя места.

Стр.34, стр. 1: со многими народы гласят.
" 34 " 28: (Ск.о Рыб.и рыб).
" 34 " 29: пишет что „буква г произносится разными образи", - это д.б., живой остаток старины. А уж никак нельзя сомневаться, что для автора Домостроя „за грибы, с рыжики" - были еще живыми формами. В малорусской речи окончанiе И для твор.встречается лишь изредка, притом карпатскiя „образи, чази", м.б., словацизмы...
" 34 " 36: сарафанима
" 35 выраженiе, заключенное в [{—}] опустить.
" 35 " 28: „Аль цепам по токам?"
" 35 " 30: ѢХЪ окончательно утрачена. Миклошич приводит, правда, некоторые примеры с ссылкой на сказки сахарова, но эти сказки представляют вообще
" 36 " 32: он совпадал с родным одиннаго (обыкновенно отличался от него по ударенiю)
" 30 " 38: на - овъ и въ (55,15 снизу Пермскiя)

Пропуски

Стр.55, стр. 19; после слова Соболевскiй до слова пример, вставите следующее: мja, а именно ма - iоту здесь неоткуда было взяться старейшiй.
" 62 " 15: после слова другiе до слова времяна вставить: падежи из наз. винил., который влiял на косьвенники, конечно встречая.
" 4: снизу после слова то до слова встречается вставить: встречаются тая́, тое́, иногда.
81 " 21. После слова различiя до слова распространилася вставить:в склоненiях еровом и азовом из юса мал. и который в таком случае

с мягкаго различія.

Замѣченныя опечатки.

На стран. 9, в словах ОГИЬ и ПЛЪИЪ вмѣсто И нужно N

"	13	строк. 2: снiħ, снiħу,	читай	снiг, снигу
"	17	" 20: кралевиħу	"	кралевиħу
"	17	" по срединѣ біеши	"	бјеше
"	46	" 10: бѣлорусски	"	бѣлорусская
"	46	" 10: предпочитают	"	предпочивает
"	46	" 11: допускает лишь	"	допускает ОЙ лишь
"	45	" 9: ижевый	"	ятевый
"	45	по сред.: Лаптевскій	"	Лапшевскій
"	45	" 8 снизу: зарь	"	зато
"	45	по сред.: без борьбы	"	без бороды
"	48	" 11 снизу: мы	"	мн.
"	48	" 11 снизу: krou		krów
"	48	" 3 " одиннаго числа	"	единственное слово
"	50	" 7 поччю	"	ноħю
"	50	" 21: кости	"	кости
"	50	" 12 снизу вельмож.	"	вельможа
"	50	" 13 " Кантемир	"	Капнист.
"	51	" 1: жолудьми	"	желудьми
"	55	" 16 снизу: послѣ слова „прозѣ" нужна запятая.		
"	51	" 12: золото	"	злата
"	51	" 16: молчите	"	молчит
"	51	" 17 сницу: Измаилов	"	Измайлов
"	52	" 5: Анакреоном	"	Анакреонтом
"	52	по сред. в области	"	в областной
"	52	" 13 снизу: много	"	мною
"	52	" 2 " родник какоши	"	мн. родник какоши
"	52	" 3: какошимы	"	какошима
"	52	" 5: ствари	"	ствари
"	54	" 4: трьмь	"	трьмъ

На стран.	55	ст.9:	ма	читай:	мя
	56		сред.: не несклоняемыми	"	но несклоняемыми
	56	17 снизу:	двѣми	"	двѣма
	56	14 "	двойного	"	двойнаго
	56	12 "		"	бѣ съ нимъ вт бѣсовъ инѣхъ
	61	15 "	жруша племем	"	жруша пламен.

О п е ч а т к и

Стран.	Строк.		Напечатано	СЛѢДУЕТ
3	10	снизу:	Двойныя	Двоинныя
7/6		снизу	утверждая	утверждалъ
4 —	10	сверху	двойной	двоинной
4	8	снизу	(одинст	(одинное
5	13	снизу	сохранился	держится
"	3	-	„без дву тридцать",	без дву тридцать", (Буслаев)
"	2		а также в такихъ выраженіяхъ, как	Вспомним еще слова, вродѣ
6	16	снизу	С двумя цвѣтами	Матерія с двумя цвѣтами
7	3	сверху	сушествительних	предметниц
"	8	-	затрудняться, говоритьли	усумниться, говорят ли
8	7	сверху	сохатые	бьетъ он звѣри сохатые
"	14	-	(кот.	(Кот
"	11	снизу	Лапать	Лапоть
"	10	-	сих бичей	сих бичей (Татар) Озеровъ, „Дмитрій Донской"
"	9	-	(В.Гаршин)	(Всев.Гаршин)
9	2	сверху	не ясно отлиграфировано	τὸ μειράκιον ἐστι καλός
"	11	-	е - и	е такое же и
"	12	-	как	как (j) О.
"	15	-	огиь	огнь
"	16		О вставлено здѣсь как при род.станка,	как при род. станка
"	19	-	долък	долъг
"	20	-	плъиъ	плънъ
"	21	-	и в словѣ	в словѣ
"	21 и 22	-	форма	фонема

Напечатано				СЛѢДУЕТ
Стран.	Строк.			
9	25	сверху	прикладка	прикладок
"	1	—	ἐκυρᾶς	ἑκυρός
10	3	-	сопоставляет	выводит
"	4	-	с гот. katils	из гот. katils
"	17	-	игър	игор
"	21	-	(игъла не встрѣча- ется)	(игъла вообще не встрѣчается.)
"	22	-	встрѣчаем	находим
11	4	-	такъ - ІИ	такъ-и
"	17	снизу	и Бѣлоруссов до сих пор	и Бѣлоруссов смягченіе до сих пор
"	14	-	при	пры
	1	-	Кольсов	Колосов
12	10	сверху	(XIII слов Григ. Бог.	(XIII Слов. Григ. Бог);
13	2	-	снѣh образует снѣhу	снѣгъ образует снѣзу
"	14	-	vrohu (пол) vrohu (чеш)	vrozi (пол) vrahu (чеш)
14	2	-	„сестрице"	„сестрице"
"	13	-	сестринушко	сестричушко
"	9	снизу	встрѣчаются	встрѣчается
"	9	-	назывника	назывник
15	12	сверху	Падежная	Падежныя
"	14	-	фонема	фонемы
"	18	-	множныхъ	множинных
"	21/20	-	приставляютъ	представляютъ
"	13	снизу	безголосые	безголосные
"	11	-	будет ГОТ	будет ГОТ;
"	10	-	с голосовой согласний	с голосовымъ соглас- ним
"	8	-	(осн. рубл	(основы: рубл'
"	7	-	Произношеніе и на рублѣ, журавлѣ	Произношеніе рубл', журавл'
"	5	-	в томъ смыслѣ	в том же смыслѣ
"	3	-	Относительно замѣчу	Относительно Г замѣчу
"	2		превращается в,	превращается в К
16	14	-	таково	таковое
"	2/1	-	новгоодских	новгородских

Стран.	Строк.		Напечатано	Слѣдует
16	8	сверху	Въ великорусскоѣ	Въ великорусской
17	3	-	существит	и предметница,
"	5	-	ИМАЛЕ;	ИМАЛЕ (семен брал);
"	18	снизу	біеши	бјеше
"	17	-	кралевиску;	кралевићу
"	15	-	молодый	молодий
19	10	сверху	родники на У	родничному У
"	11	снизу	страннѣе для	страннѣе это объясненіе для
"	7	-	сдѣлать такую перэстановку: - Послѣ слов „со средним И" читать предложеніе, начинающееся словами „Естественно толковать... (4 строк.снизу) и только послѣ него предложеніе „Отмѣтимъ еще...	
20	4	сверху	долив),	долів),
"	13	"	послѣ слов: „по их значенію" вставить: „Сохранность у Малороссов падежнаго окончанія ові (ови), при нарѣчном ів также можно оправдать посторонним вліяніем - образцом других склоненій, гдѣ і (и) нераз носит на себѣ и удареніе.	
"	13	снизу	ѢМ	ЪМ.
"	12	-	В малорусской рѣчи вмѣсто	В малорусской рѣчи тоже вмѣсто
"	6/5	-	так думает Шахматов	так думает и Шахматов.
21	12/13	сверх.	потом потім	попо́м попім
"	14	-	можно	надо
"	6	снизу	КОНЕМ и КОНјЕМ	КО̀ЊЕМ и КО̂њјем
23	9	сверху	с предлогами НА и В,	с предлогами НА и ВО
"	15/16	-	„не в лѣсѣ дѣло", (Островскій „Лѣс") „въ Вишневом садѣ" (Чехова)	„не в лѣсѣ дѣло", „в Лѣсѣ" Островскаго, „в Вишневомъ садѣ" Чехова
24	7	-	заимствовало	заимствовала.
"	10	-	короси	короли

Стран.	Строк.		Напечатано	Слѣдует
24	18	сверху	ножи	ножы.
"	10	снизу	существительных	предметницы
"	8	-	порадили	породили
25	18	-	„ради мы очень,	„ради мы очень, что вам показалась наша по вкусу вода,
"	18	-	любезному гостью	любезному гостю
"	15	-	Доманскій	Ламанскій
26	13	-	Саколинец	Соколинец
27	3	сверху	Древлюхъ	Древлѧхъ
"	9	-	погреба и подобным	погреба; подобным
"	9	снизу	славянскомъ	словинскомъ
"	7	-		
28	8	сверху	„Верхній	„Ветхій
"	9	-	Под новой	Под новою
"	18	снизу	рукова́	рукава́
"	1	-	видим и	видим
29	6	сверху	указывает лишь, встрѣчаемое в былинах, путивльское: царевe, да татарове и уланове	указывает лишь путивльское: царевe, встрѣчаемое въ былинах, да татарове и уланове
"	9	-	малороссов	малоруссов
30	13	-	гостей, лебедей,	гостѐй, лебедѐй
"	13	снизу	хлѣбов, конев	хлѣбовъ, коневъ
"	6	-	Загр.	Зогр.
"	5		Врачем	Врачемъ
31	11	сверху	напр. гла́з, во́лос, гла́з, воло́с	напр. гла̀з, во́лос — гла̀з, воло́с
32	1	-	Шафорика	Шафарика
"	10	-	Дом в Кал;	Дом в Кол
"	11	-	(Конт. Сот. 5;)	(Кант. Сат. 5;)
"	20	снизу	пять аршин, пять человѣк	шесть аршин, семь человѣк
"	9	-	ПАДЕЖ ДАВАЛЬНЫЙ,	ПАДЕЖИ ДАВАЛЬНЫЙ,

Страп.	Срок.		Напечатано	СЛѢДУЕТ
33	3	сверху	„Египтянам, беза-конам, хотя оно	„Египтянам , беза-конам, хотя второе
"	4	-	и матигорьцам	и в записи: матигорь-цам ;
"	5	-	на сборищах,	на сборищахъ,
"	6	-	на сонмищах	на сонмищахъ
"	6	-	о глаголах	о глаголахъ
"	18	снизу	постойлом	по стойлом
"	14	-	понятному	понятому
"	11	-	сдім	псім
"	8	-	словоцизнами	словацизмами
"	4	-	с товарище	с товарищи
34	2	сверху	(средство)	(средства)
"	4	-	назывниками замѣ-няющими творник	замѣняющими творник назывниками
"	10	-	polwac	polować
"	11	-	miedzy	między
"	12	-	roskosznemi	roskosznemi
"	14	-	отъ rata образо-вать raty	отъ rota образовать roty
"	15	-	między krzyżowemi	między krzyżowemi
"	9	снизу	„грибы	„с грибы
"	2	-	формах - Ы и И, вѣроятно, идут	формах - Ы и И равны древнему - Ы, -И или же идут
35	8	сверху	дружинами	дружинамы
"	7	снизу	это собственно	имѣя из них
36	10	-	j вмѣсто b явилось	j вмѣсто Ѣ, чрез Ь, явилось
"	8	-	(обыкновенно	(не раз
37	1/2	сверх.	у Батюкова вины	у Батюшкова читаем: „вины"
"	9	-	сказалось стремле-ніе	сказалось весьма ра-зумное стремленіе

Напечатано			СЛѢДУЕТ
Стран.	Срок.		
37	10 сверху	множ.ч.от од	множ.ч.от.од)
"	18 снизу	писатель прошлаго	писатель XVIII и начала XIX .
"	12 -	назывнаго	назывника
"	11 -	оновому	еровому
38	1 сверху	ежеваго	ижеваго
"	5 -	с ежевым	с ижевым
"	17 -	царизы	царицы
"	19 снизу	„Из-за мор	„Изъ-за морь
39	7 сверху	к одинѣ	к однинѣ
"	14 -	Тутчев	Тютчев
"	12 снизу	а деревья, колѣнья	деревьев, колѣньев к деревья, колѣнья
40	1 сверху	указать особаго	указать еще особаго
"	7 -	Подобное же соотвѣтствіе	Подобное же стремленіе к соотвѣтствію
41	3 -	жынойу	жынойу
"	11 -	явленіях - Ъ,Й,Ь;	явленіях, выставляя окончанія - Е,Й,Ь;
"	15 -	род.же множ.	множ.же родник
"	19 -	Назывний	Назывник
"	22 -	судни	судии
"	9 снизу	Так в одной грамотѣ (1286 г.)	В грамотах, напр. в грамотѣ 1286 г.
42	11 сверху	судни	судии
"	20/21 -	форма	формѣ
"	6 снизу	(пишется Е)	(пишется также Е)
43	3 сверху	(Дух новгорост	(Духовная новгородск
"	9 -	„Аппеля замѣтки	Аппеля „Замѣтки
"	18	канечно	конечно
"	19/20 -	окончаніе и в других	окончаніе имѣется и в других
44	10 -	есть написаніе ѣ	есть ѣ
45	9 -	ижевый	ятевый
"	15 -	козѣ?	козѣ

Напечатано				СЛѢДУЕТ
Стран.	Строк.			
45	17/18	сверху	Лоптевскаго	Лапшевскаго
"	19	-	борьбы	бороды
"	15	снизу	с землі; жоні	с землі по примѣру жоні
"	14	-	самородныя землѝ, жонѝ	самородное землѝ
"	13	-	отмѣченных	отмѣчены
"	8	-	зар	зато
46	9/10	сверху	Бѣлоруссики его предпочитают, а малорусская допускает лишь	Бѣлорусская его предпочитает, а малорусская допускает ОЙ лишь
"	11	-	зато	однако
47	15	снизу	заря - зарей; в народной рѣчи встрѣчается впрочем	заря - зарей; встрѣчается впрочем
"	13	-	зорь")	зорь")
"	2	-	(Раич. Осв. Іер.)	(Раич „Осв Іер". XIII, 13)
48	6	сверху	свѣча̀, свѣчѝ и т.д.	свѣча̀м, а̀ми, ча̀х и т.д.
"	11	снизу	род.мы	род.мн.
"	5	-	В ижевомъ склоненіи, которое теперь представляют только слова женскаго рода за исключеніемъ одинпаго числа путь, мало падежных окончаній: многіе падежи.	В ижевомъ склоненіи, за исключеніем слова путь, многіе падежи
49	9	сверху	мла̏дост,	мла̏до̄ст,
50	7	-	поччю	ноччю
"	16	-	Бѣлоруссков	Бѣлоруссов
"	21	-	ко̀сти	ко̀стӣ

Напечатано				СЛѢДУЕТ
Стран.	Срок.			
50	12	снизу	„Вельмож.	Вельможа
"	11	-	(Кантем.	Капнист
51	1	сверху	жолудьми	желудьми
"	12	-	золото"	злата"
"	16	-	молчите	молчит
"	17	снизу	(Измаилов	Измайлов
52	5	сверху	Анакреоном	Анакреонтом
"	18	-	въ области	в областной
"	13	снизу	много	мною
"	10	-	падежом: также	падежом. Также
"	2	-	(кокош - курица)	кокош - курица)
"	2	-	род	мн. род.
53	1	сверху	ствари	ствари
"	3	-	кокошимы	кокошима.
"	5	-	ствари	ствари
54	4	-	трьмь	трьмъ.
55	9	-	ма	мя
"	19	снизу	Соболевскій примѣр	Соболевскій, мя; примѣр
"	16	-	в прозѣ у князя	въ прозѣ, у князя
"	15	-	потоков). Перм	протоков) Пермскія же
56	20	-	с сокращенным, не несклоняемым	сокращенным, но может-быть, еще несклоняемым
"	17	-	двѣми	двѣма.
"	17	-	(Поликарпов) и нѣсколько других,	(Поликарпово вв. и нѣсколько других)
"	14	-	двойного	двойнаго
"	12	-	„бѣ съ ним ВІ бѣсов имѣх"	бѣ съ нимъ ВІ бѣсовъ инѣхъ"
58	5	снизу	оправдывается „как лебедь робкая"	оправдывается также „как лебедь робкая".
59	14/15	сверх.	(родник в роли вильника) Ипат. лѣт. Новгор. лѣт: „ко тьсти (Лавр. Сп. лѣт)	(родник в роли вильника), Новгор. лѣт.; к зяти, тьсти своему (Ипат. лѣт.); ко тьсти (Лавр. Сп. лѣт.)

Напечатано			Слѣдует
Стран.	Строк.		
60	20 снизу	племен–,	племене,
"	11 –	пишется	пишутся
61	1 сверху	(„А.О;Смирновой")	„А.О.Смирновой"
"	17 снизу	О новый	оновый
"	15 –	племем	пламем
"	10 –	iмю	имю
62	9 сверху	мы	вы
"	17 –	ложноэтимологическое	не ложноэтимологическое
"	18 снизу	в оновом склоненiи	в оновое склоненiе
"	3 –	онѣ отличаются,	онѣ не отличаются
63	10/9 –	послѣ если бы	послѣ A, если бы
64	9 сверху	кобили	кобылы
"	10 –	(Нарѣжный, Бурсал. III. 1);	Нарѣжный Бурсак, III, 1)
"	12 снизу	небес, чудес	небёс, чудёс.
65	12 –	ероваго	ижеваго
"	11 –	и дочь относится	и дочь и по-русски относится
66	11 –	дочерью	дочер ю
68	19 сверху	„а се Всеволодъ	„а се Ѩ Всеволодъ
69	22/21 снизу	Ярославская, Смоленская и Псковская: мине, тебе, Олонец. тебе	ярославскiя, смоленскiя и псковскiя мине, тебе; Олонецкое тебе.
"	13 –	въ Минскѣ	в минеѣ
71	19 сверху	или из (ЗЪЛЪИ	или из Ы (ЗЪЛЪИ
"	10 снизу	В Трудах	в Трудах
"	8 –	счастливый	счастливый
"	3 –	также	еще
72	4 сверху	синый	синий
"	4/5 –	прежде	правда
"	12 –	из Ы И	из Ы
"	10 снизу	тронскрипцiя	транскрипцiя
73	10/11 сверху	друга сестра, перво дѣло, быстра кака рѣка (Даль, как си-	Даль, как сибирскiя, приводит: друга сестра, перво дѣло, быстра кака

Напечатано				СЛѢДУЕТ
Стран.	Строк.			
			бирскія).	рѣка.
73	16	сверху	прикладок	прикладков
75	4	-	по-тотемеки	по-тотемски
"	4/5	-	Вологодской губ.)	Вологодской же губ.)
"	9	-	окончаніем	оканьем
76	16	снизу	древнія	древнѣйшія
"	14	-	склоненію, а	склоненію, правильны, а
77	13	сверху	Фартунатовым и Шахматовам	Фортунатовым и Шахматовым
78	14	снизу	мој	тој
"	13	-	зчлыјѣ	зълыјѣ
80	13	сверху	в назём	в назём
"	16	снизу	в данном назывникѣ	в назывникѣ
"	13	-	примѣры	примѣр
81	8	сверху	ляхетскій"	ляхетски"
"	10	-	что удобнѣе	что их удобнѣе
82	10/11	-	в „Горе	в „Горѣ
"	20	снизу	в разсматриваемом падежѣ представляет	разсматриваемому падежу придает
83	20	снизу	ВЫ есть окончаніе	НЕ есть окончаніе
	16		среднероднаго	среднероднаго скл.
"	4		узнаем	узнаём
84	8	сверху	но все-таки	хотя все-таки
"	19	снизу	форма	фонема

" Отъ 9 до 4 строки снизу мѣсто испорчено литографіей, читать его слѣдует так: дающее косьвенные падежи к називн. ОН, ОНА, ОНО. Вниманія заслуживают также прежде всего тѣ падежи, которые на письмѣ начинаются с буквы И; ѣэтихъ падежах обыкновенно в литературном произношеніи появляется вначалѣ звук ј; мы имѣем таким образом тв.од.ч. јим, род.мѣст. мн. јих.

85	10	сверху	(јуво́)	(јиво́)
"	15	-	искал Звенигород" (грам.1491 г.)	искал" (Звенигород грам.1491 г)

Напечатано			Слѣдует
Стран.	Строк.		
85	18 сверху	Бобуэна	Бодуэна
"	19 снизу	которые не представляли	которые никогда не представляли
"	18 -	разновидность с,	разновидность с Ѫ
"	15 -	переходитъ в Н	переходит сперва в Н
"	14 -	такихъ предлогов ка СЪ	такихъ предлогов, как СЪ
"	13 -	прикнуску	пригнуску
"	4 -	ставки Н	приставки Н
86	18 -	ща	щи
"	4 -	посъла О пастъ	посъла и пастъ
"	2 -	перѣславлю мира	перєславлю мира
87	13 сверху	пользуется им; у глаголов	пользуется им у глаголов
"	12/11 снизу	в так называемое, по моей	в так называемое дѣепричастіе, по моей
"	6 -	послѣ слова „идучи" вставить: окончаніе -учи перенесено и на глаголы ижевые (как сидѣть - сидишь; сходить - сходишь): сидючи или сидючи, сходючи (формы народныя).	
"	2 -	из формы на ШТ	из формы ШТЕ
89	15 сверху	причастіе дѣйств.	Причастіе дѣйное
"	21 -	опершись	опершись (неизвѣстно с ё или с е); у него же опершись (Пѣснь о вѣщ. Ол.)
"	22 -	паричасток	папричасток
"	16 снизу	у Самарокова	у Сумарокова
"	7 -	несим, ведит, плетим	несиши, видиши, плетиши.
"	2 -	вм. разцветиш	вм. расцвѣтши
90	4 сверху	настоящаго	настоящнаго
"	16 -	любят это окончаніе	любят указанный способ
91	11 -	давшее	давшей
"	12 -	вземши	взёмши

Стран.	Строк.		Напечатано	СЛѢДУЕТ
92	20	снизу	поти	почти
"	8	-	но встрѣчаются рѣдко	но он встрѣчается рѣдко
"	6	-	„подползть к ногам с преданностью	„к царю подползть с преданностью.
92/93	1/1	снизу / сверху	который	которое
93	3	сверху	неслоговор	неслоговое
"	17	-	одобрить с фонетической	одобрить только с фонетической
"	21	-	выраженіе	возраженіе
94	8	снизу	плѣв	плѣвѫ
"	8	-	Д.б. и в	Д.д. таков и в
95	6	снизу	обыкновенно пишут).,	обыкновенно пишутъ ѧ)
"	19	сверху	эти формы	онѣ
96	20	снизу	несим	несім
"	15	-	и прослав.правильно ѣ	и прослав. ѣ
"	12	-	етому	этому
"	3		у мылоруссов	у малоруссов
"	2/1	-	лаголы	глаголы
"	1	-	горя́, горіNо	гори́, горімо
97	1	сверху	горите	горіте
"	15	-	не раз впрочем указываемые	Вдобавок не раз указываемые
"	8	снизу	пили-, -а	пили,-ы,-а
98	4	сверху	бусти	бути
"	16	-	(уьрлъ,уздумалъ присталъ,	(у-мьрлъ, уздумалъ, присталъ,
"	21	-	Орьевской	Юрьевской
"	10	снизу	бълъ	былъ
99	9	снизу	обыкновенно	обыкновеннаго
"	6	-	описательное	описальное
"	2	-	будут	буду

Стран.	Строк.		Напечатано	СЛѢДУЕТ
99	1	снизу	говорят prosić	говорят prosić będę
100	1	сверху	budu posyć	budu prosyć
"	1	-	budeš prosyć	budu prosyć
"	9/8	снизу	вспомогател.глагол	помогальный глагол
"	5	-	Такое выраженіе описанія	Такое описаніе
101	6	сверху	имѣть	иметь
"	9	-	благословитютя	благословити тя
"	10	-	Ипат.и Радзивилл, Вотарь), но видимо лишь	Ипат. и Радзивилл.) Встарь лишь
"	15	-	не раз впрочем указываемые	Вдобавок не раз указываемые
"	19	снизу	сослогательное	сослагательное
"	15	-	(напр.быстре пустили Полоцкая	бысте пустили (Полоцкая
"	10	-	или съ бысти	либо с бысте
"	9	-	милярино	Милятино
"	1	-	(условную	(условную)
102	8	сверху	Староц.Окончаніе мь равно	Староц. Ж Окончаніе М равное
"	11	-	Староц.Ѧ-МЬ	Староц.ѬМЬ
"	14	-	1-ьеличья	3-ьеличья
"	15	-	(или, по-польски,	(или, по-смыслу,
"	18/19	-	СЪЗЬДАТИ" СЪЗИЖДѪ; теперь зижду встрѣчается,как только книжный	СЪЗЬДАТИ - СЪЗИЖДѪ, что по-русски звучало бы СЖИЖУ; зижду и встрѣчается как книжный
"	9/8	снизу	у глаголов основных,	у глаголов основных -
"	4	-	умѣть,	умѣт,
"	4	-	сыграть	сыграт
103	3	сверху	играм	ӹграм
"	15	-	Комчая	Кормчая

Напечатано				СЛѢДУЕТ
Стран.	Строк.			
103	21	сверху	Второличнье	Второличье
"	23	-	она вовсе утрачена	оно вовсе утрачено
"	12	снизу	мѣгкость	мягкость
"	8	-	Захрьинскій	Захарьинскій
"	8		1276	1271
"	5	-	чтоб	чтобы
"	4		ть	звук т
104	6	сверху	знае́	зна́е
"	7	-	а именно ТЬ	а именно ТЬ: проси́ть, гори́ть.
"	16/17	-	знамо́	зна́мо
"	18	-	берім	бері́м
"	19	-	даймо́	да́ймо
"	23	-	звате́	звете́
105	7/9	-	(Грам. Рижан.в Витебск.ок.1300 г.) (Мы, конечно, плод примѣненья к соотвѣтственному личному мѣстоименію, срав. польск. damy)	(Грам.Вижан.в Витебск. ок.1300 г.), сравни польск. damy. (Мы, конечно, плод примѣненья к соотвѣтственному личному мѣстоименію
"	14	-	беріте	беріте
"	15	-	берить	берiть
"	15	снизу	спи̂тё	спи̂те
"	11	-	спимо̀ - спи́мо	спи́мо̀ - спи́мо
106	3	сверху	ядет	ѣдят
"	15	-	імо̀, истѐ	ї́мо̀, ї́стѐ.
"	16	-	ѣсте, сомнительно правда,	ѣсте, но это сомнительно; правда,
"	19	-	(Ипат.сп.лѣтоп. д.б.простая случайность)	(Ипат.сп.лѣтоп.) д.б. простая случайность.
"	23/24	-	посредством конечнаго т	посредством ют

Напечатано				Следует
Стран.	Строк.			
106	24	сверху	лубут	лубут,
"	25	-	просут	просут
"	8	снизу	лубят	любят
"	3	-	основное любть	основныя любАть
"	2	-	лубът	лубът

Конец.

20

84

